

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»

На правах рукописи

ТРИБУНСКАЯ НИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент В. Д. Шевченко

Самара – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические аспекты взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации	16
1.1 История дискурсивных исследований и подходы к определению дискурса.....	16
1.2 Понятие и специфика политического дискурса.....	22
1.3 Дискурсивные доминанты в модели ситуации как инструменте анализа политического дискурса.....	28
1.4 Интердискурсивность и полидискурсивность как виды взаимодействия дискурсов.....	34
Выводы по Главе 1.....	38
Глава 2. Лингвокогнитивные характеристики составляющих англоязычного политического дискурса	40
2.1 Репрезентация коммуникативной ситуации в англоязычном политическом дискурсе.....	40
2.2 Языковые средства выдвижения дискурсивных доминант	58
Выводы по Главе 2.....	78
Глава 3. Дискурсивная гетерогенность англоязычной политической коммуникации: эмпирический аспект	81
3.1 Социально-экономические аспекты взаимодействия дискурсов	81
3.2 Взаимодействие дискурсов в военно-политической сфере.....	111
3.3 Экологический и спортивный дискурсы в составе англоязычной политической коммуникации	128
3.4 Типы взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации	145
Выводы по Главе 3.....	153

Заключение.....	157
Список литературы.....	163
А) Теоретическая литература.....	163
Б) Источники выборки	180

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития технологий и информационной открытости политической системы предоставляет уникальные возможности для анализа издаваемых политиками документов, доступных для реципиентов в режиме онлайн. Настоящее диссертационное исследование посвящено специфике взаимодействия дискурсов в англоязычной письменной политической коммуникации. Она гетерогенна по своей структуре и включает в состав не только политический дискурс, но и открытое множество иных видов дискурсов, при этом в зависимости от условий и контекста ситуации какой-то из дискурсов начинает доминировать и оказывается в ней на определенном этапе главенствующим. В процессе коммуникации субъекты-участники могут переходить из одного дискурса в другой, меняя социальные роли и функциональные задачи в обществе.

Прагматическая направленность политической коммуникации демонстрирует двухфокусную адресность текстов: с одной стороны, ориентированность на интересы профессионального сообщества, с другой стороны, на запросы широкого круга читателей. Таким образом, ряд функций политика имеет регулятивно-управленческую направленность, остальные – больше сфокусированы на пропагандистско-просветительной составляющей.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, англоязычная политическая коммуникация оказывает огромное влияние на социум, а также на мировую ситуацию в целом, что обеспечивает высокую значимость ее изучения. Во-вторых, анализ взаимодействия составляющих различных видов дискурсов, входящих в состав политической коммуникации, позволяет понять прагматические установки автора, выделить вопросы первостепенной важности в политической повестке, а также проследить взаимное влияние политической и других сфер общественной жизни. При этом полученные данные обладают некой универсальностью и позволяют говорить о существовании регулярно

воспроизводимых дискурсов в политических текстах, что способствует построению модели взаимодействия институциональных дискурсов в политическом пространстве. Таким образом, исключительно важным становится анализ дискурсивных процессов, доминант и смыслов в политической коммуникации. Кроме того, использование элементов синергетического подхода к исследованию, дающего представление о политической коммуникации как целостной системе, делает полученные данные востребованными в междисциплинарном научном поле.

Степень разработанности проблемы. В последние десятилетия многие лингвисты обращаются к проблеме дискурса, в том числе политического. Отмечается значительная степень разнообразия и специфики политической коммуникации, наличие институциональных видов дискурсов, существование различных дискурсивных связей. В фокусе исследователей находится изучение политического дискурса (Э. А. Бочарова [Бочарова, 2013], Т. А. ван Дейк [Dijk, 1983, 1998, 2003, 2008], М. Р. Желтухина [Желтухина, 2003, 2011], Т. В. Забело [Забело, 2012], В. И. Карасик [Карасик, 2002, 2021], О. В. Михалёва [Михалёва, 2004], О. Ф. Русакова, П. Серио [Квадратура смысла, 1999], М. Фуко, А. П. Чудинов [Чудинов, 2003, 2012], Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000, 2004, 2009] и др.), политической коммуникации и массмедиа (А. Н. Баранов, Н. А. Герасименко, Т. Г. Добросклонская [Добросклонская, 2008, 2014, 2019], Р.-Ж. Шварценберг [Шварценберг, 1992] и др.), жанров политического дискурса (Е. Ю. Алешина [Алешина, 2016, 2021], Н. Фэркло [Fairclough, 1992, 1996, 2005], А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Многих ученых и философов, внесших существенный вклад в понимание взаимосвязи дискурса и политики, объединяет трактовка дискурса как властного ресурса, выполняющего функции создания социально-политического образа мира; регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений; формирования социальных, политических и идеологических идентичностей (Л. Альтюссер, Р. Барт, М. Бахтин, П. Бурдьё, А. Грамши, М. Пешо, М. Фуко, Ю. Хабермас и др.).

С развитием новых информационных технологий особым объектом изучения в науке становится интернет-дискурс. Вклад в его понимание внесли работы А. Н. Ахреновой, Е. Н. Галичкиной, Н. В. Кобрин, Д. Кристала, И. Г. Сидоровой и др. Ряд исследователей разрабатывают и изучают модели коммуникаций (А. Э. Гатина, Г. Д. Лассвелл, Ю. М. Лотман, Д. Хаймс [Hymes, 1974], Р. Якобсон и др.).

В настоящем исследовании большое внимание уделяется взаимодействию дискурсов в рамках политической коммуникации, связывающих различные реальности, области знаний, сферы деятельности. В процессе данного взаимодействия «в зависимости от воли автора одна или несколько составляющих становятся доминантами в рамках конкретной ситуации» [Трибунская, Пустарнакова, 2023: 74]. Рассмотрение дискурсивных доминант и предметно-референтной ситуации находит отражение в работах Е. Н. Александровой, Т. А. ван Дейка, М. Л. Макарова, Е. А. Мельниковой, В. Д. Шевченко [Шевченко, Писарева, 2019] и др.

Введению в науку понятия «интердискурс», исследованию интертекстуальности, интерференции дискурсов, интердискурсивности, полидискурсивности посвящены работы В. А. Андреевой, И. В. Арнольд, Е. В. Белоглазовой, М. Пешё, Ю. Е. Плотницкого, П. Серию, Н. Фэркло, В. Е. Чернявской, В. Д. Шевченко и др.

Объектом диссертационного исследования является взаимодействие различных дискурсов в англоязычной политической коммуникации, характеризующейся дискурсивной гетерогенностью. **Предмет** исследования – языковые средства, репрезентирующие составляющие и доминанты дискурсивных моделей ситуаций, конституирующих политическую коммуникацию.

Материалом для анализа послужили тексты официальных документов – Президентских актов (*Presidential Actions*), опубликованные на сайте Белого дома США (*whitehouse.gov*) [The White House] в разделе *Briefing Room* в период с 1 февраля 2021 г. по 1 февраля 2025 г. Всего в общий объем

выборки вошло более 1500 документов, что составляет около 5000 печатных листов. Все примеры представлены в оригинале, при необходимости дается авторский перевод.

Рабочая гипотеза исследования базируется на предположении о том, что англоязычная политическая коммуникация представляет сложную целостную систему, характеризующуюся дискурсивной гетерогенностью, и включает не только политический дискурс, но и множество иных взаимодействующих дискурсов, описание которых, помимо анализа языковых средств, предполагает выделение составляющих когнитивных моделей ситуаций, являющихся общими или специфическими для различных дискурсов в зависимости от прагматических целей участников дискурсов.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении значимых аспектов взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать теоретические аспекты взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации, включая специфику политического дискурса, дискурсивных доминант, интердискурсивности и полидискурсивности;
- 2) рассмотреть особенности репрезентации коммуникативной ситуации в англоязычном политическом дискурсе;
- 3) выявить в составе англоязычной политической коммуникации языковые средства, репрезентирующие составляющие различных видов институциональных дискурсов, включая экономический, образовательный, медицинский, внутривнутриполитический, внешнеполитический, военный, экологический, спортивный и др.;
- 4) провести анализ языковых средств выдвижения дискурсивных доминант;
- 5) определить основные типы и модели взаимодействия дискурсов в политической коммуникации.

В работе используются следующие **методы** исследования: наблюдение, сравнение, сопоставление, интерпретация, обобщение, метод дискурсивного анализа, методы семантического, ситуативно-контекстуального, описательно-аналитического анализа, контент-анализа. Выбор методов исследования обусловлен целью, задачами и характером эмпирического материала исследования.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных, в том числе работы, посвященные дискурсу, критическому дискурс-анализу и дискурсивным исследованиям (Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2008, 2014], И. Гоффман [Goffman, 1981], Н. К. Данилова [Данилова, 2001], Т. А. ван Дейк, И. В. Драбкина [Drabkina, 2020], С. И. Дубинин [Миры дискурса, 2015], В. И. Карасик, Г. Кресс [Kress, 1985], Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2000], М. Л. Макаров, А. Н. Морозова [Морозова, 2016], Е. В. Пономаренко [Пономаренко, 2006, 2013], Е. К. Русанов [Русанов, 2016], М. Стаббс [Stubbs, 1983], Ю. С. Старостина [Старостина, 2021, 2023], Н. Фэркло, А. А. Харьковская [Харьковская, 2016, 2020], М. В. Черкунова [Черкунова, 2023], П. Чилтон [Chilton, 1998, 2004], В. Д. Шевченко [Shevchenko, 2020], Д. Шифрин [Schiffrin, 1995] и др.); политическому дискурсу (Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], А. Н. Баранов, Э. В. Будаев [Будаев, 2020], Е. В. Гусева [Гусева, 2021], В. З. Демьянков [Демьянков, 2002], М. Р. Желтухина, О. В. Корецкая [Корецкая, 2017], В. А. Маслова [Маслова, 2008, 2022], Д. М. Понтон [Ponton, 2016], О. Ф. Русакова, Я. Ю. Хлопотунов [Хлопотунов, 2022], Д. В. Шапочкин [Шапочкин, 2005, 2018], Е. И. Шейгал, Т. В. Юдина [Юдина, 2001] и др.); взаимосвязи дискурса, власти и политики (Л. Альтюссер, Р. Барт, М. Бахтин, П. Бурдьё, А. Грамши, М. Пешё, П. Сериио, М. Фуко, Ю. Хабермас, В. Е. Чернявская и др.); интерпретации текста, дискурсивным взаимодействиям и доминантам (Г. Н. Александрова [Александрова, 2021], И. В. Арнольд, Е. В. Белоглазова, М. Р. Желтухина [Желтухина, 2010], Д. А. Кожанов [Кожанов, 2017, 2024], Е. А. Костяшина [Костяшина, 2008, 2009],

А. Г. Писарева [Писарева, 2022], Ю. Е. Плотницкий [Плотницкий, 2020], В. Е. Чернявская [Чернявская, 2001, 2004, 2014], В. Д. Шевченко, И. А. Щирова [Щирова, 2007] и др.); массмедийному и интернет-дискурсу (О.В. Александрова [Александрова, 2003], Н. Д. Арутюнова, Н. А. Ахренова [Ахренова, 2016], Е. Н. Галичкина [Галичкина, 2012], Т. Г. Добросклонская, В. И. Карасик, Д. Кристал [Crystal, 2004, 2011], М. А. Чекунова [Чекунова, 2017] и др.); коммуникации и коммуникативным моделям ситуаций (В. В. Антропова [Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности, 2018], Ю. В. Береснева [Береснева, 2017], А. Э. Гатина, А. А. Ивин [Ивин, 2012], Х. Лассуэлл [Лассуэлл, 2005], О. В. Роот [Роот, 2021], С. Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова, 2008], Ю. Хабермас [Habermas, 1984], Д. Хаймс, Р. Якобсон и др.); изучению контекста (Т. А. ван Дейк, И. Т. Касавин и др.); языку политики, теории управления, государства и права, политической манипуляции (Аристотель [Аристотель, 2019], Г. В. Атаманчук [Атаманчук, 1997], А. А. Богданов [Богданов, 1922], М. Гейс [Geis, 1987], Д. Грин [Green, 1987], Н. Макиавелли [Макиавелли, 2005], У. Райкер [Riker, 1986], П. Симпсон [Simpson, 1993], Д. Уоттс [Watts, 1997], К. Хадсон [Hudson, 1978], М. Эдельман [Edelman, 1964, 1977] и др.); семиотике и речевому воздействию (Ю. М. Лотман [Лотман, 1994], П. Б. Паршин [Паршин, 2000], Ю. С. Степанов [Степанов, 2001], [Семиотика, 2001], И. В. Фомин [Фомин, 2016] и др.), а также работы в области языкознания, лексикологии, стилистики, семантики, синтаксиса (О. Г. Амирова [Амирова, 2001, 2002], Г. Б. Антрушина [Антрушина, 2004], И. В. Арнольд, М. Я. Блох [Блох, 1983, 2019], А. И. Варшавская [Варшавская, 1984], И. Р. Гальперин, Э. М. Дубенец, А. С. Костина [Костина, 2013, 2014], Д. Кристал, Ю. В. Рождественский, А. И. Смирницкий [Смирницкий, 1957], Ф. Соссюр [Соссюр, 1977] и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нём **впервые**:

1) проведено изучение англоязычных официальных документов – Президентских актов США в контексте дискурсивной гетерогенности,

включающей такие типы взаимодействия дискурсов, как интердискурсивность и полидискурсивность;

2) выделены общие и специфические составляющие дискурсов, конституирующих политическую коммуникацию;

3) рассмотрена дискурсивная гетерогенность англоязычной политической коммуникации в различных аспектах, включая социально-экономический, военно-политический, экологический, спортивный и другие, с учетом иерархии дискурсов и функциональных ролей коммуникантов;

4) отражены особенности репрезентации коммуникативной ситуации и дискурсивных доминант в англоязычном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в изучение особенностей взаимодействия институциональных видов дискурсов, а также в развитие лингвопрагматического понимания англоязычной политической коммуникации. Анализ структуры и смысловой наполненности текстов документов даёт представление о значимых основах и дискурсивных процессах англоязычной политической коммуникации. Полученные в работе результаты отражают системно воспроизводимые дискурсы в англоязычной политической коммуникации и учитывают как объективные, так и субъективные факторы, что обеспечивает их универсальность.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут использоваться при разработке лекционных курсов, практических занятий и семинаров по проблемам дискурса, дискурс-анализа, дискурсивным взаимодействиям, прагматике дискурса, анализу коммуникативных ситуаций, интерпретации политических текстов, а также в междисциплинарных научных исследованиях и т.д. Полученные данные применимы в различных междисциплинарных областях научного знания, находящих интерес в изучении особенностей взаимодействия дискурсов, основ политической коммуникации, включая теоретические и практические

курсы по политологии, социологии, теории государства и права, юриспруденции и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дискурсы вступают во взаимодействие посредством языковых средств, репрезентирующих такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ, СОБЫТИЙ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и другие. Для входящих в англоязычную политическую коммуникацию отдельных видов дискурсов характерны специфические составляющие: «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ» в экономическом дискурсе, «БОЛЕЗНИ» и «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» в медицинском дискурсе, «НАИМЕНОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ» в экологическом дискурсе, «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» в спортивном дискурсе, «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО» в политическом дискурсе и др.

2. В рамках англоязычной политической коммуникации существуют различные модели поведения и взаимодействия участников политического дискурса и участников иных дискурсов. В большинстве случаев можно говорить о доминирующей роли субъекта политики, который берет на себя следующие роли: управленец, законодатель, интерпретатор событий, аналитик, манипулятор, просветитель, идеолог и др. Для участников иных видов дискурсов, входящих в англоязычную политическую коммуникацию, характерны такие модели поведения и роли, как исполнители, профессионалы, любители, избиратели, эксперты, рядовые члены общества и др. В зависимости от контекста ситуации одни и те же участники могут переходить из одного дискурса в другой, меняя социальные и профессиональные роли, например, «больной» – «избиратель» – «военнослужащий», «учитель» – «налогоплательщик» и т.д.

3. Особенностью интеракции политического и экологического дискурсов является взаимодействие между языковыми единицами, обозначающими субъектов политического дискурса и объекты

экологического дискурса, то есть в данном случае реализуется субъектно-объектный тип отношений между дискурсами. При взаимодействии политического и религиозного дискурсов иерархия дискурсов выстраивается по-иному, чем в остальных дискурсах: здесь участник политического дискурса теряет свое доминирующее положение, лидирующая роль приписывается участникам религиозного дискурса.

4. Дискурсивная гетерогенность реализуется в текстах посредством двух основных типов взаимодействия дискурсов: интердискурсивности (когда один дискурс строится по законам другого) и полидискурсивности (когда в рамках одного дискурса одновременно присутствуют фрагменты нескольких тематических типов дискурсов). Для англоязычной политической коммуникации характерно усложнение дискурсивных связей, когда в текстах одновременно присутствуют черты интердискурсивности и полидискурсивности, а также масштабной интердискурсивности (два разных вида интердискурсивности), то есть реализуется множественный тип взаимодействия дискурсов.

5. В рамках англоязычной политической коммуникации полидискурсивность проявляется в наличии элементов следующих дискурсов: экономического, образовательного, медицинского, внутривнутриполитического, внешнеполитического, военного, дискурса безопасности, экологического, спортивного, идеологического, культурного, религиозного и других дискурсов. При этом интердискурсивность реализуется в англоязычной политической коммуникации преимущественно за счет языковых средств юридического дискурса, интернет-дискурса, а в отдельных случаях – посредством черт бытового дискурса. Использование маркеров интернет-дискурса и бытового дискурса указывает на наличие тенденции к упрощению политических документов, ориентации на массового читателя.

6. Выдвижение дискурсивных доминант зависит от типа официальных документов. В Президентских актах, ориентированных на

профессионального адресата, на первый план выдвигается акциональная доминанта, репрезентирующая действия участников, что обусловлено регламентирующим характером этих документов. В документах, предназначенных для массовой аудитории, актуализируется прежде всего аксиологическая доминанта, включающая оценочные компоненты коннотативных значений языковых единиц, а также характерологическая доминанта, репрезентирующая определенные характеристики участников. Подобная особенность обусловлена стремлением политика вызвать реакцию со стороны адресата, убедительнее аргументировать свою позицию, склонить собеседника к принятию определенной точки зрения. Кроме того, каждый дискурс, присутствующий в политической коммуникации, выдвигает свои доминантные составляющие, благодаря которым дискурсы вступают во взаимодействие.

Достоверность и объективность полученных в работе выводов обусловлена системным характером исследования, целостностью используемой концепции, репрезентативностью выборки материала, а также соответствием поставленных задач, теоретических положений и выводов исследования.

Содержание диссертационной работы соответствует следующим требованиям Паспорта научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки):

– п. 9 текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран;

– п. 10 методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой;

– п. 11 исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены на международных и межвузовских конференциях: III Международная научно-практическая конференция «Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Digital Communications» (Москва, 2022); XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция, подсекция «Коммуникативно-прагматические характеристики текста и дискурса» (Самара, 2022); XIX Международная научно-практическая конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, секция «Иностранные языки и литературы в научно-образовательном дискурсе современной России» (Самара, 2022); Межвузовская научная конференция «Филологическая проблематика в системе высшего образования: аспекты субстанциональности языка» (Самара, 2023 г.) и др.

Положения диссертационного исследования изложены в 9 публикациях, среди которых пять статей в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Вестник Самарского университета «История. Педагогика. Филология»» (Самара, 2021), «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» (Владикавказ, 2021), «Филология и культура. Philology and Culture» (Казань, 2022), «Вестник МГПУ «Филология. Теория языка. Языковое образование»» (Москва, 2022), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2026).

Объем и структура диссертации обусловлены поставленной целью и задачами исследования. Диссертация объемом 186 страниц включает введение, три главы, заключение и список литературы, состоящий из 228 наименований, среди которых источники на русском и английском языках,

словари, справочники, источники фактического материала.

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы исследования, определяются цель, задачи, объект и предмет работы, обозначаются методы, материал и теоретическая основа исследования, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Введение также включает рабочую гипотезу, положения, выносимые на защиту, соответствие паспорту научной специальности, сведения об апробации, объеме и структуре работы.

В **Первой главе «Теоретические аспекты взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации»** представлена теоретическая база изучения феномена «дискурс», специфики политического дискурса, дискурсивных доминант, а также интердискурсивности и полидискурсивности.

Вторая глава «Лингвокогнитивные характеристики составляющих англоязычного политического дискурса» посвящена анализу коммуникативной ситуации в англоязычном политическом дискурсе, выделению компонентов ситуации, а также изучению дискурсивных доминант.

В **Третьей главе «Дискурсивная гетерогенность англоязычной политической коммуникации: эмпирический аспект»** анализируются входящие в состав англоязычной политической коммуникации дискурсы и их составляющие. Рассматриваются типы дискурсивных взаимодействий, включая полидискурсивность, интердискурсивность, множественный тип взаимодействия дискурсов.

В **Заключении** обобщаются основные результаты исследования, формулируются выводы, а также обозначается перспектива изучения особенностей взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1 История дискурсивных исследований и подходы к определению дискурса

Начиная с античных времен, человек интересовался закономерностями мышления и разума. Высоко ценилось ораторское искусство, способность убедить собеседника, обосновать свою точку зрения, отстоять позицию. В процессе взаимодействия оппонентов рождалась дискуссия.

В последние десятилетия большую популярность в науке приобретают дискурсивные исследования. Поскольку настоящая работа посвящена особенностям взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации, обратимся к рассмотрению ключевого понятия «дискурс».

Дискурс представляет собой сложный и многоуровневый языковой, философский и социальный феномен. При этом каждый исследователь находит свое направление для изучения, что придает дискурсивным практикам особую привлекательность. Термин «дискурс» (*discursus* (лат.), *discourse* (англ.), *discours* (фр.), *discorso* (итал.)) происходит от латинского «*discurrere*» – «обсуждение», «переговоры». Впервые дискурс стал использоваться в эпоху Возрождения, приобретая смысловое значение: «говорить о вещах общественных так, как соответствует их природе» [Касавин, 2008: 316]. Дискурс – это речь, процесс языковой деятельности, способ говорения. Важным аспектом в понимании структуры дискурса является наличие двух ролей – «говорящего субъекта» («автора текста») и «адресата» («читателя»), которые взаимодействуют в процессе, акте коммуникации [Валгина, 2003: 22]. В социогуманитарном смысле дискурс – социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми классифицируется и репрезентируется реальность в те или иные времена. Данное значение слова «дискурс» ввёл

Эмиль Бенвенист, противопоставляя *discours* (речь, привязанная к говорящему) и *récit* (речь, не привязанная к говорящему) [Benveniste, 1971].

Как отмечает М. Л. Макаров, дискурс – это широкое междисциплинарное направление, возникшее на почве синтеза достижений и методов многих лингвистических и социальных дисциплин, постоянно обменивающееся своими идеями. [Макаров, 2003: 118, 119].

В. Е. Чернявская подчеркивает, что под дискурсом подразумевается комплексность тематически соотнесенных текстов, а также «определенное коммуникативное событие» [Чернявская, 2017: 14].

Исследователи дискурса часто отмечают «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения»; при этом важен как процесс языковой деятельности, так и ее результат. [Кибрик, Паршин, 2023].

В. И. Карасик полагает, что дискурс, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. Язык существует в языковом сознании – коллективном и индивидуальном, а языковые личности являются носителями языкового сознания и культуры в языке [Карасик, 2002: 7]. В речи индивида можно выделить следующие аспекты: 1) языковая способность – основа речевого общения, включающая психические и соматические механизмы; 2) коммуникативная потребность – наличие адресата, участников общения, языкового коллектива, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция – приобретенная способность адекватно осуществлять речевое взаимодействие в различных ситуациях; 4) языковое сознание – вербализованное отражение внешнего мира во внутреннем мире индивида; 5) речевое поведение – совокупность речевых поступков, отражающих личностные характеристики и образ жизни человека. Таким образом, коммуникативная компетенция есть проявление языкового сознания, включая чувства, волю, мышление, память человека через определенные средства общения, то есть через конкретные компоненты речевой организации [Карасик, 2002: 7, 8].

Во второй половине XX века возникают различные теории дискурса, включая немецкую и французскую школы. Поскольку феномен дискурса связан с извлечением смыслов, он становится объектом междисциплинарных исследований и активно изучается многими науками, включая социологию, политологию, философию, юриспруденцию и др.

Обратимся к рассмотрению понятия «дискурс-анализ». В 1952 году З. Харрис впервые вводит данный термин. В основу метода З. Харриса была положена теория информации. Дискурс-анализ – это научное направление, предполагающее изучение ситуации через текст, а также проведение исследований на стыке нескольких наук. Современное развитие дискурс-анализа началось в середине 60-х годов. Он основывается, прежде всего, на исследованиях в области антропологии, этнографии и на связях этих дисциплин с поэтикой, семиотикой и лингвистикой.

Среди направлений дискурс-анализа можно выделить следующие:

1) разговорный анализ – подход, в рамках которого разговор рассматривается как строго структурированное социальное взаимодействие (в частности, Х. Сакс показал, что даже структура телефонных разговоров отражает общие правила социального порядка) [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974: 697];

2) дискурсивная психология (Д. Эдварс, Дж. Поттер; возникает на волне повышенного интереса к процессам ментальной обработки информации) – направление, в рамках которого ментальные процессы и психологические категории рассматриваются как продукты социальной и дискурсивной практики. Высказывания ориентированы на действия в определенном социальном контексте, а их значение определяется интенцией и способом употребления. «Emotion discourse is an integral feature of talk about events, mental states, mind and body, personal dispositions, and social relations» [Edwards, 1996: 170].

3) интерактивная социолингвистика (Дж. Гамперц, Э. Гофман) – в рамках данного подхода в фокусе рассмотрения находится межличностная

интеракция с использованием языка, при этом смысл зависит от ситуации. «However, in many cases, what the individual does in serious life, he does in relationship to cultural standards established for the doing and for the social role that is built up out of such doings.» [Goffman, 1994: 562].

4) критический дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Водак [Водак, 1997], [Wodak, 1989, 1996, 2008], Т.А. ван Дейк и др.) – это эмпирическое исследование отношений между дискурсом и социально-культурным развитием. Он рассматривает изменения дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности. Комбинация элементов, заимствованная из других текстов и дискурсов, изменяет определенный дискурс, а вслед за ним и общую картину мира. Дискурс трактуется как один из механизмов осуществления власти, доминирования и социального контроля.

5) Бирмингемская школа дискурсивного анализа (Дж. Синклер, М. Култхард) – разработана в результате проекта «The English Used by Teachers and Pupils» (сентябрь 1970 г. – август 1972 г.). Изучая речевое взаимодействие учителей и учеников, авторы стремились ответить на следующие вопросы: как связаны соседние высказывания в потоке речи; кто и каким образом управляет ходом общения; как происходит смена ролей говорящего и слушающего; каким образом вводятся новые темы и завершаются прежние.

б) исследования политического дискурса (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Е. И. Шейгал и др.).

Дискурс-анализ не сводится ни к сугубо структурному анализу речи в духе Бирмингемской школы, ни к разговорному анализу в русле этнометодологии, ни к лингвистике текста, ни к другим близким подходам. Главной тенденцией развития современного дискурс-анализа в эпоху постструктурализма и постмодернизма является его общая интерпретативная направленность [Макаров, 2003: 119].

Необходимо отметить, что существует два основных подхода к пониманию дискурсивных процессов: формальный (структурный) и

функциональный (коммуникативный). Формальный подход не учитывает социально-когнитивные функции языка, подразумевая, что язык живет и развивается по своим собственным законам. В рамках формального подхода был сделан важный вывод о наличии когезии и когерентности тех языковых единиц, которые образуют дискурс. Русский формализм 20-х годов XX в. оказал значительное влияние на дискурс-анализ. Следует отметить существенный вклад в развитие теории текста выдающегося советского ученого В. Я. Проппа. В своей работе «Морфология сказки» он выделил повторяющиеся постоянные элементы, положив начало структурно-типологическому изучению нарратива. Ценность формального (структурного) подхода заключается в том, что в фокусе внимания исследователей оказываются языковые средства, их специфика и особенности функционирования в процессе коммуникации. Однако в настоящее время большинство исследователей отдает приоритет функциональному подходу к изучению дискурса. В нашем исследовании мы также будем опираться на функциональный подход, который дает возможность проанализировать и увидеть отражение оттеночных смыслов и различных контекстов через язык. Функциональный подход исходит из того, что экстралингвистическая ситуация определяет выбор языковых средств, содержание высказывания и момент речевого акта (то, как, что и когда мы говорим). «Зависимость от ситуации подразумевает различные факторы: зависимость от стимула, функции, временного, локального и социального окружения, материальных условий, адресанта и адресата и др.» [Шевченко, 2008: 15].

Одним из ярких представителей коммуникативного направления, критического дискурс-анализа, теории речевых актов является нидерландский ученый, лингвист Тён Адрианус ван Дейк, посвятивший множество научных работ теме дискурса. В своей работе «Язык. Познание. Коммуникация» Т. А. ван Дейк рассуждает о том, что понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание мира. При создании и

восприятию текстов одним из ключевых моментов становится осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация [Дейк, 1989: 161]. В рамках дискурса коммуниканты взаимодействуют в различных обстоятельствах, обмениваются мнениями, имеют собственные цели, задачи, а также набор социокультурных знаний и представлений.

Среди представителей функционализма следует отметить таких исследователей, как С. Тэйлор, Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен, Н. Фэркло, Р. Водак, С. Миллс, которые также говорят о связи изменений, происходящих в языке, с разными социальными ситуациями, участниками коммуникации и средой. [Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ, 2006: 4], [Fairclough, Wodak, 1996], [Mills, 1997].

Необходимо учитывать связь дискурса с коммуникацией и логически вытекающую из этого значимую роль контекста и экстралингвистических факторов. Выделяют языковой контекст – способ, которым сам разговор или текст создает контекст для другого разговора или текста, – а также экстраситуационный контекст, то есть контекст культуры. Понятие социальных правил предполагает, что они признаются участниками коммуникации. Однако, по мнению И. Т. Касавина, этого недостаточно, так как понимание того, что гарантирует этот процесс, остается за кадром. По мнению исследователя, «именно включенность всякого коммуникативного действия в более широкий контекст (реальный или потенциальный) придает ему смысл и обязывает участников придерживаться тех правил, которые они установили» [Касавин, 2008: 19]. Т. А. ван Дейк также отмечает важную роль контекста, включая необходимость учета пространственно-временных и других факторов при изучении дискурсивных структур. [Dijk, 1998: 15].

Как показывают наблюдения, мы постоянно сталкиваемся с взаимодействием различных текстов, следовательно, целесообразно говорить о явлении «интертекстуальности», понимаемом рядом авторов как сопричастие в тексте двух и более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.).

Кроме того, в результате взаимодействия и комбинирования различных дискурсов возникают понятия «интердискурсивности», «полидискурсивности», «дискурсивной гетерогенности», которые актуальны в формате данной работы и позволяют комплексно проанализировать различные дискурсивные связи. Подчеркнем также, что данные категории будут рассмотрены более подробно в рамках отдельного параграфа настоящей главы.

Таким образом, дискурс представляет сложное многостороннее явление и вызывает интерес современных исследователей в лингвистике. В условиях разнообразия теоретических подходов к изучению дискурса в контексте данной работы целесообразно опираться в первую очередь на функциональный подход к пониманию сути дискурсивных процессов – с учетом значимой роли контекста, а также экстралингвистических факторов и прагматических намерений коммуникантов. Совокупность данных параметров дает возможность анализировать и интерпретировать отражение оттеночных скрытых смыслов через язык.

1.2 Понятие и специфика политического дискурса

Как отмечает В. И. Карасик в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» «представляется возможным выделить различные виды институциональных дискурсов, включая политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, спортивный, научный, массово-информационный и другие». По мнению автора, «список институциональных дискурсов может быть дополнен либо видоизменен» [Карасик, 2002: 194]. Этот вывод важен, поскольку в настоящем исследовании мы рассматриваем политический дискурс в качестве институционального дискурса, а также взаимодействие различных видов институциональных дискурсов, конституирующих англоязычную политическую коммуникацию.

Как отмечает Т. А. ван Дейк, понимание текста возможно только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Поэтому «модели ситуаций» необходимы в качестве основы интерпретации текста [Дейк, 1989: 9]. Очевидно, что при таком фокусе рассмотрения политический дискурс обнаруживает значительную степень разнообразия и специфики.

По словам О. Ф. Русаковой, «дискурсы – это мощный властный ресурс, посредством которого государственные и общественные институты осуществляют свою самопрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, производят позиционирование социальных субъектов в социальном, экономическом, культурном и политическом пространстве» [Русакова, 2008: 114].

Дискурс власти, в частности государственной власти, может трактоваться как определенный вид принуждения, насилия. М. Фуко рассматривает дискурс в качестве властного ресурса, воспроизводящего отношения доминирования и поддерживающего неравенство в обществе. «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности» [Фуко, 2008: 170]. Дискурс здесь выступает как инструмент поддержания власти, он создается и контролируется акторами политики. Далее М. Фуко рассуждает: «Правитель проявляет себя тираном, если он пренебрегает мнением своих честных советников или наказывает их за то, что они говорят» [Фуко, 2008: 170]. В. И. Карасик отмечает, что ценности политического дискурса сводятся к обоснованию и отстаиванию права на власть и постоянно подчеркиваются в политических речах [Карасик, 2002: 238].

По мнению исследователя политического дискурса Е. И. Шейгал, «интенцию политического дискурса составляет борьба за власть, что предопределяет его основные функции:

- 1) интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики;
- 2) развитие конфликта и установление консенсуса;
- 3) осуществление вербальных политических действий и информирование о них;
- 4) создание «языковой реальности» поля политики и её интерпретация;
- 5) манипуляцию сознанием, контроль за действиями политиков и электората» [Шейгал, 2000: 9].

Е. И. Шейгал отмечает, что для обывателя политика предстает как набор сюжетов (выборы, визиты, отставка Правительства, война, переговоры, скандал) [Цит. по Карасик, 2002: 238].

Далее обратимся к трактовке политического дискурса, которая важна для понимания сути официальной политической коммуникации. В широком смысле под политическим дискурсом понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004: 15]; «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте - контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [Герасименко, 1998: 22]; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2001: 246].

В диссертационном исследовании мы будем опираться на определение политического дискурса, предложенное Е. И. Шейгал. Нас будут интересовать официальные политические тексты, а именно Президентские акты, автором которых выступает президент США. Таким образом, в центре внимания настоящего исследования оказывается субъект политической

коммуникации и его прагматические установки.

Необходимо отметить, что политический дискурс включает различные сферы общественной жизни и обусловлен основными функциями государства:

- политическая (сохранение и перераспределение власти, обеспечение деятельности политических и общественных институтов);
- экономическая (регулирование экономических отношений и структурных изменений в экономике);
- социальная (развитие образования и здравоохранения, культуры и социального обеспечения);
- идеологическая (формирование общественного мнения и ценностей, воспитание гражданской и патриотической позиции);
- экологическая (охрана окружающей среды, установление режима природопользования);
- внешнеполитическая (развитие дипломатических отношений, заключение международных договоров, участие в международных программах и т.п.);
- обеспечение национальной безопасности (обороноспособность, защита территории, суверенитета) и др.

Справедливо предположить, что дискурсы, входящие в состав политического дискурса, являются неотъемлемыми составными частями его институционального пространства. Таким образом, политическая коммуникация затрагивает ключевые сферы общественной жизни, поэтому находится в фокусе междисциплинарных исследований (филология, социология, политология, культурология и др.). Это позволяет говорить о междисциплинарном статусе языка политики как объекта исследования.

Как отмечалось ранее, политический дискурс весьма неоднороден. В условиях стремительного развития медийных технологий становится особенно актуальным лингвистический и дискурсивный анализ политических текстов, размещенных в сети Интернет. «Коммуникация

осуществляется в глобальном информационном пространстве и в широком смысле представляет медиатекст, отличающийся мгновенностью передачи и прочтения информации» [Трибунская, 2022: 69]. «Исследователь Т. Г. Добросклонская повествует о начале нового этапа общественного развития благодаря большому влиянию информационных технологий на все стороны общественной жизни» [Шевченко, Трибунская, 2021: 39]. Средства массовой информации (радио, телевидение, интернет и т.д.) являются каналами распространения информации, соответственно, можно говорить о появлении понятий «медиатекст» и «медиадискурс». «Владение информационными ресурсами становится мощным оружием, позволяющим интерпретировать те или иные события, а также оказывать влияние на общественное сознание и восприятие происходящего» [Трибунская, 2022: 65]

Далее рассмотрим основные подходы к определению коммуникации, осуществляемой в интернет-пространстве. Исследователь Е. Н. Галичкина отмечает, что интернет-коммуникация представляет собой сложную комбинацию дискурсов, которые необходимо рассматривать в рамках многожанрового интернет-дискурса [Галичкина, 2001: 10]. Как отмечает И. Г. Сидорова, «интернет-жанр наиболее точно дефинируют определения, обозначающие многомерность и комплексность коммуникативного процесса в интернете, его прагматическую, медийную, содержательную и языковую природу» [Сидорова, 2014: 39]. Английский лингвист Д. Кристал выделяет пять жанров или «ситуаций использования» интернет-дискурса, в том числе «электронную почту, синхронные и асинхронные чаты, виртуальные миры, веб-тексты» [Crystal, 2004: 63].

Очевидно, что жанры политического дискурса зачастую имеют гибридный характер, а трудности их выделения связаны с неоднородностью языка политики. Н. Фэркло выделяет жанры, относящиеся к политической системе («политические дебаты, манифесты, программы, парламентские и партийные речи, нормативные документы»), политические медиа-жанры («политические новости, интервью, передачи о политиках, политическая

реклама»), жанры, связанные с публичностью в политике («публичные встречи, политические форумы и др.») [Fairclough, 2005: 33-34]. Как справедливо отмечает Н. В. Кобрин, интернет и социальные медиа создают как виртуальные, так и реальные тесные контакты, при которых физическое расстояние между коммуникантами перестает играть роль, поскольку исчезает необходимость в общем физическом пространстве для социально-коммуникативного взаимодействия [Кобрин, 2016: 159].

В настоящей работе рассматривается англоязычная политическая коммуникация, представленная официальными документами – Президентскими актами США. Для понимания сути и специфики данной коммуникации необходимо определить терминологический аппарат в данной области. Документ (от лат. *documentum*), с одной стороны, представляет «зафиксированную на материальном носителе информацию с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», с другой стороны, «текст, композиция, содержание и идентификация которого регламентированы деятельностью некоторого учреждения» [Блох, Костина, 2016: 47]. С. П. Кушнерук характеризует тексты документов как «функционально, содержательно, структурно и нормативно завершенное речевое единство, являющееся основным коммуникативным компонентом документа» [Кушнерук, 1999: 71].

С лингвистической точки зрения можно выделить следующие характерные черты текстов документов:

- 1) «унифицированность текста»;
- 2) «официально-деловой стиль»;
- 3) «наличие таблиц, графиков, схем, диаграмм»;
- 4) «ограничения, связанные с использованием просторечной лексики, междометий, эмоционально-окрашенных слов и т.д.»; [Розенталь, 2008: 58];
- 5) «использование терминов в текстах» [Шелов, 2010; Пыж, 2015].

Н. С. Валгина отмечает, что «официально-деловой стиль – наиболее замкнутая среди других стилей функциональная система, стабильная,

традиционная и стандартизированная; при этом он подвергается изменениям под влиянием социально-исторических сдвигов в обществе» [Валгина, 2003: 130]. На примере официальных документов США мы видим, что в действительности происходит эволюция языка органов власти, он приобретает черты информационного или публицистического стиля. Особенность информационного стиля состоит в высокой концентрации информации, помогающей читателям выбрать необходимые сведения. В текстах встречаются различные идиомы, фразеологические единицы, устойчивые словосочетания соответствующей тематики [Костина, 2015: 15].

Целевую аудиторию официального политического дискурса составляют в первую очередь профессиональные читатели. В то же время, отвечая требованиям прозрачности, такие тексты ориентированы также на широкую общественность.

Таким образом, политический дискурс принадлежит к институциональному типу дискурса и по своей природе неоднороден. Его особенность заключается в том, что он охватывает все сферы общественной жизни. В политической коммуникации мы наблюдаем взаимопроникновение множества институциональных типов дискурсов. Развитие интернет-технологий в значительной степени способствует повышению информационной открытости и доступности политических текстов. Документы имеют опору на конкретные источники (нормативно-правовые акты, исследования, статистические данные) и характеризуются смысловой конкретностью, насыщенностью, структурированностью.

1.3 Дискурсивные доминанты в модели ситуации как инструменте анализа политического дискурса

Анализ коммуникативной ситуации (ситуации общения, речевой ситуации) включает в себя комплекс внеязыковых компонентов, условий, влияющих на процесс коммуникации, в том числе содержит в качестве

составляющего компонента предметно-референтную ситуацию, под которой вслед за Е. Н. Александровой мы будем понимать «вариативную языковую интерпретацию фрагмента действительности, отраженного в сознании говорящего» [Александрова, 2011: 8]. Рассматривая «когнитивную модель предметно-референтной ситуации, справедливо отметить, что ее компоненты находятся в определенной иерархии, зависящей от интенции адресанта. Его прагматическая цель в этом случае заключается в том, чтобы направить внимание реципиента на один из содержательных компонентов при помощи средств языка» [Писарева, 2022: 49]. В настоящем исследовании мы опираемся на широкое понимание речевой ситуации, включающее как предметно-референтные компоненты, так и участников коммуникации и их характеристики.

Далее рассмотрим более подробно понятие коммуникации и подходы к ее осмыслению. Проблемы коммуникации находятся в фокусе внимания целого ряда гуманитарных и социальных дисциплин: психологии, лингвистики, философии, культурологии, социологии, политологии, риторики и др. Понятие «коммуникация» (communication) происходит от латинского слова *communicatio* ('сообщение, передача'). В научной сфере данный термин обладает свойством многомерности, которое требует от исследователя учета ряда параметров при анализе текстов, включая неких участников коммуникации, осмысление сказанного ими, а также условий взаимодействия, наличие ответной реакции и т.д. [Эффективная коммуникация, 2005].

Необходимо отметить, что становление теории коммуникации связано с развитием кибернетики, информатики, семиотики. К середине 20 века сформировалось несколько направлений в осмыслении коммуникации:

1. англо-американское, в фокусе которого находится лингвистический анализ. С 60-х годов XX века проблемам коммуникативной лингвистики начинает отводиться центральное место в англо-американских лингвистических исследованиях, происходит развитие социолингвистики и

этнографии речи. Американский социолингвист и антрополог Д. Хаймс вводит понятие коммуникативной компетенции, которое понимается им как «внутреннее знание ситуативной релевантности языка и способность быть участником речевой деятельности» [Hymes, 1992: 31-57]. Иными словами, такое представление позволяет рассматривать язык не как простой набор грамматических характеристик, а как носитель разнообразных смыслов – как объективно существующих, так и индивидуально вкладываемых автором. Таким образом, язык начинает восприниматься в широком социальном контексте, а методологическая доминанта смещается с лингвистического описания на коммуникативный подход (Дж. Гумперц, У. Лабов, Дж. Фишман, Д. Хаймс, С. М. Эрвин-Трипп).

2. французское, включающее осмысление различных социальных проблем, вопросы идеологии и власти (Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Деррида, А. Камю, М. Лакан, М. Мерло-Понти, П. Рикёр, Ж.-П. Сартр, М. Фуко, М. Шелер).

3. философия диалога, основывается на философском осмыслении диалогичности процесса коммуникации (М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, Г. Марсель, Л. П. Якубинский, К. Ясперс).

С изменением коммуникативной среды возникают новые способы, формы, характер общения субъектов в социуме. В условиях стремительной цифровизации общества важнейшую роль приобретают технические средства передачи информации, сокращающие расстояние между отдельными людьми, социальными группами, сообществами, представителями стран. Остро встает вопрос об управлении глобальными коммуникативными процессами, что в свою очередь требует интеграции методов различных наук и обобщение их результатов.

Возникают разнообразные модели коммуникаций. А. Э. Гатина определяет модель коммуникации как абстрактное, речевое или графическое изображение процессов коммуникации, выражающее взаимосвязь между адресантом (коммуникатором), каналом коммуникации, средствами

коммуникации и адресатом (коммуникантом) [Гатина, 2017: 15]. В самом общем виде модель коммуникации представляет собой следующую цепочку: источник сообщения – коммуникационный канал – получатель сообщения.

Среди видов информационных моделей выделяют вербальные (письменное или устное словесное описание на естественном языке) и графические (наглядный способ представления информации в виде графических изображений), а также линейные (трансляция от источника к приемнику-получателю) и нелинейные (взаимодействие, интеракция субъектов коммуникации, с учетом социокультурных и психологических факторов общения).

В середине XX века известной стала линейная модель коммуникативного процесса американского исследователя Гарольда Д. Лассвелла “*Who says, what, to whom, in which channel, with what effect?*” [Lasswell, 1966]. В данной модели выделено пять составляющих: адресант – отправитель (*Who*), сообщение (*what*), адресат – получатель (*to whom*), канал (*in which channel*), эффект – последствия (*with what effect*). По мнению исследователя, ответ адресата определяется в соответствии с запросом отправителя, однако данная модель не учитывает возможности неожиданной, непредсказуемой реакции аудитории, что существенно снижает ее эффективность.

Семиотическую функциональную модель предложил знаменитый лингвист Р. Якобсон [Якобсон, 1975, 1983]. Исследователь выделил отдельный коммуникативный акт в качестве структурной единицы коммуникативного процесса. В основе его теории находится понимание того, что сообщение передается от адресанта (*addresser*) к адресату (*addressee*), при этом используется определенный код (*code*). Следует отметить, что Ю. М. Лотман [Лотман, 1994] оспаривал модель Р. Якобсона, указывая на то, что коды двух людей не могут быть абсолютно идентичны.

Постепенно произошло усложнение модели коммуникации. Американский лингвист Д. Хаймс разработал универсальную модель

SPEAKING, которая помогает идентифицировать и маркировать компоненты языкового взаимодействия. «Данная модель социальной ситуации включает в себя восемь компонентов:

1. S – Setting and Scene – ситуация (обстановка, обстоятельства);
2. P – Participants – участники (говорящий, слушающий, их социальные роли);
3. E – Ends – цели общения, ожидаемый результат;
4. A – Act sequences – последовательность действий;
5. K – Key – «ключ» к пониманию, атмосфера происходящего;
6. I – Instrumentalities – способ передачи информации, набор языковых средств;
7. N – Norms – специфика норм и правил взаимодействия;
8. G – Genre – жанровый состав» [Трибунская, 2022: 66].

Изначально модель применялась к изучению традиционных нарративов коренных американцев и отражала определенный культурный контекст. Большое внимание исследователь уделял достоверности интерпретации текстов, а также выступал против ученых, которые игнорируют разнообразие. Именно в разнообразии он видел колоссальный ресурс, учитывающий индивидуальное, особенное и актуальное. Данный подход создает возможность применять социолингвистические методы к исследованию различных общественно значимых вопросов. Ученый также полагал, что нельзя ограничиваться изучением лексики и грамматики языка, обязательно необходимо учитывать контекст, в котором используются слова.

Работа Д. Хаймса всегда была связана с общественной деятельностью и необходимостью интегрировать свои «научные и социальные цели» [Hymes, 1972]. По мнению учёного, субъект коммуникации берет на себя ответственность перед аудиторией. Справедливо отметить, что в фокусе анализа политической коммуникации политик также предстает ответственным участником дискурса. На наш взгляд, модель Д. Хаймса обладает высокой степенью универсальности и может применяться при

анализе политических текстов.

«В. Е. Чернявская разделяет спонтанный и инсценируемый типы междискурсных отношений. Первый обусловлен естественными причинами, отсутствием жестких границ между областями знания и процессом интеграции знаний. В основе второго лежит стратегия субъекта речи, который в соответствии со своей коммуникативной целью намеренно формирует высказывание на основе нескольких дискурсов. Важным для нас представляется вывод о наличии интенции говорящего, которая выступает как средство создания иерархии компонентов модели ситуации, когда в зависимости от авторской воли один или несколько компонентов приобретают особую значимость и становятся доминантами в рамках конкретной ситуации. Другими словами, на первый план при помощи языковых средств выдвигаются те или иные компоненты. Доминанты могут реализовываться в тексте посредством повтора лексических единиц, эксплицитного и имплицитного выражения, употребления синонимичных и антонимичных конструкций и т.д.» [Трибунская, 2023: 48].

«В качестве основных доминант при взаимодействии дискурсов выступают следующие: пространственная доминанта (место событий), хронологическая доминанта (время событий), субъектная доминанта (участники коммуникации), характерологическая (характеристика участников, объектов), аксиологическая (отношение субъекта коммуникации к различным аспектам действительности, оценка ситуации), акциональная доминанта (действия участников)» [Трибунская, 2023: 49].

Таким образом, модель Д. Хаймса была выбрана в качестве одного из инструментов при анализе Президентских актов США. Она позволяет более глубоко и детально рассмотреть дискурсивные характеристики, структуру текстов, классифицировать их по заданному ряду параметров, включая объективные и прагматические составляющие дискурсов в политической коммуникации. Для раскрытия интенции говорящего субъекта в политическом дискурсе в рамках настоящего диссертационного исследования будут рассмотрены случаи выдвижения различных

дискурсивных доминант.

1.4 Интердискурсивность и полидискурсивность как виды взаимодействия дискурсов

Для понимания особенностей взаимодействия дискурсов необходимо учитывать, что они никогда не существуют изолированно, а постоянно пересекаются и интегрируются друг в друга. Дискурсы, входящие в состав политической коммуникации, являются неотъемлемыми частями её институционального пространства. В зависимости от политических ситуаций один из дискурсов может оказаться главенствующим, например, политический, военный, медицинский и др.

Как отмечает Е. В. Белоглазова, «в реальности читателю приходится иметь дело с текстами разной степени несвязности, в которых связность может нарушаться, во-первых, отсутствием в памяти реципиента соответствующей тексту ментальной модели; во-вторых, вклиниванием в когнитивную структуру текста чуждых моделей, относящихся к другой сфере жизнедеятельности. Таким образом, в тексте соприсутствуют элементы различных дискурсов, выступающих языковыми коррелятами ментальных сфер.» [Белоглазова, 2010: 56].

«Ввиду комбинирования и взаимопроникновения различных дискурсов возникают понятия интердискурсивности и полидискурсивности. В научном сообществе нет единой точки зрения на то, что следует понимать под данными терминами. Некоторые исследователи отождествляют их, другие разграничивают.» [Трибунская, Шевченко, 2021: 119]. Попробуем разобраться в категориальном аппарате.

Вслед за мыслью М. М. Бахтина о конституирующей роли диалога начинает формироваться теория интертекстуальности и переосмысление текста как интертекста. Как отмечает Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в

более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей среды, сотканные из цитат, отсылок, отзвуков. Каждый текст представляет собой новую ткань, созданную из старых цитат. И именно уникальность сочетаний знакомых кодов образует текст.» [Барт, 1989: 417].

И. В. Арнольд понимает под интертекстуальностью «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 2002].

Впервые термин «интердискурс» был введен представителем французской школы анализа дискурса М. Пешё, который трактовал его как «комплекс взаимосвязанных дискурсных формаций» [Пешё, 1999: 266-270].

Н. Фэркло, рассуждая о «порядке дискурса», указывает на то, что «интердискурсивность связана с заимствованием элементов иных дискурсов». [Fairclough 1992].

В. Д. Шевченко, рассматривая наложение элементов одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), использует понятие интерференции дискурсов. Автор делает важный вывод о том, что в результате данного процесса одновременно с вхождением фрагмента текста в принимающий дискурс формируется новый социокультурный контекст, включающий участников коммуникации, их характеристики и т.д. [Шевченко, 2008: 12].

Исследователь В. Е. Чернявская определяет интердискурсивность как «особую взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании (т.е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса (и, соответственно, типа мышления) к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [Чернявская, 2007: 23].

Ряд исследователей, например В. А. Андреева, употребляют термины «интердискурсивность» и «полидискурсивность» как синонимичные. Другие их разграничивают. Е. В. Белоглазова отмечает, что «полидискурс может соотноситься и исследоваться лишь во множестве текстов» [Белоглазова 2009: 70]. «В науке на данный момент отсутствует единое понимание

терминов интердискурс, интердискурсивность и полидискурсивность» [Трибунская, 2021]. Вместе с тем, используя данные понятия, авторы говорят о взаимодействии дискурсов, наличии «инодискурсных элементов».

В настоящем исследовании «под интердискурсивностью мы будем понимать тип взаимодействия дискурсов, при котором один дискурс строится по законам другого», «полидискурсивность определим как тип взаимодействия дискурсов, при котором в рамках одного дискурса одновременно присутствуют фрагменты нескольких тематических типов дискурсов» [Трибунская, Шевченко, 2021: 119].

Дискурсы оказываются подвижны, поскольку одна сфера действительности, в частности политическая коммуникация, может обслуживаться целым набором дискурсов, что объективно обусловлено ее предназначением. С другой стороны, в дискурсе возможны самые неожиданные параллели, зависящие от особенностей мышления субъекта коммуникации (в настоящем исследовании субъектом политической коммуникации выступает политик, а именно президент США).

Исследователь Е. В. Белоглазова вводит понятие «дискурсивная (дискурсивная) гетерогенность», определяя его «как введение в текст, относящийся к одному дискурсу, элементов других дискурсов» [Белоглазова, 2010: 15]. По нашему мнению, «дискурсивная гетерогенность» включает в себя как интердискурсивность, так и полидискурсивность. Вместе с тем в дискурсе возможны комбинированные формы взаимодействия, при которых одновременно проявляются черты интердискурсивности и полидискурсивности. Для обозначения данных процессов введем понятия сингулярный и множественный типы взаимодействия дискурсов.

Согласно Толковому словарю Кузнецова, сингулярный (от лат. *singularis* «единственный, особенный») – это одиночный, единственный в своем роде и уникальный [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. Термин «сингулярность» может быть применен в различных областях научного знания, в том числе в настоящем исследовании. Таким образом, сочетание интердискурсивности и

полидискурсивности в тексте будет отражать множественный тип взаимодействия дискурсов, тогда как присутствие одного из этих явлений в тексте соответствует сингулярному типу взаимодействия дискурсов. Кроме того, интердискурсивность в текстах может быть проявлена на различных уровнях. Считаем целесообразным для описания данного явления ввести понятие масштабной интердискурсивности (например, текст официального документа записан юридическим языком и одновременно включает элементы интернет-дискурса и т.д.).

Таким образом, существуют различные виды взаимодействия дискурсов. Внедряясь в политическую коммуникацию, элементы дискурсов влияют на ее содержание и осмысление. Среди видов взаимодействия дискурсов необходимо отметить интердискурсивность и полидискурсивность, которые используются в настоящем исследовании наряду с такими понятиями, как дискурсивная гетерогенность, масштабная интердискурсивность, а также сингулярный и множественный типы взаимодействия дискурсов.

Выводы по Главе 1

В первой главе диссертационного исследования были проанализированы теоретические основы взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации, в результате чего сформулированы следующие ключевые положения:

1. В фокусе внимания многих зарубежных и отечественных исследователей находится понятие дискурс. При обилии школ и подходов к изучению данного многогранного сложного явления особую значимость для настоящего исследования имеет функциональный подход к пониманию сути дискурсивных процессов, с учетом значимой роли контекста, а также экстралингвистических факторов и прагматических установок коммуникантов. Совокупность данных параметров дает возможность проанализировать и интерпретировать отражение оттеночных скрытых смыслов через язык.

2. Политический дискурс представляет собой институциональный тип дискурса и взаимодействует со множеством других видов дискурсов. Элементы различных дискурсов, внедряясь в политическую коммуникацию, влияют на ее содержание и осмысление. Согласно Е. И. Шейгал, «под политическим дискурсом понимаются любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики». В рамках настоящего исследования изучаются официальные политические тексты – Президентские акты, автором которых выступает президент США. Таким образом, в фокусе нашего внимания оказывается субъект политической коммуникации, а также его прагматические установки.

3. Коммуникативная ситуация предполагает изучение ряда внеязыковых компонентов, условий, влияющих на процесс коммуникации, а также предметно-референтной ситуации. Становление теории коммуникации связано с развитием кибернетики, информатики, семиотики, ее усложнение произошло под влиянием изучения «этнографии речи», анализирующей

взаимосвязь между языком и контекстом. Модель американского учёного Д. Хаймса, используемая в качестве одного из инструментов анализа Президентских актов США, позволяет глубоко и детально рассмотреть дискурсивные характеристики, структуру текстов, классифицировать их по заданному ряду параметров, включая объективные и прагматические составляющие дискурсов в политической коммуникации. Раскрыть интенцию говорящего субъекта в политической коммуникации помогает анализ выдвижения различных дискурсивных доминант, включая пространственную, хронологическую, субъектную, характерологическую, аксиологическую, акциональную.

4. Дискурсы находятся в непрерывном взаимодействии. Политическая коммуникация включает не только политический дискурс, но и различные иные типы дискурсов. В зависимости от ряда факторов какой-то из дискурсов оказывается в ней главенствующим на определенном этапе. Выделяются основные типы взаимодействия дискурсов, включая интердискурсивность и полидискурсивность, формулируются такие понятия, как «масштабная интердискурсивность», «сингулярный» и «множественный» типы взаимодействия дискурсов. Полагаем, что на основе данных понятий могут быть проанализированы и другие аспекты социальной реальности.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОСТАВЛЯЮЩИХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1 Репрезентация коммуникативной ситуации в англоязычном политическом дискурсе

В исследуемом официальном политическом дискурсе участниками коммуникативного взаимодействия становятся «политик» (автор текста) и «реципиент» (получатель информации). В качестве инструмента используется модель американского социолингвиста Д. Хаймса SPEAKING, которая позволяет проследить особенности коммуникативной ситуации в политическом дискурсе.

Проанализируем особенности первого компонента модели Д. Хаймса *Setting and scene*. Тексты *Presidential Actions* находятся в открытом доступе на сайте Правительства США. Они имеют структуру официальных документов и предназначены как для массового адресата, так и для служебного пользования профессиональными группами. В ходе анализа выявлены следующие типы Президентских актов: *Executive Order*, *Memorandum*, *Proclamation*, *Notice*, *Day*, *Prohibiting*, *Delegation*, *Letters*, *Nominations*, *Message*, *Statement* и другие. Самым распространенным типом документов является *Proclamation* – около 50% от общего количества документов (данный тип ориентирован на массового адресата). Распределение других типов документов следующее: *Memorandum* – 16%, *Executive Order* – 13%, *Notice* – 8% (они адресованы прежде всего профессиональному кругу читателей). Остальные документы менее многочисленны и в совокупности составляют 13% от общего количества опубликованных документов.

Для документов, ориентированных на профессиональный круг читателей, характерно наличие специальной юридической терминологии и

активное использование ссылок на нормативно-правовые акты (*the Constitution, the laws, Act, resolution, Federal Register* и т.д.). Что касается документов, адресованных массовому читателю, здесь активно используются элементы интернет-дискурса, включая гиперссылки, дающие возможность перехода на другие информационные ресурсы и сайты (*visit www.Cancer.gov; to learn more by visiting www.HealthCare.gov; Information on these programs, as well as other resources, are available at VetoViolence.CDC.gov; go to poisonhelp.hrsa.gov), телефоны горячей линии (*1-800-662-4357; 1-800-273-TALK; call the Poison Control Help line at 800-222-1222*), аббревиатуры (*The SAMHSA, COVID-19, LGBTQI+*), сложные слова (*Helpline, 24-hour-a-day, 365-days-a-year information, Lifeline*) и т.д.*

Рассмотрим специфику второго компонента модели *Participants*. Президент США подписывает нормативно-правовые документы и является их официальным автором. Вместе с тем над созданием текстов также работает его администрация. В Президентских актах, предназначенных для широкой аудитории (тип *Proclamation*), отсутствует прямое указание на адресата. При этом ряд документов (*Executive order, Memorandum* и др.), ориентированных на профессионального читателя, содержит информацию о должностном лице или государственном органе, которым адресуется сообщение (“*MEMORANDUM FOR THE SECRETARY OF STATE*”; “*MEMORANDUM FOR THE SECRETARY OF ENERGY*”; “*MEMORANDUM FOR THE SECRETARY OF HOMELAND SECURITY*” и др.). Соответственно, в зависимости от типа документа реципиентом текстов становится профессиональный читатель, либо массовая аудитория.

В документах, предназначенных для широкой аудитории, часто используется личное местоимение первого лица множественного числа *we*, что помогает политику сблизиться с потенциальным электоратом (*we recognize, we are taking action; we are also eliminating, we remember, we also remember, we grieve, we will always remember*). В зависимости от тематики официальных документов меняется состав участников политической

коммуникации – представителей различных дискурсов. Взаимодействующие субъекты в политической коммуникации (участники): президент (*I, JOSEPH R. BIDEN JR., President of the United States of America*), администрация президента (*my Administration*), представители органов власти (*the secretary of state; the secretary of energy; the secretary of homeland security*), американцы (*Americans*), представители различных групп населения США (*people who need social care, people with special needs*), представители деловых и профессиональных сообществ (*health care workers, doctors, educators, specialists, troops u др.*), иностранные официальные лица, государства, их лидеры (*President of Poland, international partners, the Democratic Republic of the Congo, China, Syria, Turkey* и др.). Участники вербализуются в тексте при помощи существительных (*President*), имен собственных (*JOSEPH R. BIDEN JR.*), местоимений (*I, my, we*), словосочетаний (*the secretary of homeland security, the secretary of energy*), эвфемизмов (*people who need social care, people with special needs*) и т.д. «В зависимости от контекста высказываний одни и те же участники становятся представителями разных дискурсов и переходят из одного дискурса в другой» [Трибунская, Шевченко, 2021: 122], [Трибунская, 2026].

Проанализируем третий компонент модели Д. Хаймса *Ends*, который затрагивает прагматический аспект, в том числе цели коммуникации и ее результаты. Основные цели политика: высокий избирательный рейтинг, положительный имидж, популяризация политических решений на уровне различных групп населения, закрепление норм и правил, регламентация либо запрет действий участников политической коммуникации, решение социально значимых и иных задач государства. Для профессиональной группы реципиентов целью является получение инструкции к действию, которое подразумевает изучение нормативных актов и решений, для населения – знакомство с мерами поддержки со стороны государства, политической повесткой, а также получение информации.

Остановимся более подробно на целевых установках политика. К особенностям языковой репрезентации составляющей модели ситуации Ends можно отнести использование инфинитивных конструкций, что обусловлено необходимостью выражения адресантом цели, намерения (*to direct, to make, to publish, to write, to escape, to work, to serve, to celebrate, to pursue, to improve, to support, to conserve, to combat, to defend, to confront, to come, to observe* и др.). Как показывают приведенные выше примеры, значительная часть глаголов обладает позитивной оценочной коннотацией со значениями: «направлять», «создавать», «работать», «служить», «праздновать», «улучшать», «поддерживать», «сохранять» и т.д.

Цели президента можно условно разделить на две группы: цели, непосредственно связанные с организационным процессом, и цели повышения его рейтинга. Рассмотрим цели, связанные с организационным процессом:

– используются глаголы разрешительного, утверждающего характера, в том числе глаголы со значениями управления, развития и улучшения (*to direct – направлять, руководить; to develop – развивать; to delegate – делегировать; to provide – предоставлять, обеспечивать; to make – делать, создавать; to work – работать; to raise – поднимать, повышать; to increase – увеличивать; to implement – реализовать; to improve – улучшать; to start – начать, начинать; to create – создавать; to build – строить* и др.);

– глаголы запретительного характера, в том числе с отрицательным компонентом коннотативного значения (*to prohibit – запрещать; to eliminate – устранить; to impair – ухудшать; to reject – отвергать; to confront – конфликтовать, противодействовать* и др.);

– глаголы превентивного, предотвращающего действия (*to prevent – предотвращать; to avoid – избегать; to stop – останавливать; to minimize – минимизировать; to counter – противостоять* и др.).

Проанализируем цели, которые способствуют повышению рейтинга политика среди населения. Используются глаголы, указывающие на заслуги

различных категорий граждан, оказание помощи людям (*to honor* – *чествовать*; *to serve* – *служить*; *to help* – *помогать*; *to save* – *сохранять*; *to remember* – *помнить*; *to pay* – *платить*; *to protect* – *защищать*; *to improve* – *улучшать*; *to support* – *поддерживать*; *to conserve* – *сохранить*; *to promote* – *продвигать, укреплять, способствовать*; *to contribute* – *внести свой вклад*; *to participate* – *участвовать*; *to ensure* – *обеспечить*; *to restore* – *восстанавливать*; *to recognize* – *осознавать*; *to combat* – *сражаться, бороться*; *to step up* – *идти вперед, активизироваться*; *to observe* – *наблюдать*; *to accelerate* – *ускорить, ускоряться*; *to encourage* – *поощрять, воодушевлять*; *to celebrate* – *праздновать* и др.).

Результаты деятельности политика репрезентированы в тексте при помощи глаголов и глагольных конструкций, выражающих итоги деятельности, реакцию на происходящие события (*have made* – *сделано*, *to respond* – *реагировать*, *to produce* – *производить*; *to create* – *создавать*, *to build* – *строить* и др.).

Проанализируем следующий компонент модели Д. Хаймса – Act Sequence (последовательность действий). Представляется обоснованным обратиться к структуре политических текстов. Они содержат название документа, дату его подписания, включая месяц, число и год, вводную, основную и заключительную части, а также подпись президента США. Структура документов во многом унифицирована. Тексты характеризуются рядом стилевых черт и языковых особенностей, присущих официально-деловому стилю и письменной речи, среди которых нормированность, соответствие стандартам, консервативность. В то же время структура документов может отличаться в зависимости от типа документа и прагматических установок автора, например, в связи с тяготением к информационному стилю.

Объем текстов Президентских актов варьируется в пределах от 1 до 10 страниц, а в отдельных случаях может превышать данные показатели. Текст разбит на абзацы, которые отделены друг от друга пробелами. Выделение

абзацев служит композиционным приемом, используемым для перехода от одной мысли к другой, а в ряде случаев от одного набора дискурсов к другому. При перечислении положений, функций, полномочий в тексте выделяются пункты, разделы (*Section 1, Section 2, Section 3*). Иногда используется нумерация или буквенная символика в качестве индексов. Ряд документов *Presidential Actions (Executive Order, Memorandum)* содержит преамбулу в виде ссылок на нормативно-правовые акты. Еще одна особенность – выделение подзаголовков и важных пунктов прописными буквами, например, обозначение темы (“*SUBJECT: Delegation of Authority Under Section 552(c)(2) of the Foreign Assistance Act of 1961*”). Документ, подлежащий опубликованию в Федеральном Реестре, в заключительной части содержит соответствующее указание (“*You are authorized and directed to publish this memorandum in the Federal Register*”). В текстах документов активно используются различные аббревиатуры и сокращения (“*the Robert T. Stafford Disaster Relief and Emergency Assistance Act, 42 U.S.C. 5121-5207 (the “Stafford Act”)*”; *the Federal Emergency Management Agency (FEMA)*; *the coronavirus disease 2019 (COVID-19)*; *the Energy Policy and Conservation Act (EPCA)*; *the Strategic Petroleum Reserve (SPR)*; *the Advanced Research Projects Agency for Health (ARPA-H)*). Законодатель использует такой прием, чтобы избежать многократного повторения длинных наименований в тексте.

Для того, чтобы в полной мере проанализировать компонент модели Д. Хаймса Act Sequence (последовательность действий), необходимо обратиться к синтаксическим особенностям текстов документов. В текстах официальных документов наблюдается широкое использование сложноподчиненных предложений с развитой системой придаточных, которые вводятся словами *that, who, which, why, where, how, whose* и др. Они позволяют выразить мысль автора и разносторонне осветить возникающие вопросы и проблемы, сформулировав их в одном предложении:

– *that: “Greece and the United States are standing together to confront the challenges of our time, from meeting the climate crisis and diversifying the*

region's energy resources to proving **that** democracies deliver for our people and pushing back against the growing threat of authoritarianism." [Greek Independence Day];

– *who*: "We stand in solidarity with those **who** are experiencing mental health conditions, renewing our commitment to providing them with the support they need and deserve." [Mental Health Proclamation];

– *which*: "I have called on the Congress to create the Advanced Research Projects Agency for Health (ARPA-H), **which** will invest billions of dollars to advance breakthroughs in the prevention, detection, and treatment of cancer and other deadly diseases." [Cancer Proclamation];

– *why*: "It is one of the reasons **why** safely reopening schools for in-person instruction was a priority for my Administration from day one – so that children could get back to learning in the classroom with their peers – and **why** the American Rescue Plan included \$122 billion to keep schools open safely and help address the learning loss and mental health impacts of missing school." [Read Proclamation];

– *where*: "Even **where** there are enough mental health providers, our fragmented system makes it difficult for people to access them." [Mental Health Proclamation];

– *how*: "During National Poison Prevention Week, we raise awareness about the dangers posed by poisonous substances, precautions people can take to prevent an incident, and **how** to respond in a poison emergency." [Poison Proclamation];

– *whose*: "To support their efforts and ensure a stable food supply, our pandemic economic recovery assistance supports our agricultural businesses, **whose** operations were among the hardest hit by market disruptions." [Agriculture Proclamation].

В Президентских актах политиком активно используются пассивные конструкции (*is required, is authorized, is not intended, is also committed*), позволяющие сфокусировать внимание читателя не на субъекте, а на объекте

действия или на самом действии. Применяются параллельные конструкции, которые позволяют детализировать, описать условия, обстоятельства (*providing-donating-supporting, resource-material-technology, robust-resilient-sustainable, restraining-limiting-discouraging-strengthening*). Необходимо отметить тенденцию к обезличиванию в официальных документах (*it is the policy of my Administration, it is also time for, it is one of the many reasons*): “**It is one of the many reasons why my Administration is committed to advancing educational excellence for every child and literacy for every American.**”; “**It is one of the reasons why safely reopening schools for in-person instruction was a priority for my Administration...**” [Read Proclamation].

Еще одной отличительной особенностью текстов документов является использование автором вводных конструкций (*however, in addition, globally, particularly, that is why, tragically* и др.), которые обеспечивают логичность изложения информации, помогают структурировать текст, переходя от одной мысли к другой, добавляют высказываниям эмоциональность: “**However, early stages of colorectal cancer often emerge without symptoms, and it is important to begin regular screenings starting at the age of 45.**”; “**In addition, people who smoke, consume alcohol, or are obese are more likely to be diagnosed with colorectal cancer.**” [Cancer Proclamation]; “**Globally, forests represent some of the most biodiverse parts of our planet and play an irreplaceable role in reaching net-zero greenhouse gas emissions.**” [Nation’s Forests Executive Order]; “**Particularly in moments of crisis, like this pandemic, unscrupulous individuals have tried to take advantage of struggling Americans by price gouging, stealing money, harvesting personal information, and offering false hope for economic assistance, jobs, treatments, and cures.**” [Consumer Protection Week]; “**That is why my Administration is reviving the Government’s top consumer watchdog, the Consumer Financial Protection Bureau, to address racial disparities in access to loans, capital, and credit...**” [Consumer Protection Week]; “**Tragically, too, many Americans feel ashamed to reach out for help, or are stigmatized for seeking care.**” [Mental Health Proclamation].

Далее рассматривается категория времени, которая также способствует описанию происходящего и установлению последовательности действий. Простое настоящее время *Present Simple* применяется автором для выражения общеизвестной истины, обычных фактов, регулярно повторяющегося действия в настоящем, либо ряда последовательных событий, приведения статистических данных (*learn, grow, build, help, give, represent, play, absorb, respect, recognize, serve, we honor, know, do not wait, call, raise, promotes, we recommit, I call upon*). Настоящее длительное время *Present Continuous* используется для обозначения длительности в определенный момент времени в настоящем, а также для выражения будущего запланированного действия (*are standing, is facing, are learning, are building, we are taking, we are eliminating, who are experiencing, we are calling on*). Настоящее совершенное время *Present Perfect* употребляется для подведения итогов конкретных результатов работы, неких действий (*have enriched, have blessed, we have made, have resulted, have already caused, have taken, have become, have increased, have seen, have been*). В ходе анализа установлено, что для указания на события в прошлом в Президентских актах используется прошедшее время *Past Simple* (*sent, was first observed, expanded, They became, contributed, answered, they embodied*). В отдельных случаях в текстах документов употребляется простое будущее время *Future Simple* (*that will broaden, that will increase, which will invest, will boost, will meet*), которое помогает автору наметить предстоящие события, определить планы на будущее. Таким образом, активнее всего используется группа времен *Simple*, отражающая динамику происходящих событий, а также время *Present Perfect*, позволяющее подвести итоги результатов работы.

Рассмотрим следующий элемент модели Д. Хаймса – *Key* (атмосфера происходящего). Мы полагаем, что в исследуемой нами англоязычной политической коммуникации влияние на элемент *Key* оказывают как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам относится тот факт, что Президентские акты (*Presidential Actions*)

представляют собой нормативно-правовые документы, соответственно, они содержат большое количество юридической терминологии. Подобные документы имеют опору на конкретные источники (ссылки на Конституцию, законы, акты и т.д.), наделяют субъектов коммуникации определенными правами и обязанностями, а также могут закреплять конкретные сроки исполнения. Президентские акты располагают и статистическими данными, которые передаются при помощи лексических единиц *an average of* (в среднем), *an estimated* (примерно, по оценкам), *approximately* (приблизительно, ориентировочно), а также процентов, цифр и др.: “*Each year, **an average of 31** children die from unintended poisonings at home, and **an estimated 75,000** children under the age of five end up in hospital emergency departments from poisoning. **Approximately 85 percent** of unintentional poisonings take place in the home where medicines and harmful chemicals are stored.*” [Poison Proclamation]. Примечательно, что показатели часто даются в сравнении, используются словосочетания *less than* (менее чем), *more than* (более чем): “*Despite these disturbing trends, **less than** half of Americans struggling with mental illness receive the treatment they need – even fewer within Black and Brown communities.*” [Mental Health Proclamation]; “*Each year, **more than 50,000** families across the country lose a loved one to colorectal cancer – the fourth most common cancer and the second leading cause of cancer deaths in America.*” [Cancer Proclamation].

К субъективным факторам можно отнести желание автора создать положительный имидж политика для потенциальных избирателей. Это оказывает влияние на характер передаваемой информации. Для создания позитивного образа используется лексика, характеризующаяся наличием как положительного, так и отрицательного оттенков значений.

Выражая свое негативное отношение к существующим несправедливостям и проблемам, президент достигает двух прагматических целей: сближения с электоратом и формирования благоприятного имиджа. Например, во фрагменте “***Abusive practices** have an especially harmful impact*

on communities of color, who are often targeted by bad actors. A report from the FTC – Serving Communities of Color – found that people living in majority-Black and Latino communities were more likely to experience problems with credit bureaus, banks and lenders, and used car issues than those living in majority-white communities.” [Consumer Protection Week] мы встречаем такие примеры негативно окрашенной лексики, как *Abusive practices* (оскорбительные методы), *harmful impact* (пагубное влияние), *targeted by bad actors* (становятся мишенью злоумышленников), *to experience problems* (сталкиваются с проблемами). В данном случае прослеживается желание политика вызвать симпатию среди «цветных сообществ», которые традиционно избирают демократическую партию и ее представителей.

Позитивно окрашенная лексика выражена в тексте словосочетаниями с использованием имен прилагательных и существительных. Например, в документе, посвященном национальному дню празднования греческой и американской демократии, маркерами позитивно окрашенной лексики выступают такие лексические единицы, как *the burgeoning spirit of America* (расцветающий дух Америки), *the core principles of liberty, justice, and the rule of law* (основные принципы свободы, справедливости и верховенства закона): *“In forming a Government that reflected the burgeoning spirit of America and united our young Nation around the core principles of liberty, justice, and the rule of law, our Founders looked to the birthplace of democracy – Greece.”* [Greek Independence Day]. В данном примере прослеживается идеологическая составляющая, которая призвана подчеркнуть дружбу между Америкой и Грецией, общую историю двух стран, устройство которых основано на демократических принципах, что, по мнению автора, положительно влияет на имидж политической системы США.

В языковом плане представляет интерес использование эвфемизмов, которые играют роль словесного смягчения в тексте (вместо “*stupid*” употребляется “*not clever*”, “*evil*” – “*unkind*”). В документе, посвященном национальному месяцу осведомленности о психическом здоровье,

используется выражение “*those who are experiencing mental health conditions*”, при этом политик не называет данную группу людей сумасшедшими или ненормальными, употребляя более мягкий вариант номинации: “*We stand in solidarity with those who are experiencing mental health conditions, renewing our commitment to providing them with the support they need and deserve.*” [Mental Health Proclamation]. То есть законодатель предпочитает использовать смягчающие характеристики, избегает резких оценок.

Таким образом, влияние на восприятие информации оказывают как объективные, так и субъективные факторы. К объективным относится сам характер документов, являющихся нормативно-правовыми. К субъективным факторам можно отнести желание автора оказать воздействие на реципиентов, сформировать положительный имидж политика.

Рассмотрим особенности компонента модели Д. Хаймса Instrumentalities, который содержит информацию о языковых средствах, кодах и каналах передачи информации. Каналом распространения Президентских актов является глобальная сеть Интернет. Юридическая терминология, используемая в текстах, выступает своеобразным кодом, необходимым для понимания сути высказываний. Таким образом, на расшифровку сообщений влияет подготовленность читателя к восприятию сложных специфических терминов и тематической лексики.

Далее проанализируем языковые особенности, характерные для англоязычной политической коммуникации. «Одним из стилистических приёмов, активно используемых в политике, является лексический повтор, который реализуется в тексте посредством повторения отдельных слов или словосочетаний в предложении» [Шевченко, Трибунская, 2021: 46]: “*The following are prohibited: ... (iii) any approval, financing, facilitation, or guarantee by a United States person, wherever located, of a transaction by a foreign person where the transaction by that foreign person would be prohibited by this section if performed by a United States person or within the United States.*” [Imports Executive Order]. В приведенном фрагменте дважды

встречается лексическая единица со значением “сделка” (*transaction*), “иностранное лицо” (*foreign person*), а также “гражданин Соединенных Штатов” (*a United States person*). Подобные повторы не редкость для официальных документов в связи с необходимостью четко прописывать права и обязанности сторон – участников политического дискурса.

Наряду с использованием лексических повторов замечено употребление однокоренных слов. Данные слова могут выполнять в тексте одну из стилистических ролей, включая усиление какого-либо признака или привлечение внимания реципиента к определенному процессу, явлению. В следующем фрагменте автор употребляет однокоренные слова, относящиеся к разным частям речи со значениями «уклоняться», «избегать», «нарушать», «запрещать» (*evades – evading, avoids – avoiding, a violation – to violate, the prohibitions – is prohibited*): “Any transaction that **evades** or **avoids**, has the purpose of **evading** or **avoiding**, causes **a violation** of, or attempts **to violate** any of **the prohibitions** set forth in this order **is prohibited**.” [Imports Executive Order].

Использование лексического повтора и однокоренных слов обусловлено, с одной стороны, прагматической задачей привлечения внимания реципиента и усиления выразительности, с другой – юридической необходимостью точного формулирования правовых положений. Чаще всего лексические повторы в тексте выражены именами существительными (*authority, transaction, security, country, imports, steel, section, proclamation, consumption, quota, rate, Secretary, ocean, Act, climate, ocean, infrastructure, communities, Conference, records, health, clinics, access*), они также могут быть выражены именами прилагательными (*such, alternative, eastern, national, certain*), словосочетаниями (*foreign person, national security, steel articles, from all countries, a United States person, healthcare services*), глаголами (*to address, imported, to direct, to protect*), местоимениями (*any, their*), служебными частями речи (*with, for, or, and*) и др. Следует отметить, что нередко лексический повтор в тексте используется при упоминании названий различных стран, относящихся к именам собственным (*The United States, the*

UK, Argentina, Australia, Brazil, South Korea, Turkey, America, Russia). Что касается однокоренных слов, они могут относиться к различным частям речи, включая пары: существительное – глагол, существительное – прилагательное, герундий – глагол и др. (*the imports – imported, Nation – National, services – serving, welcomed – welcoming, diverse – diversity, to protect – protected, including – include, to provide – providing*).

Еще одна отличительная особенность Президентских актов заключается в расшифровке отдельных терминов непосредственно в текстах документов, что объясняется необходимостью единой трактовки закрепленных норм. В одном из документов содержится трактовка терминов “*entity*” (организация), “*person*” (лицо), “*United States person*” (лицо Соединенных Штатов), что характерно для языка нормативно-правовых актов: “*Sec. 4. For the purposes of this order:*

(a) *the term “entity” means a partnership, association, trust, joint venture, corporation, group, subgroup, or other organization;*

(b) *the term “person” means an individual or entity; and*

(c) *the term “United States person” means any United States citizen, lawful permanent resident, entity organized under the laws of the United States or any jurisdiction within the United States (including foreign branches), or any person in the United States.”* [Imports Executive Order]. Данный фрагмент одновременно транслирует реализацию интердискурсивности политической коммуникации, когда политический дискурс строится по законам юридического дискурса.

В следующем фрагменте законодатель, осуществляя регулирование в сфере здравоохранения, формулирует значения терминов, связанных с медициной: “(a) *The term “agency” means any authority of the United States that is an “agency” under 44 U.S.C. 3502(1), other than one considered to be an independent regulatory agency, as defined in 44 U.S.C. 3502(5).*” [Reproductive Healthcare Executive Order]; (b) “*The term “reproductive healthcare services” means medical, surgical, counseling, or referral services relating to the human reproductive system, including services relating to pregnancy or the termination of*

a pregnancy...” [Reproductive Healthcare Executive Order].

Таким образом, использование специальной терминологии и закрепление ключевых понятий в тексте является одним из способов кодирования информации, которое служит для формирования единого понимания смыслов как со стороны адресата, так и адресанта.

Рассмотрим следующий элемент модели Д. Хаймса – Norms (специфика норм и правил). Отличительной особенностью Президентских актов является то, что они сами создают и закрепляют нормы в обществе, устанавливая правила интеракции коммуникантов. Другими словами, политические документы не только вписываются в некий социально-культурный контекст, но и формируют его (идеологическая составляющая политического дискурса). В документе об обеспечении устойчивого развития цифровых активов закрепляются различные нормы «при помощи модального глагола *must*, а также смысловых глаголов *protect* – защищать, *mitigate* – смягчать, *reinforce* – усиливать, *promote* – продвигать, *support* – поддерживать и т.д.: (a) ***We must protect*** consumers, investors, and businesses in the United States...; (b) ***We must protect*** United States and global financial stability and mitigate systemic risk...; (c) ***We must mitigate*** the illicit finance and national security risks posed by misuse of digital assets...; (d) ***We must reinforce*** United States leadership in the global financial system...; (e) ***We must promote*** access to safe and affordable financial services...; (f) ***We must support*** technological advances that promote responsible development and use of digital assets... [Digital Assets Executive Order].» [Трибунская, 2023: 51].

Следует отметить, что закрепление норм в Президентских актах может осуществляться как при помощи сочетания модального и смыслового глаголов (*shall submit* – должен представить, *shall consider* – должен рассмотреть, *shall include* – должен включать, *shall establish* – должен установить, учредить, *shall work* – должен работать, *shall coordinate* – должен координировать, *shall provide* – должен обеспечить, *must protect* – должен защищать, *must mitigate* – должен смягчать, *must reinforce* –

должен усиливать, *must promote* – должен продвигать, *must support* – должен поддерживать, (*we must acknowledge* – должны признать), так и посредством использования смысловых глаголов, например, со значениями защиты, продвижения, расширения и т.д. (*to protect* – защищать, *to expand* – расширять, *to share* – делиться, *to include* – включать, *to promote* – продвигать, *to address* – адресовать, *to delegate* – делегировать).

При закреплении норм наряду с утвердительными конструкциями могут применяться отрицательные конструкции: “*This order is not intended to, and does not, create any right or benefit...*” [Executive Order of Succession]. Активно используется пассивный залог: “*This order shall be implemented*” – «этот приказ должен выполняться» [Executive Order of Succession], “*This notice shall be published*” – «настоящее уведомление должно быть опубликовано» [The White House], “*my Administration is committed to*” – «моя Администрация стремится» [The White House] и др. Применяя пассивный залог, автор подчеркивает важность самого действия, необходимость его выполнять.

В документах, ориентированных на массового читателя, мы наблюдаем меньшую регламентированность, тяготение к информационному стилю. Активно употребляются глаголы со значением благодарения, чествования, осознания, а также может использоваться будущее время, выражающее намерение говорящего (*we give thanks for* – мы выражаем благодарность, *we also thank* – мы также благодарим, *let us express gratitude* – позвольте выразить благодарность, *let us give thanks* – давайте поблагодарим, *let us honor* – давайте почтим, *we recognize* – мы признаем, *I believe* – я верю, *we know* – мы знаем, *we will continue to defend* – мы продолжим защищать, *we will continue to support* – мы продолжим поддерживать, *we will fight for pay equity* – мы будем бороться за равную оплату труда и др.).

Для англоязычной политической коммуникации характерно использование маркера “*the best*”, демонстрирующего идею исключительности американского народа, которую стремятся поддерживать

политики. В документе, посвященном Национальной неделе ученичества, многократно употребляется единица *best*: “*During National Apprenticeship Week, we celebrate the workers of America – **the best** in the world – and lift up the importance of apprenticeship programs run by unions, employers, and other organizations.*”, “*These programs, particularly through local unions, ensure that our Nation is producing **the best-trained, best-prepared, and best-skilled** workers for industries now and of the future – from health care and information technology to clean energy.*” [National Apprenticeship Proclamation]. Речь идет о том, что американские рабочие – лучшие в мире, самые подготовленные и квалифицированные.

Таким образом, в рамках анализа компонента модели Norms нами были выявлены две основные тенденции. С одной стороны, это способность политика самостоятельно закреплять нормы в обществе и устанавливать правила поведения коммуникантов, с другой – подчинение политического дискурса ценностно-смысловым кодам, существующим в культурно-языковом пространстве.

Проанализируем последний компонент модели Д. Хаймса – Genre (жанровый состав). Рассмотренные нами тексты Президентских актов, репрезентирующие англоязычную политическую коммуникацию, относятся к жанру официальных документов. Мы наблюдаем активное использование юридической терминологии, а коммуникация строится по законам письменной речи. Необходимо отметить тяготение к информационному стилю, на что указывает присутствие в текстах элементов интернет-жанра, например, гиперссылок. Посредством подобных включений реализуется интердискурсивность политической коммуникации.

В ряде документов присутствует оценочный компонент, что характерно для жанра аналитической статьи. Автором дается оценка происходящего, читателя аргументированно подводят к восприятию событий в определенном ракурсе и к необходимым выводам. Политические документы оказывают влияние на формирование общественного мнения, в них присутствует

манипулятивная составляющая. Авторская оценка, интерпретация, отношение к происходящему могут быть выражены при помощи глаголов, словосочетаний, прилагательных, существительных (*I call upon the people to acknowledge and condemn the history of slavery – я призываю народ признать и осудить историю рабства; I find that each of the objects identified above is an object of historic or scientific interest – я считаю, что каждый из объектов, указанных выше, представляет собой объект исторического или научного интереса; I believe in empowering workers – я верю в расширение прав и возможностей работников; to make important contributions to conservation and recreation – внести важный вклад в сохранение природы и отдых; This history is a critical component of the experience of visiting and understanding Camp Hale – эта история является важнейшей составляющей опыта посещения и понимания Кэмп-Хейла; This iconic location inspired military innovation – это знаковое место вдохновило на военные инновации и др.).*

Анализ коммуникативной ситуации в политических текстах продемонстрировал наличие разных особенностей. Взаимодействие участников осуществляется в информационной сети Интернет. Президентские акты являются официальными нормативно-правовыми документами, которые публикуются в открытом доступе. Автором выступает президент США, реципиентом – профессиональный читатель или массовая аудитория. Участники способны переходить из одного дискурса в другой. Автор имеет собственные цели, связанные с формированием положительного имиджа, повышением рейтинга политика и др. Для Президентских актов характерна четкая структура, фиксированный объем текстов. Политическая коммуникация отличается дискурсивной гетерогенностью, вариативностью взаимодействия дискурсов. Автором используются эвфемизмы, лексические повторы, однокоренные слова, расшифровка терминов в текстах документов. Президентские акты создают и закрепляют нормы в обществе, устанавливают правила интеракции коммуникантов, при этом сами являются частью существующего ценностно-смыслового пространства. Тексты

относятся к жанру официальных документов, одновременно наблюдается тяготение к информационному стилю, а также жанру аналитической статьи.

2.2 Языковые средства выдвижения дискурсивных доминант

После рассмотрения особенностей репрезентации коммуникативной ситуации в политическом дискурсе необходимо обратиться к выявлению дискурсивных доминант, которые позволяют увидеть, какие составляющие являются главными и почему.

Интенция автора влияет на выдвижение самых значимых составляющих, которые становятся доминантными в рамках конкретной ситуации [Шевченко, 2010: 59]. Особое значение приобретают участники коммуникации, их действия, характеристики, обстоятельства, время, место, причины, следствия, средства, результат действий и т.д.

В настоящем диссертационном исследовании «под доминантами подразумеваются выдвигаемые на первый план компоненты (составляющие) ситуаций, которые имеют особое значение для автора и играют ключевую роль в развитии ситуации» [Трибунская, 2023]. «Прагматическая цель автора заключается в акцентировании внимания читателя на определенных смыслах в тексте, то есть выдвижении доминант при помощи средств языка, включая выбор соответствующих лексических единиц, структуры текста, а также смыслов, коннотаций» [Трибунская, 2023].

Проанализируем доминанты, проявленные в текстах документов, а также рассмотрим факторы, влияющие на их выдвижение. В процессе взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации в качестве основных доминант могут быть названы акциональная и аксиологическая. Кроме того, в текстах присутствуют характерологическая, субъектная, пространственная доминанты. «Они могут выдвигаться при помощи повтора соответствующих лексических единиц, имплицитного и эксплицитного выражения, использования различных языковых средств,

структуры и т.д.» [Трибунская, 2023].

«В зависимости от видов официальных документов меняются и дискурсивные доминанты. В типах Президентских актов *Executive Order* и *Memorandum*, ориентированных на профессионального читателя, прежде всего, выдвигается акциональная доминанта, связанная с действиями участников» [Трибунская, 2023]. Это обусловлено вхождением юридического дискурса в состав политической коммуникации. В типе *Proclamation* активно проявлена аксиологическая доминанта, что связано с желанием автора оказать воздействие на восприятие ситуации реципиентом, сформировать определенное отношение к событиям. Кроме того, в документах, ориентированных на массового читателя, замечено присутствие характерологической доминанты, наделяющей участников политической коммуникации определенными характеристиками. Что касается субъектной доминанты, ее наличие в текстах Президентских актов объясняется спецификой самих нормативных документов, в которых автором выступает президент государства.

Справедливо утверждать, что на дискурсивные доминанты оказывают влияние дискурсы, вступающие во взаимодействие в политической коммуникации. Так, пространственная доминанта в Президентских актах выражена слабо, поскольку основное внимание сосредоточено на содержании действия, его мотивах, участниках и целеполагании. В основном, указание на место событий играет значимую роль, когда речь идет о международной деятельности, вопросах безопасности, экономике или проблемах экологии. Таким образом, пространственная доминанта выдвигается, как правило, в тех случаях, когда во взаимодействие с политическим дискурсом вступают дискурсы внешней политики, безопасности, экономического и экологического дискурсы.

Далее рассмотрим более подробно проявление в англоязычной политической коммуникации акциональной доминанты. «Данная доминанта напрямую связана с действиями участников и активно проявлена в текстах

Президентских актов. Это обусловлено в первую очередь назначением самого нормативно-правового документа, который призван информировать, констатировать факты, давать предписания для выполнения определенных действий.» [Трибунская, Пустарнакова, 2023]. Именно акциональная доминанта справедливо может быть названа одной из главных доминант, репрезентирующих политический дискурс. Для её выделения автор политического текста использует включения, принадлежащие иным видам дискурсов. Например, для документов, ориентированных на профессионального читателя, характерно активное использование составляющих юридического дискурса, которые в свою очередь закрепляют юридические основания действий или бездействий, прав и обязанностей сторон. Другими словами, в основе юридического дискурса лежат некие правовые действия, которые внедряются в политический дискурс и часто приобретают значение доминирующих составляющих.

Проанализируем проявление акциональной доминанты в тексте документа “*Memorandum on Fourteenth Quadrennial Review of Military Compensation*” [Military Compensation Memorandum]:

“Accordingly, I direct the 14th Quadrennial Review of Military Compensation to focus on the following:

(1) **Review** military compensation and benefits, including special pay, to ensure the Department of Defense is appropriately compensating service members while remaining responsible stewards of the funds provided by American taxpayers;

(2) **Review** the military basic pay table to ensure it is structured to further strengthen service members’ economic security and enhance the Department of Defense’s ability to recruit and retain the Nation’s finest;

(3) **Evaluate** military compensation and its current benchmark to determine how a shift toward dual-income households and the unique factors affecting military household incomes might require structural changes, to include the development of a new benchmark for military compensation...;

(4) *Review the statutory requirements and current methodologies used to calculate housing, subsistence, and cost-of-living allowances, including the Basic Needs Allowance, to ensure service members are food secure and able to procure suitable housing; and*

(5) *Review military compensation relative to anticipated future requirements in technology and other fields that are critical to the Department of Defense.*” [Military Compensation Memorandum]. В данном случае юридический дискурс внедряется в политический дискурс посредством выдвижения акциональной доминанты. Автор документа акцентирует внимание на пересмотре военных льгот и компенсаций с помощью повтора глагола *to review*, а также смыслового глагола *to evaluate*. Особо следует отметить структуру текста (нумерацию и деление на абзацы), которая оказывает композиционную поддержку в выделении дискурсивной доминанты.

В ходе анализа Президентских актов установлено, что основная нагрузка по выдвижению акциональной доминанты ложится на смысловые глаголы, позволяющие свободно формулировать законотворческие принципы, реализацию программ, продвигать различные решения и инициативы (*to promote* – *продвигать, способствовать*; *to build* – *строить, наращивать*; *to strengthen* – *укреплять*; *to engage* – *привлекать, вовлекать*; *to draw (from)* – *извлекать, использовать*; *to account* – *учитывать, принимать во внимание*; *to establish* – *учреждать, устанавливать*; *to evaluate* – *оценивать*; *to enhance* – *усиливать, повышать*; *to develop* – *развивать*; *to provide* – *обеспечивать и др.*).

Также можно выделить в отдельную категорию акциональные глаголы, которые используются субъектом коммуникации – президентом США, чтобы отдавать распоряжения и указания (*to direct* – *направлять, поручать, приказывать*; *to order* – *приказывать, предписывать*, *to delegate* – *делегировать, поручать*; *to find* – *считать, находить*; *to proclaim* – *провозглашать*; *to nominate* – *назначать, выдвигать кандидатуры*; *to sign* –

подписывать; to call upon – призывать; to transmit – передавать и др). Пример использования автором глагола *to delegate* для передачи функций и полномочий президента иным участникам – субъектам политической коммуникации: “*Section 1. (a) I hereby delegate to the Secretary of State, in consultation with the Secretary of the Treasury, the functions and authorities vested in the President by the following provisions of the Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 (Public Law 116-145) (UHRPA) and Public Law 117-78...*” [Uyghur Human Rights Memorandum].

В ряде документов акциональная доминанта проявлена в текстах при помощи отглагольных существительных и в сочетании отглагольных существительных с глаголами, от которых они образованы (*empowerment – расширение прав и возможностей (to empower), establishment – создание (to establish), consultation – консультация (to consult), performance – производительность, эффективность, исполнение (to perform), cooperation – сотрудничество (to cooperate), requirements – требования (to require), review – пересмотр (to review), delegation – делегирование (to delegate) и др.*). Приведем пример использования отглагольных существительных в Президентских актах: “*Section 1. Establishment. There is hereby established the Interagency Security Committee (Committee).*” [Security Executive Order]. В данном случае отглагольное существительное “*establishment*” номинирует действие по созданию соответствующего комитета. При этом проявляется акциональная доминанта, указывающая на возникновение нового межведомственного подразделения по безопасности, что далее закрепляется в тексте при помощи пассивного глагола “*is established*”.

Другой пример демонстрирует вхождение элементов юридического дискурса в политический дискурс с целью выделения акциональной доминанты, репрезентируемой посредством отглагольного существительного *consultation*, смыслового глагола *consult* и модального глагола *may*: “*Sec. 4. Consultation. The Committee may consult with officials in other Federal Government entities, including the Administrative Office of the United States*

Courts and the United States Postal Service, to perform its responsibilities under this order, and, at the discretion of the Committee, officials from other Federal Government entities may participate in the interagency working groups.” [Security Executive Order]. В данном фрагменте законодатель (автор политического и одновременно юридического дискурса) предписывает возможность совершения определенных действий (по консультированию) другим участникам – субъектам как политического, так и юридического дискурсов (*The Committee; officials in other Federal Government entities; Administrative Office of the United States Courts; the United States Postal Service*). Модальный глагол *may* в данном случае подчеркивает возможность самого действия.

Следует отметить, что акциональная доминанта нередко выделяется в тексте при помощи модальных средств, выражающих запрет, разрешение, возможность, необходимость совершения определенных действий субъектами – участниками юридического и политического дискурсов (*must, can, have to, shall, should* и др.). На основе модальных глаголов, выступающих акциональными доминантами как политического, так и юридического дискурсов, может строиться и взаимодействие самих дискурсов. Это позволяет сделать вывод о том, что благодаря таким составляющим, как дискурсивные доминанты различных дискурсов, зачастую и происходит взаимодействие этих дискурсов.

Например, в документе “*Executive Order on Ensuring Responsible Development of Digital Assets*” [Digital Assets Executive Order] говорится о развитии цифровых активов. «Императивную функцию берет на себя модальный глагол *must* в сочетании с глаголами, имеющими значение «защищать, смягчать, укреплять, продвигать, поддерживать» (*protect, mitigate, reinforce, promote, support*):

(a) *We must protect consumers, investors, and businesses in the United States...*

(b) *We must protect United States and global financial stability and mitigate systemic risk...*

(c) *We must mitigate the illicit finance and national security risks posed by misuse of digital assets...*

(d) *We must reinforce United States leadership in the global financial system and in technological and economic competitiveness, including through the responsible development of payment innovations and digital assets...*

(e) *We must promote access to safe and affordable financial services...*

(f) *We must support technological advances that promote responsible development and use of digital assets...*» [Трибунская, Пустарнакова, 2023], [Digital Assets Executive Order]. Структура текста в приведенном фрагменте также способствует акцентированию внимания реципиента на акциональной доминанте.

Особенностью рассматриваемого англоязычного политического дискурса является включение в его состав неограниченного множества иных дискурсов. Для выделения доминанты автор может использовать иной тип дискурса, в структуру которого входит та же доминанта, одновременно осуществляется процесс взаимодействия дискурсов.

Анализ Президентских актов показал, что каждый дискурс, присутствующий в политической коммуникации, вносит свои доминанты. Например, мы можем наблюдать, как некие действия внедряются в принимающий политический дискурс при помощи экономической доминанты. Политик включает фрагменты экономического дискурса, содержащие описание экономических показателей, связанных с финансированием программ, строительством дорог, мостов, социальных объектов, улучшением инфраструктуры, с целью демонстрации идеи эффективной работы политической системы, выраженной в политическом дискурсе. В следующем текстовом фрагменте речь идет об инвестировании в такие значимые объекты инфраструктуры, как порты, автомагистрали, дороги, аэропорты, мосты: “*Through the Bipartisan Infrastructure Law, we are*

making crucial investments in our Nation's infrastructure, including in our ports, highways, roads, airports, and bridges, which American companies rely on to export goods." [World Trade Week Proclamation]. В данном случае акциональная доминанта проявлена через выражение "*we are making crucial investments*". Сам документ, посвященный неделе международной торговли, адресован массовому читателю, в связи с чем заявление президента по вопросу инвестирования в экономически значимые объекты государства может быть рассмотрено в качестве пиар-хода. Подчеркивая важность двухпартийного закона об инфраструктуре, автор политического дискурса стремится повысить свой рейтинг среди избирателей. Таким образом, составляющие экономического дискурса используются политиком для достижения прагматической цели по увеличению поддержки со стороны потенциального электората.

На основании вышеизложенного можно сделать еще один важный вывод относительно внедрения экономической доминанты в политический дискурс. Субъект политического дискурса представляет в качестве достижений своей администрации действия по строительству дорог, мостов, школ и развитию инфраструктуры, относящиеся к составляющей экономического дискурса. В этот момент экономический дискурс уже не существует в отрыве от политического: составляющие экономического дискурса, определяющие объекты инфраструктуры (выражены в тексте именами существительными множественного числа: *ports, highways, roads, airports, bridges*), процесс инвестирования (*investments*), товары, предназначенные для экспорта (*goods*) и т.д. становятся рычагом воздействия субъекта политики на массовую аудиторию. Соответственно, компоненты экономического дискурса в контексте политической коммуникации наделяются более весомым, значимым статусом по сравнению с сопоставимыми экономическими показателями, отраженными, к примеру, в строительной смете или рядовом статистическом отчете. Таким образом, справедливо утверждать, что политическая коммуникация, рассматриваемая

как система или как целое, приобретает свойства, которые не сводятся к свойствам ее отдельных элементов, а представляет собой нечто большее, чем сумма ее частей, то есть входящих в ее состав компонентов различных видов дискурсов. Это же касается доминант иных видов дискурсов, конституирующих политическую коммуникацию.

Далее рассмотрим, каким образом проявлена в текстах Президентских актов субъектная доминанта, связанная с выдвижением участников коммуникации. Как отмечает М. В. Батюшкина, «в качестве адресантов и адресатов законодательного текста позиционируются не только индивидуальные языковые личности, но и группы людей, коллективные субъекты (общество, органы власти, организации), хотя с позиции речемыслительного процесса законодательный текст воспринимается и интерпретируется человеком индивидуально» [Трибунская, 2023], [Батюшкина, 2017, 2022]. Что касается рассматриваемой нами англоязычной политической коммуникации, активным субъектом в процессе взаимодействия дискурсов выступает президент – автор нормативно-правовых актов. Именно этот участник определяет доминантные составляющие ситуаций.

Иными субъектами коммуникации становятся «индивидуальные языковые личности, группы людей, коллективные субъекты» [Трибунская, 2023]. Субъектная доминанта проявлена в текстах Президентских актов при помощи местоимений (*I, we*), существительных с указанием на должность и статус субъекта (*President, Vice President, “the Director of the Federal Protective Service”, “the Director of the Office of Personnel Management”, “the Director of the Federal Bureau of Investigation”* и др.), нарицательных имен существительных, указывающих на принадлежность к определенной группе людей или профессии (*officials, farmers, farmworkers, ranchers, fishers, foresters* и др.), имен собственных (*JOSEPH R. BIDEN JR., Kamala Harris* и др.), словосочетаний (*other agricultural workers, federal officials*) и т.д. Участниками политической коммуникации могут становиться

государственные органы власти (“*the Department of State*”, “*the Department of the Treasury*”, “*the Department of Defense*”, “*the Department of Justice*”, “*the Department of Agriculture*”, “*the Department of Energy*”, “*the Department of Education*” и т.д. [The White House]), отдельные государства (*America, the United States of America, Greece, Russia, China, Canada, Ukraine* и т.д.) и другие участники.

В следующем фрагменте идет речь о людях, связанных с сельским хозяйством и пищевым сектором, актуализируется субъектная доминанта: “*On National Agriculture Day, we recognize the invaluable contributions of American farmers, farmworkers, ranchers, fishers, foresters, and other agricultural workers, who have practiced their craft for generations and touch the lives of Americans every day. Their tireless efforts growing crops, raising livestock, and distributing food, fuel, and fiber sustain America and the entire world. They put meals on our plates, clothes on our backs, and roofs over our heads. Along the way, America’s agricultural workers serve as stewards of the land; ensure the safety and health of animals, plants, and people; and strengthen our rural communities with economic opportunities.*” [Agriculture Proclamation]. Вместе с тем через отношение автора к деятельности работников сельского хозяйства проявлена аксиологическая доминанта, которая транслируется при помощи словосочетаний: “*the invaluable contributions*” – неоценимый вклад, “*their tireless efforts*” – их неустанные усилия. «Используется позитивно окрашенная лексика, в том числе глаголы *serve* – служить, *ensure (the safety and health)* – обеспечивать (безопасность и здоровье), *strengthen* – укреплять и др.» [Трибунская, 2023].

В целом для документов, ориентированных на массового читателя, характерно активное выдвижение аксиологической доминанты, передающей отношение говорящего к происходящему. В социуме, особенно в политической сфере, идет постоянная борьба между различными интерпретациями действительности. В связи с этим высокую значимость приобретает оценка событий, которая дается субъектом политического

дискурса в Президентских актах. Следует отметить, что аксиологическая доминанта может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Оценочное значение передается при помощи разных частей речи: прилагательных (*deep* – глубокий, *historic* – исторический, *grateful* – благодарный и др.), существительных (*the joy* – радость, *a sacrifice* – жертва, *contributions* – вклад, *a risk* – риск, *collapse* – крах, *threat* – угроза и др.), а также глагольных форм (*to strengthen* – укреплять, *unrelenting* – неумолимый, *unwavering* – непоколебимый, *unmatched* – непревзойденный и др.), содержащих положительный или отрицательный оценочный компонент коннотативного значения. Аксиологическая доминанта в языке может выдвигаться при помощи словосочетаний (*an unusual and extraordinary threat* – необычная и чрезвычайная угроза, *the joy of learning* – радость обучения, *a crucial ally* – важный союзник, *unrelenting in battle* – неумолимые в бою, *unwavering in loyalty* – непоколебимые в верности, *unmatched in decency* – непревзойденные в порядочности, *to make the ultimate sacrifice* – принести высшую жертву и др.) и устойчивых выражений (*to give thanks* – благодарить и др.), способных вызвать эмоциональный отклик со стороны читателя.

Например, в документе, посвященном национальному дню признания военнопленных, дается оценка бывших военных: неумолимые в бою (*unrelenting in battle*), непоколебимые в верности (*unwavering in loyalty*), непревзойденные в порядочности (*unmatched in decency*), готовые принести высшую жертву во имя нашей нации (*prepared to make the ultimate sacrifice on behalf of our Nation*): “Today, our brave men and women in uniform carry on the rich legacy of our former prisoners of war – **unrelenting in battle, unwavering in loyalty, unmatched in decency, and prepared to make the ultimate sacrifice on behalf of our Nation.**” [Prisoner Of War Proclamation]. При помощи определений *unrelenting*, *unwavering*, *unmatched* проявляется аксиологическая доминанта, характеризующая отношение автора к военнослужащим, при этом семантика данных слов подчеркивает их решительность, непревзойденность, отсутствие слабости.

В другом президентском акте звучит благодарность субъектам – участникам образовательного дискурса, в том числе родителям, опекунам, педагогам, библиотекарям и другим лицам, которые инвестируют в образование детей: “*On Read Across America Day, we celebrate the joy of learning and give thanks to the parents, caregivers, educators, librarians, authors, and community members who invest in our Nation’s children.*” [Read Proclamation]. Данный фрагмент отражает отношение автора к вопросам образования, которое реализуется в тексте при помощи словосочетания *the joy of learning* (радость обучения) и устойчивого выражения *to give thanks* (благодарить). Аксиологическая доминанта выдвигается автором эксплицитно.

В следующем документе, посвященном дню празднования греческой и американской демократии, присутствует оценка связи, существующей между двумя странами (Грецией и США), которая передается при помощи прилагательных *deep* (глубокий) и *historic* (исторический): “*Today, as we mark the anniversary of Greek independence, we honor our countries’ deep and historic bond – forged in the struggle for liberty and self-governance – and the many contributions of the modern Hellenic Republic which promote international peace and stability and uphold our shared values.*” [Greek Independence Day]. Далее в тексте документа при помощи словосочетания *a crucial ally* (важный союзник) проявляется отношение говорящего к Греции как важному союзнику Организации Североатлантического Договора: “*A crucial ally in the North Atlantic Treaty Organization, Greece promotes peace and prosperity in the Eastern Mediterranean, Black Sea, and Western Balkans regions, and the United States is grateful for Greece’s continuing hospitality to the United States Naval Support Activity Souda Bay on Crete.*” [Greek Independence Day]. Кроме того, автор при помощи прилагательного *grateful* благодарит Грецию за гостеприимство и сотрудничество. Таким образом, проявляется аксиологическая доминанта.

В нижеприведенном фрагменте автором дается оценка достигнутых результатов, которая выражается словосочетанием *have made great strides* (добились больших успехов): “While we **have made great strides** in the decades since National Poison Prevention Week was **first observed** 60 years ago – including a decline in unintentional poisoning – poisoning remains a risk, especially for children and older Americans.” [Poison Proclamation]. В данном случае в документе, посвященном профилактике отравлений, актуализируется аксиологическая доминанта, выдвигающая на первый план оценку достигнутых результатов за последние 60 лет работы. Отношение автора к существующей проблеме непреднамеренных отравлений характеризует выражение *poisoning remains a risk* – отравление остается риском. Здесь существительное *a risk* допускает возможность негативного развития ситуации, что может находить эмоциональный отклик со стороны реципиента.

Довольно часто помимо авторской оценки происходящего в документах проявляется характерологическая доминанта, присваивающая определенные характеристики субъектам коммуникации. Ее особенность заключается в том, что, передавая некую информацию, автор политического текста делится своими взглядами на действительность и может таким образом воздействовать на реципиента, формируя в его восприятии новое отношение к событиям, ситуации.

Далее рассмотрим особенности выдвижения характерологической доминанты в текстах Президентских актов. Данная доминанта, также как и аксиологическая, может быть проявлена эксплицитно или имплицитно. В ходе анализа текстов удалось установить, что характерологическая доминанта выражена такими языковыми средствами, как имена прилагательные (*Black and Indigenous (women), Native American (woman)*), сравнительная степень прилагательных (*better, fairer, more inclusive, more prosperous, more resilient*), превосходная степень прилагательных (*the finest, the best*), имена существительные (*heroines – героини, a champion – боец,*

advocate – защитник), словосочетания (“*Women of the labor movement*”; “*woman of color*”), метафоры (“*Standing on the shoulders of the heroines*”) и др.

Например, фрагмент документа, посвященного всемирной неделе торговли, демонстрирует пример выдвижения характерологической доминанты следующим образом: “*American workers are **the finest** in the world, and my Administration remains steadfast in our commitment to building **a better America** by pursuing a trade agenda that puts workers first and helps foster **a fairer, more inclusive, more prosperous, and more resilient** Nation.*” [World Trade Week Proclamation]. С одной стороны, при помощи превосходной степени прилагательного *the finest* дается характеристика американским рабочим как лучшим в мире. С другой стороны, выражается идея построения Америки, которая будет лучше предыдущей, при этом используется сравнительная степень прилагательного *a better*, а также сравнительные степени прилагательных (*a fairer, more inclusive, more prosperous, and more resilient*), характеризующие нацию, которая должна сформироваться.

«Следует отметить, что характерологическая доминанта довольно активно присутствует в политической коммуникации, представленной в официальных документах. Примечательно, что здесь не происходит быстрой смены участников дискурса, напротив, мы можем наблюдать одних и тех же участников на протяжении всего текста.» [Трибунская, 2023]. Проанализируем фрагмент документа, в котором говорится о женщинах и их характеристиках: “*Throughout our history, despite hardship, exclusion, and discrimination, **women have strived and sacrificed for equity and equality in communities across the country. Generations of Native American women were stewards of the land and continue to lead the fight for climate justice. Black women fought to end slavery, advocate for civil rights, and pass the Voting Rights Act. Suffragists helped pass the 19th Amendment to the Constitution so that no American could be denied a vote on the basis of sex.***” [Women’s History Proclamation]. «В данном примере наряду с субъектной и характерологической доминантами актуализируется акциональная

доминанта. Отмечается, что женщины боролись и жертвовали ради справедливости и равенства, отстаивали гражданские права.» [Трибунская, 2023]. Рассмотрим характеристики, которыми наделяются женщины:

«“*heroines*” – героини (“*Standing on the shoulders of the **heroines** who came before them, today’s women and girls continue to carry forward the mission*”), здесь используется метафора *Standing on the shoulders of the heroines*, которая выражает силу и стойкость женщин-героинь;

“*Women of the labor movement*” – женщины, участвующие в рабочем движении (“*Women of the labor movement are achieving monumental reforms to help all workers secure the better pay, benefits, and safety they deserve*”);

“*Women and girls of color*” – «цветные» женщины и девочки;

“*Black and Indigenous women*” – «чернокожие» женщины и женщины из числа коренного населения;

“*the first woman – and woman of color – to serve as Vice President, Kamala Harris*” – первая «цветная» женщина, занявшая пост вице-президента;

“*the first women ever to serve as Treasury Secretary and Director of National Intelligence*” – первые женщины, которые заняли посты министра финансов и директора национальной разведки;

“*the first Native American woman to serve as a Cabinet Secretary*” – первая женщина из числа коренных американцев, занявшая пост секретаря кабинета министров и т.д. (“*This work is being led by the most diverse and gender-balanced Cabinet in American history, including **the first woman – and woman of color – to serve as Vice President, Kamala Harris; the first women ever to serve as Treasury Secretary and Director of National Intelligence; the first Native American woman to serve as a Cabinet Secretary; women leading the Departments of Commerce, Energy, Housing and Urban Development, along with the Small Business Administration and the Office of Management and Budget; and women of color representing America on the world stage as United States Ambassador to the United Nations and the United States Trade Representative as well as leading my Council of Economic Advisers in the White House.***”))»

[Трибунская, 2023]. «Называя фамилию первой цветной женщины, занявшей пост вице-президента (*Kamala Harris*), автор тем самым акцентирует внимание реципиента на субъектной доминанте. Это происходит потому, что имя данной женщины всем хорошо известно, оно узнаваемо, благодаря чему быстро встраивается в соответствующий ассоциативный ряд принимающего сознания.» [Трибунская, 2023].

В следующем фрагменте автором присваивается характеристика одному из участников дискурса при помощи существительных *a champion – борец, advocate – защитник*: “*Today we celebrate the life and legacy of César Estrada Chávez, a champion for social justice and advocate for hardworking people who build and sustain our Nation.*” [Chávez Day Proclamation]. Отмечается, что Сесар Чавез боролся за социальную справедливость и был защитником трудолюбивых людей. Такая характеристика, присвоенная политиком другому лицу, влияет на восприятие данной личности как героя со стороны реципиента. Таким образом, происходит процесс воздействия на массовую аудиторию. Одновременно реализуется аргументирующая функция политического текста.

Далее проанализируем проявление пространственной доминанты в Президентских актах. Данная доминанта фокусирует взгляд читателя на месте происходящего. Для передачи пространственной доминанты автором используются языковые единицы, репрезентирующие такие составляющие, как «названия стран (*in Afghanistan, of Afghanistan, the United States, America, in Ukraine*), городов (*New York, Chicago*), территорий (*along Ukraine’s northern, eastern, and southern borders*) и др.» [Трибунская, 2023]. «В передаче пространственной доминанты участвуют служебные части речи (предлоги): *in, of, across, along* и др.» [Трибунская, 2023]. Она находит проявление в разных дискурсах, конституирующих политическую коммуникацию, включая внешнеполитический, внутривнутриполитический, экономический, дискурс безопасности и др. «Пространственная доминанта помогает донести до реципиента информацию о месте происходящего, а также служит

связующим звеном между различными событиями, на которых автор акцентирует внимание читателя.» [Трибунская, 2023].

Рассмотрим фрагмент документа, в котором присутствует пространственная доминанта: “*The widespread humanitarian crisis in Afghanistan – including the urgent needs of the people of Afghanistan for food security, livelihoods support, water, sanitation, health, hygiene, shelter and settlement assistance, and COVID-19-related assistance, among other basic human needs – and the potential for a deepening economic collapse in Afghanistan continue to pose an unusual and extraordinary threat to the national security and foreign policy of the United States.*” [Crisis in Afghanistan Notice]. В данном случае речь идет о гуманитарном кризисе и сложной обстановке в Афганистане, которая представляет угрозу национальной безопасности и внешней политике США. Пространственная доминанта выдвигается при помощи названия государства *Afghanistan* (место событий) и соответствующих служебных частей речи – предлогов *in, of*. Одновременно в тексте проявлена аксиологическая доминанта, на что указывает оценка событий автором, выраженная существительными *collapse – крах, threat – угроза*, а также словосочетанием *an unusual and extraordinary threat – необычная и чрезвычайная угроза*.

Помимо указания на другие страны местом событий часто становятся сами Соединенные Штаты Америки. Например, в документе, посвященном предотвращению отравлений, идет речь о сложной ситуации в США, связанной с большим количеством случаев отравлений и их последствиях: “*Each year, more than 2 million poisoning cases are reported in the United States – some of which are tragically fatal, but many of which are preventable*” [Poison Proclamation]. «В другом документе пространственная доминанта заключена в самом названии: “*A Proclamation on Read Across America Day*”. В документе содержится призыв к гражданам страны повышать читательскую грамотность, в том числе среди взрослого населения, а также выражается благодарность педагогам, которые вкладывают силы в обучение детей.»

[Трибунская, Пустарнакова, 2023].

Проанализируем пример, в котором автор документа дает оценку событиям, а также использует многократное указание на место происходящего: *“On February 21, 2022, the Russian government initiated a further invasion of Ukraine. On February 23, 2022, Russia launched missile strikes, air raids, and the movement of tanks and troops into broad swaths of Ukrainian territory. Since then, fighting has intensified along Ukraine’s northern, eastern, and southern borders, and in major cities and at critical facilities. Russia’s actions in Ukraine have resulted in energy supply shortages of significant scope and duration and have already caused a substantial increase in oil prices worldwide that threatens to slow United States economic growth at this critical point in our economic recovery.”* [Military Compensation Memorandum].

В данном фрагменте акцент делается на месте событий. Пространственная доминанта, являясь частью внешнеполитического дискурса, входит в состав политического дискурса при помощи языковых единиц, описывающих границы территории конфликта (*along Ukraine’s northern, eastern, and southern borders, in Ukraine*). «Одновременно мы наблюдаем проявление хронологической доминанты (*On February 21, 2022, On February 23, 2022*), которая указывает на время событий и подчеркивает их причинно-следственные связи. Отмечается, что ситуация на Украине привела к перебоям в поставках энергоносителей и значительному росту цен на нефть на мировом рынке, что в свою очередь может повлиять на замедление экономического восстановления США. Выражение *a substantial increase in oil prices worldwide that threatens to slow United States economic growth* содержит анализ ситуации и маркирует элементы экономического дискурса. Одновременно данный пример демонстрирует присутствие черт военного дискурса, который актуализируется посредством лексических единиц, дающих оценку событиям: *invasion (вторжение), launched missile strikes, air raids, and the movement of tanks and troops (нанесение ракетных ударов, авианалетов и передвижение танков и войск)*.» [Трибунская, Пустарнакова,

2023]. Справедливо утверждение о том, что военный и экономический дискурсы в данном случае включаются в состав политической коммуникации посредством аксиологической доминанты. Таким образом, сразу несколько типов дискурсов взаимодействуют в рамках данного фрагмента текста, внедряясь в состав политической коммуникации посредством доминантных составляющих. Соответственно, доминанты служат основой их взаимодействия. Благодаря составляющим различных дискурсов, которые становятся доминантами, разные виды дискурсов и вступают во взаимодействие, обеспечивая полидискурсивность политической коммуникации.

Таким образом, в качестве основных доминант в процессе взаимодействия дискурсов могут быть названы акциональная и аксиологическая доминанты, что объясняется характером и назначением самих документов. Также активно проявлена характерологическая, пространственная, либо субъектная доминанта, в зависимости от того, какую информацию хочет донести автор в первую очередь. На выдвижение дискурсивных доминант влияет, с одной стороны, субъективный фактор, включающий личное отношение политика к происходящему, с другой стороны, объективные факторы (события, ситуации), которые вынуждают политика использовать языковые средства, репрезентирующие ту или иную доминанту. В типах Президентских актов, ориентированных на профессионального читателя, актуализируется прежде всего акциональная доминанта, что объясняется необходимостью регламентации действий. В документах, предназначенных для населения, выдвигается аксиологическая доминанта, включающая оценку происходящего, а также характерологическая доминанта, присваивающая характеристики участникам. Это объясняется желанием автора вызвать реакцию со стороны читателя, убедить собеседника.

Каждый дискурс внедряет свои доминантные составляющие, например, экономический дискурс входит в состав политического при помощи

экономической доминанты, юридический дискурс выдвигает юридические действия, являющиеся юридической доминантой и т.д. Благодаря этим составляющим различные типы дискурсов вступают во взаимодействие. При этом доминирующие составляющие каждого дискурса наделяются бóльшими смыслами при внедрении в политическую коммуникацию, чем они имели до включения в ее состав. Это позволяет рассматривать англоязычную политическую коммуникацию в целом как систему, которая не сводится к сумме ее отдельных элементов, а значительно превышает ее. Другими словами, в процессе взаимодействия дискурсов действует закон синергии, проявляющийся в том, что сумма свойств организованного целого превышает сумму свойств каждого из его элементов в отдельности.

Выводы по Главе 2

Вторая глава настоящего исследования посвящена анализу коммуникативной ситуации в англоязычном политическом дискурсе, выделению компонентов ситуации, изучению особенностей дискурсивных доминант и прагматических установок автора, что позволяет сделать следующие выводы.

1. Анализ коммуникативных процессов в политических текстах на основе модели S-P-E-A-K-I-N-G продемонстрировал наличие целого ряда особенностей:

а) взаимодействие осуществляется в глобальной информационной сети Интернет, документы публикуются в открытом доступе и представляют собой официальные нормативно-правовые документы;

б) тексты предназначены как для массового адресата, так и для служебного использования;

в) автором выступает президент США, реципиентом в зависимости от типа документов является профессиональный читатель, либо массовая аудитория;

г) участники могут переходить из дискурса в дискурс, а также одновременно присутствовать в нескольких дискурсах;

д) основные цели автора – создание положительного имиджа, повышение рейтинга среди населения; регламентация действий, влияющих на возникновение новых прав и обязанностей участников политического дискурса, а также запрет неких действий; целевые установки для профессиональной группы реципиентов – получение инструкции к действию, изучение положений нормативных актов и решений по ключевым политическим вопросам; для массовой аудитории – знакомство с мерами поддержки со стороны государства, политической повесткой или программой, получение информации;

е) для создания позитивного образа автор использует лексику,

характеризующуюся наличием как положительного, так и отрицательного оттенков значений, он также избегает резких оценок благодаря употреблению эвфемизмов.

Президентские акты имеют четкую структуру: название документа, вводная, основная и заключительная части, подпись президента США. При необходимости в тексте могут выделяться пункты и разделы. Объем текстов составляет от 1 до 10 страниц. На расшифровку текстов, содержащих обилие юридической терминологии, во многом влияет подготовленность читателя. Политическая коммуникация отличается дискурсивной гетерогенностью. Среди языковых и стилистических особенностей следует отметить использование лексических повторов, однокоренных слов, расшифровку отдельных терминов непосредственно в текстах документов. Отличительной чертой Президентских актов является то, что они сами создают и закрепляют нормы в обществе, устанавливают правила интеракции коммуникантов, вписываясь при этом в некое уже существующее ценностно-смысловое пространство американской нации. Тексты относятся к жанру официальных документов, при этом наблюдается тяготение к информационному стилю, на что указывает присутствие в текстах элементов интернет-жанра. В ряде документов автором дается оценка происходящего, а читатель аргументированно подводится к восприятию событий под определенным углом зрения и к необходимым автору выводам, что сближает данный вид коммуникации с жанром аналитической статьи.

2. Как показал анализ языкового материала, к основным доминантам относятся акциональная и аксиологическая. Кроме того, выявлено присутствие характерологической, пространственной и субъектной доминант. Акциональная доминанта актуализируется в первую очередь в типах документов, ориентированных на профессионального читателя, что объясняется их регламентирующим характером. В типах документов, предназначенных для массовой аудитории, выдвигаются аксиологическая и характерологическая доминанты, что обусловлено стремлением автора

аргументировать свою позицию, убедить реципиента и вызвать у него желательную реакцию.

В ходе анализа Президентских актов установлено, что дискурсы, присутствующие в политической коммуникации, внедряют свои доминантные составляющие. Политик включает фрагменты различных дискурсов с целью демонстрации эффективности политической системы. При этом экономические, образовательные и иные показатели наделяются дополнительными смыслами, которых они не имеют вне политической коммуникации, что позволяет рассматривать такую коммуникацию как целостную систему.

ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

3.1 Социально-экономические аспекты взаимодействия дискурсов

Социально-экономическая система представляет собой фундамент, на котором строится любое современное общество. Проблемы экономики, образования и здравоохранения непосредственно затрагивают интересы большинства граждан, что делает их одними из наиболее острых и политически значимых тем общественного дискурса. Это отражается в политических текстах при помощи внедрения в них специальных сопутствующих дискурсов, которые актуализируются посредством определенных языковых маркеров. В рамках первого параграфа настоящей главы проанализируем экономический, образовательный и медицинский дискурсы, которые вступают во взаимодействие с политическим дискурсом.

Рассмотрим специфику экономического дискурса в составе англоязычной политической коммуникации. Лексические единицы, присутствующие в тексте, обозначают такие составляющие экономического дискурса, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ», «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ», «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ИСКОПАЕМЫЕ» и др. Рассмотрим более подробно данные составляющие.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие участников экономического дискурса (субъекты торгово-экономических отношений: работодатели и работники, потребители, различные торговые и финансовые организации, учреждения, органы государственной власти, экономические партнеры, граждане и т.д.): *we; partners, workers; consumers; the World Trade*

Organization, our trading partners, “consumer protection agencies”, “the Federal Trade Commission (FTC)”, “Consumer Financial Protection Bureau”, “Consumer Product Safety Commission”; American families; actors; farmers; American workers and families и т.д. Участники экономического дискурса выражены в тексте местоимениями (*we*), именами существительными, обозначающими род занятий участников экономического дискурса (*partners, workers, consumers, actors, farmers, families*), словосочетаниями (*our trading partners, consumer protection agencies, the Federal Trade Commission, Consumer Financial Protection Bureau, Consumer Product Safety Commission, American families, American workers*), аббревиатурами (*FTC*). Примечательно, что коммуниканты, как правило, выражены языковыми единицами во множественном числе, что указывает на обобщающий характер их номинирования. Речь идет о группах людей, связанных определенным образом со сферой экономики.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие действия участников экономического дискурса (различные действия органов власти, организаций, субъектов экономических отношений и т.п.). Они выражаются посредством следующих языковых единиц: *to work; to invest; to credit; establishing new and improved trade frameworks; strengthening our economy and our workforce; to fight fraud, predatory practices; we are building an economy; continues its historic growth (our economy); protecting consumers; to make informed financial decisions; We are building a food system*. Среди языковых средств выражения составляющей «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» преобладают глаголы и глагольные конструкции, обозначающие работу в целом, финансовую деятельность, деятельность по укреплению и защите со значением «работать», «инвестировать», «кредитовать», «создавать», «укреплять», «защищать», «строить», «бороться»: *to work, to invest, to credit, to establish, to make, to protect, to build, to strengthen, to fight* и т.д. Рассмотрим пример: *“During National Consumer Protection Week, we recommit ourselves to those basic rights, to protecting consumers, to raising awareness about bad actors and*

deceptive practices in the marketplace, and to empowering people to make informed financial decisions so that our economy works for everyone.” [Consumer Protection Week]. В данном случае участники политического дискурса (*we*) выражают намерение осуществлять некие действия, направленные на защиту потребителей (*to protecting consumers*). Таким образом, составляющие политического дискурса «УЧАСТНИКИ» и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» вступают во взаимодействие с составляющими экономического дискурса «УЧАСТНИКИ» (*consumers*) и «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» (*in the marketplace*). При этом лексическая единица *consumers* указывает на субъектов экономических отношений, которые покупают и используют товары и услуги: *consumer - someone who buys or uses goods or services* [Cambridge Dictionary], а слово *marketplace* является отражением пространства экономических отношений, имеющего значение «рынок товаров и услуг, место покупки и продажи товаров»: *the marketplace – in business, the buying and selling of products* [Cambridge Dictionary]. Можно также утверждать, что действия субъектов политического дискурса призваны обеспечить возможность действий участников экономического дискурса (*to make informed financial decisions*). Из этого следует, что сами субъекты экономического дискурса и их действия находятся в зависимом положении от действий участников политического дискурса. Последние, напротив, занимают ведущую, руководящую позицию по отношению к первым. То есть политик в данном случае берет на себя роль лидера и идеолога.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие характеристики экономических отношений (характеристики трудовых и экономических отношений, продовольственной системы; качественные характеристики экономической системы и торговой политики, характеристики участников и пространства экономического дискурса): *Hardworking American families; our crucial bilateral and multilateral economic relationships; more stable, fair, and dependable international economic arena; “more durable, resilient, and sustainable trade policies”; “better results for American workers and families”;*

“*an economy based on principles of fairness, privacy, and equity*”; (*our economy continues*) *its historic growth; bad actors; a food system that will be more competitive, balanced, and equitable; made possible by expanded and fairer markets; more affordable, more healthy food for consumers; global trade; discriminatory pay practices* и др. Данная составляющая, как правило, выражена именами прилагательными, обозначающими устойчивость, значимость, справедливость, международный характер отношений, либо их оценку (*hardworking, crucial bilateral and multilateral economic, historic, bad, global* и др.), сравнительными степенями прилагательных (*more stable, fair, and dependable; more durable, resilient, and sustainable; better results; more competitive, balanced, and equitable; fairer; more affordable, more healthy* и др.), что объясняется задачей автора присвоить качественные характеристики различным составляющим экономического дискурса. В нижеприведенном фрагменте субъект политического дискурса использует местоимения *we* и *our*, чтобы подчеркнуть единство власти и нации в построении экономики, основанной на справедливости: “As **our** Nation recovers and **our** economy continues its historic growth following a global pandemic, it is important that consumers are fully informed about their rights and the potential risks in the marketplace. Hardworking American families deserve to feel secure in the knowledge that, as we build back better, **we are building an economy based on principles of fairness, privacy, and equity.**” [The White House]. Взаимодействие политического дискурса с экономическим дискурсом осуществляется через субъектную составляющую политического дискурса, обозначаемую местоимением *we*, и действия участников политического дискурса (*are building*). При этом экономический дискурс внедряется в состав политического дискурса при помощи языковых единиц, обозначающих характеристику экономических отношений (“*an economy based on principles of fairness, privacy, and equity*”). В данном случае значение слова *economy* – *the system by which a country produces and uses goods and money* [Cambridge Dictionary] содержит семы *goods, money*, которые показывают связь с

товарными и денежными отношениями, а сема *produces* указывает на производственные силы экономической системы. Здесь политик играет роль аналитика, который даёт оценку происходящему (*our economy continues its historic growth*). При этом участники экономического дискурса являются рядовыми членами общества (*consumers, hardworking American families*).

Проанализируем языковые единицы, обозначающие экономические возможности (финансовые средства, инвестиции, продвижение продукции, расширение производственных мощностей, налаживание цепочки поставок, экономические программы, соглашения и т.д.): *\$35, \$2,000, tens of thousands of dollars, \$122 billion, \$250 million, \$350 million, \$10 million; the cost, economic opportunities, investments, new investment in the energy sector, (to enforce) antitrust laws, (move) agriculture products to market more expeditiously, (to expand) new agriculture processing capacity, (to strengthen) our supply chain resiliency, trade agreements*. Данная составляющая экономического дискурса выражена в тексте количественными числительными с использованием цифровых обозначений и денежной символики (*\$35, \$2,000, tens of thousands, \$122 billion, \$250 million, \$350 million, \$10 million*), именами существительными (*the cost, investments*), словосочетаниями (*economic opportunities, antitrust laws, new agriculture processing capacity, trade agreements*) и т.п. Составляющая «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ» выражается при помощи языковых единиц, обозначающих как финансовые, так и иные средства регулирования.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие экономические проблемы и правонарушения (мошенничество, незаконные методы в экономике, проблемы с кредиторами, потенциальные риски и др.): *the threat of unfair competition; fraud, predatory practices; data exploitation by abusers; the potential risks; problems with credit bureaus, banks and lenders*). Данная составляющая содержит в себе негативно маркированные лексические единицы, выраженные в тексте преимущественно при помощи словосочетаний со значением «угроза», «проблемы», «риски» и др. (*the threat*

of unfair competition; predatory practices; data exploitation by abusers large and small; the potential risks; problems with credit bureaus, banks and lenders и т.д.).

Проанализируем особенности репрезентации такой составляющей экономического дискурса, как «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» (место, пространство, зона экономических отношений; благодаря указанию на место происходящего пересекаются пространства политического и экономического дискурсов): *in the marketplace; economic arena; markets*. Составляющая выражена в тексте именами существительными и словосочетаниями, обозначающими пространство экономических отношений, при необходимости используются предлоги. В следующем фрагменте при помощи лексических единиц «конкурентноспособный», «сбалансированный», «справедливый» дается характеристика продовольственной системе, которую планируется построить: “*We are building a food system that will be more **competitive, balanced, and equitable** – made possible by expanded and **fairer markets**, investments that sharpen farmers’ competitive edge, and an emphasis on more affordable, healthy food for consumers that is produced closer to home.*” [Agriculture Proclamation]. Политику принадлежит ведущая, руководящая роль в построении данной системы (*We are building*). Пространства политического и экономического дискурсов пересекаются при помощи существительного *markets*. Семы *buy* и *sold* являются ключевыми в составе слова *market*, они характеризуют покупку и продажу чего-либо и позволяют отнести данное понятие к маркерам экономического дискурса: *market – the people who might want to buy something, or a part of the world where something is sold* [Cambridge Dictionary].

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие природные ресурсы и ископаемые (нефть, топливо, продукты переработки, масла, природный газ, уголь и др.): *crude oil; petroleum; petroleum fuels, oils, products of their distillation; liquefied natural gas; coal; coal products* и т.д. Составляющая экономического дискурса «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ИСКОПАЕМЫЕ»

выражена именами существительными (*petroleum, oils, coal*), словосочетаниями (*crude oil, petroleum fuels, liquefied natural gas, coal products*) и др. Для выражения запрета часто используются безличные конструкции: “*The following **are prohibited**: the importation...of the following products...: crude oil; petroleum; petroleum fuels, oils, and products of their distillation; liquefied natural gas; coal; and coal products.*” [Imports Executive Order]. То же касается и запрета на инвестирование в энергетический сектор: “*The following **are prohibited**: new investment in the energy sector in the Russian Federation by a United States person, wherever located.*” [Imports Executive Order]. Здесь субъект политического дискурса подразумевается, но активно не репрезентирован в тексте. Используются властные полномочия и накладывается запрет на ввоз природных ресурсов и ископаемых. В этом заключается различие подачи информации: если идет речь о положительных изменениях, субъект политики проявлен в тексте. Когда говорится об ограничениях и запретах, применяются безличные конструкции (*The following are prohibited*).

Интересен тот факт, что в случае анализа политического дискурса субъективная позиция автора текстов – президента США – воспринимается в сознании реципиента как позиция всего государства и расценивается соответствующим образом дипломатическими службами иностранных государств. Это придает президентскому политическому дискурсу особую значимость. Выступая субъектом коммуникации, он одновременно действует как представитель страны в целом. Благодаря внедрению в англоязычную политическую коммуникацию элементов экономического дискурса в сочетании с элементами внешнеполитического дискурса (например, единицами, обозначающими внешнеэкономическую торговлю, внешнеэкономические санкции) политик достигает таких целей, как демонстрация силы, получение экономической выгоды, влияние на других субъектов – участников экономического и внешнеполитического дискурсов, установление собственных правил. В качестве примера взаимодействия

разных дискурсов приведем фрагмент: “*We are also recommitting the United States to global multilateral institutions, including the World Trade Organization, in pursuit of more durable, resilient, and sustainable trade policies that deliver better results for American workers and families.*” [World Trade Proclamation]. Здесь словосочетание *trade policies* указывает на соединение экономического и политического дискурсов, а в названии Всемирной торговой организации *the World Trade Organization* соединяются знаки внешнеполитического и экономического дискурсов.

Следует отметить, что лексика, касающаяся вопросов экономики, используется и в политических документах неэкономической тематики, посвященных образованию, медицине, экологии, безопасности, военному делу и других. Например, в Прокламации, посвященной Дню чтения в Америке, маркером экономического дискурса выступают языковые единицы, обозначающие объем финансирования школьного образования: “*It is one of the reasons why safely reopening schools for in-person instruction was a priority for my Administration from day one – so that children could get back to learning in the classroom with their peers – and why the American Rescue Plan included \$122 billion to keep schools open safely and help address the learning loss and mental health impacts of missing school.*” [Read Proclamation]. В другом документе, посвященном делегированию полномочий в сфере оказания помощи иностранному государству, идет речь о финансировании иностранного государства: “*the authority under section 614(a)(1) of the FAA to determine whether it is important to the security interests of the United States to furnish up to \$250 million in assistance without regard to any provision of law within the purview of section 614(a)(1) of the FAA; and (2) the authority under section 506(a)(1) of the FAA to direct the drawdown of up to an aggregate value of \$350 million in defense articles and services of the Department of Defense, and military education and training, and to make the determinations required under such section to direct such a drawdown.*” [Delegation Memorandum]. Слово *authority* в данном примере несет в себе значение контроля, а семы *right u*

ability выражают правомочия субъектов политической власти: *authority – the moral or legal right or ability to control* [Cambridge Dictionary].

Как показывает анализ текстов, большую роль в политическом освещении экономической составляющей играют финансы, налоги, занятость, проблемы малого бизнеса, а также процессы, связанные с покупкой, продажей товаров и услуг, вложением и заимствованием денег, инвестициями, принятием финансовых решений. Экономическая составляющая, являясь значимой частью любой политической системы, встраивается практически во все сферы общественной жизни, при этом акценты расставляются в зависимости от целей и прагматических установок субъекта коммуникации.

Таким образом, мы видим, что политический дискурс по ряду параметров доминирует при взаимодействии с экономическим дискурсом. В ходе анализа отмечено, что субъект политического дискурса может играть роль аналитика, интерпретатора событий, лидера и идеолога. В то же время для достижения целей политик вынужден прибегать к вопросам экономической тематики, и он оказывается зависимым от успехов экономической политики и результатов, достигнутых в экономической сфере. В этом проявляется взаимное влияние политического и экономического дискурсов. Вопросы экономики также активно рассматриваются и в документах неэкономической тематики, связанных со сферами образования, медицины, экологии, безопасности, военного дела и других.

Перейдем к рассмотрению элементов образовательного дискурса в составе англоязычной политической коммуникации. Образовательный дискурс представлен лексическими единицами, связанными с вопросами обучения, преподавания, науки, образования. Знаками образовательного дискурса в англоязычной политической коммуникации выступают лексические единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА»,

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО».

Рассмотрим составляющие образовательного дискурса более подробно.

Обратимся к средствам репрезентации участников образовательного дискурса (к данной составляющей относятся различные категории граждан – работники образования, дети, родители, педагоги, библиотекари, специалисты, писатели, семьи и др.): *people, generations, family, friends, the parents, caregivers, educators, librarians, authors, community members, specialists, every child in America, children, young people and adults, peers, school administrators, Black students, The First Lady* и др. Данная составляющая выражена в тексте нарицательными именами существительными, обозначающими субъектов воспитательной деятельности, обучающихся, вспомогательный персонал, людей, косвенно связанных с воспитательными действиями и т.п. (*people, generations, the parents, caregivers, educators, librarians, authors, children, family, friends, specialists, peers, school administrators, students*), а также словосочетаниями (*community members, every child in America, young people and adults, The First Lady*). Примечательно, что участники как экономического, так и образовательного дискурсов, как правило, выражены языковыми единицами во множественном числе, что указывает на обобщающий характер их номинирования. Только в данном случае подразумеваются группы людей, связанных со сферой образования. В отдельных случаях может наблюдаться персонификация коммуникантов, например, политик приводит в пример первую леди, которая на протяжении всей жизни работала в системе образования (*The First Lady*).

В следующем фрагменте большое внимание уделяется политиком вопросам школьного образования, а также дошкольного обучения: “*It is why I have proposed making 2 years of high-quality preschool available to every child in America.*” [Read Proclamation]. В данном случае осуществляется взаимодействие участников политического дискурса (*I*) и участников

образовательного дискурса (*every child*), которые благодаря действиям участника политического дискурса по повышению качества дошкольного образования (*I have proposed making 2 years of high-quality preschool available to every child*) вступают во взаимодействие. Словосочетание *every child in America* подчеркивает обращение к каждому конкретному коммуниканту, представляющему группу обучающихся.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие образовательный процесс и его характеристики (содержит языковые единицы, связанные с процессом образования, обучения, а также характеристику образовательного процесса и участников образовательного дискурса): *reading, education, learning, educational excellence, imagination, insight, inspiration, a child's creativity and curiosity; a passion for lifelong learning; the path to literacy; children's classics; endless creativity; respect and empathy for others; volunteer and literacy programs; preschool; a lifetime of study; a lifelong educator, young people, master reading, the foundation of all education; free, actionable, plain-language consumer education resources; 2 years of high-quality preschool; education is both the antidote to hate and the cornerstone of humanity as a whole; That landmark decision* и др. Образовательный дискурс, представленный в англоязычной политической коммуникации, репрезентирован лексическими единицами со значением «чтение», «образование», «грамотность», «вдохновение», «творчество», «любопытность», «учёба», «просвещение» и другими, которые обозначают образовательные действия, знания, качества участников. Данные составляющие образовательного процесса выражены словосочетаниями с использованием имен прилагательных, содержащих качественные и оценочные характеристики, которые обозначают продолжительность, доступность, эффективность образования (*lifelong, young, free, actionable, educational, landmark*), имен существительных, указывающих на основу и ресурсы образовательного процесса, качества, которые развивает образование, такие как грамотность, воображение, понимание, уважение и другие (*excellence, the foundation, education resources,*

imagination, insight, inspiration, the path, literacy, humanity, respect, empathy), а также сложных слов, обозначающих высокое качество, противоядие как средство противодействия негативным процессам (*the cornerstone, antidote, plain-language, high-quality*). Образовательный процесс также выражен в тексте герундием, подчеркивающим длительность таких действий, как чтение, обучение (*reading, learning* и др.). Рассмотрим фрагмент документа, посвященного Дню чтения по всей Америке: “*The First Lady, a lifelong educator, has said, “reading is the foundation of all education.”* [Read Proclamation]. Значение слова **education** (образование) – *the process of teaching and learning in a school or college, or the knowledge that you get from this* [Cambridge Dictionary] – позволяет выделить основные семы, относящиеся к образовательному дискурсу в составе политического дискурса. Так, в словосочетании *the process of teaching* слово *teaching* указывает на передачу знаний, как и выражение *knowledge that you get*. Здесь главные семы *knowledge* и *get* указывают на действие, связанное с получением знаний, что связывает его (действие) с составляющей ситуации «процесс». В то же время лексическая единица *educator* называет субъект, участвующий в процессе обучения других людей и, соответственно, номинирует участника образовательного дискурса: *educator – a person who teaches people* [Cambridge Dictionary]. В качестве данного субъекта в указанном примере упоминается первая леди страны. Словосочетание *The First Lady* служит, с одной стороны, маркером политического дискурса благодаря наличию семы *political*, а также семы *married*, характеризующей родственные отношения с политическим лидером: *first lady – a woman who is married to the political leader of a country or a part of a country* [Cambridge Dictionary], с другой стороны, данное словосочетание в этом контексте становится маркером образовательного дискурса, на что указывает составляющая образовательного дискурса «характеристика участников»: *a lifelong educator*. Таким образом, один и тот же участник одновременно вовлекается сразу в

два дискурса – политический и образовательный. Политик, являясь участником политического дискурса, выступает здесь в качестве аналитика. Для аргументации идей он ссылается на авторитетное мнение первой леди страны. Следовательно, рассматривая первую леди в качестве участника образовательного дискурса, справедливо утверждать, что она в данном случае выступает в качестве эксперта. Это позволяет сделать вывод о том, что участники образовательного дискурса могут привлекаться субъектами политики как профессионалы или эксперты. При этом актуализируется модель взаимодействия коммуникантов политического и образовательного дискурсов «аналитик» - «эксперт».

Проанализируем языковые единицы, обозначающие действия участников образовательного дискурса и воздействие образования (действия, связанные с обучением, инвестированием в процесс образования; а также то, что дает образование): *to study, to invest (in our Nation's children), to build, to read, can help, to keep, to write, to inculcate, to support, to advancing, to learning; (young people) learn and grow and engage; (volunteer and literacy programs) help master reading; (children) could get back to learning; (reading) ignites, nourishes; (books) can challenge and inspire, can teach; being read to at bedtime; gathering in classrooms for story time, and attending events at local libraries; to keep school doors shut (to Black students)* и др. Как мы видим, данная составляющая выражена в тексте преимущественно глагольными конструкциями со значениями «изучать», «формировать», «поддерживать», «помогать», «прививать», «инвестировать», «осваивать», «читать», «обучать», «посещать», «вдохновлять» и др. (*to study, to invest, to build, to read, can help, to keep, to write, to inculcate, to support, to advance, to learn, to teach и др.*). Проанализируем, как соотносятся между собой маркеры политического и образовательного дискурсов. В одном из Президентских актов звучит благодарность субъектам – участникам образовательного дискурса, в том числе родителям, опекунам, педагогам, библиотекарям и другим лицам, которые инвестируют в образование детей: “*On Read Across*

America Day, we celebrate the joy of learning and give thanks to the parents, caregivers, educators, librarians, authors, and community members who invest in our Nation's children.” [Read Proclamation]. В данном фрагменте вступают во взаимодействие составляющие «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*we*) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*celebrate, give thanks*), а также «УЧАСТНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА» (*the parents, caregivers, educators, librarians, authors, community members, children*) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА» (*invest*). Автор документа благодарит участников образовательного процесса, тем самым проявляется отношение политика к субъектам образования и вопросам обучения, которое реализуется в тексте при помощи словосочетания *the joy of learning* и выражения *to give thanks*. Одновременно реализуется модель взаимодействия коммуникантов, при которой субъект политического дискурса выступает в роли мотиватора и интерпретатора событий (в том числе процесса обучения и роли участников образовательного дискурса в данном процессе). Участники образовательного дискурса занимают свое место при взаимодействии в зависимости от рода занятия: исполнитель (*educators, librarians*), эксперт (*authors*) или рядовой член общества (*the parents, caregivers, community members, children*). Исполнители являются деятелями образования, вносящими вклад в процесс образования детей. Эксперты, в данном случае авторы, занимаются вопросами просвещения. Остальные участники относятся к наиболее массовой аудитории рядовых граждан. Таким образом, осуществляется взаимодействие дискурсов, при котором реализуется модель «мотиватор», «интерпретатор событий» (участник политического дискурса) – «исполнитель», «эксперт», «рядовые члены общества» (участники образовательного дискурса).

Администрацией президента США разрабатываются программы ликвидации неграмотности, которые помогают молодым и взрослым людям овладеть навыками чтения: “*My Administration is also committed to supporting*

volunteer and literacy programs that help young people and adults master reading.” [Read Proclamation]. Здесь взаимодействуют такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*My administration*), «УЧАСТНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА» (*young people and adults*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*is also committed to supporting*) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСОВ» (*help master reading*). В данном случае при помощи конструкции сложного дополнения демонстрируется доминирующая, руководящая роль участников политического дискурса по отношению к участникам образовательного дискурса. Одновременно образовательный дискурс даёт возможность политику позиционировать себя в роли просветителя, который заботится о грамотности нации.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие место происходящего (образовательные учреждения, библиотеки, классы и др.): *to keep schools open; impacts of missing school; school districts across the country; reopening schools, in the classroom, at local libraries*. Как правило, данная составляющая выражена в тексте словосочетаниями, в составе которых преобладают имена существительные, обозначающие школу в целом, помещения для образовательного процесса, вспомогательные помещения, районы, относящиеся к школе и т.п. Для указания на место происходящего используются предлоги *to, across, in, at*. Семантика слов *school, classroom, library* указывает на такую составляющую образовательного дискурса, включаемую в состав политического дискурса, как место, где осуществляется процесс обучения. Так пересекаются пространства политического и образовательного дискурсов.

В ходе анализа установлено, что несмотря на тематическую заданность документов, во многих из них можно встретить языковые знаки образовательного дискурса. Тема обучения прослеживается во многих документах, ориентированных на массового читателя, что объясняется социальной значимостью вопросов образования. Например, в документе,

посвященном Национальной неделе защиты прав потребителей, затрагивается проблема обучения, на что указывает составляющая образовательного дискурса «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА» (“free”, “actionable”, “plain-language consumer education resources”): “These agencies work every day to protect consumers and ensure product safety through investigations, law enforcement actions, and **free, actionable, plain-language consumer education resources.**” [Consumer Protection Week].

Информирование несет в себе просветительскую функцию, во многих Президентских актах разнообразной тематики содержатся ссылки на контакты и интернет-ресурсы, обеспечивающие широкой аудитории американских граждан доступ к дополнительной информации: “If you suspect that you or someone else has been poisoned, do not wait for signs of poisoning. Immediately call the Poison Control Help line at **800-222-1222**. For more information, go to **poisonhelp.hrsa.gov.**” [Poison Proclamation]. Знаком образовательного дискурса в данном случае служит лексическая единица *information*, которая обозначает новые знания, получаемые реципиентом.

При взаимодействии участников политического и образовательного дискурсов реализуются такие модели поведения, как «аналитик – эксперт»; «мотиватор / интерпретатор – исполнители, эксперты, рядовые члены общества». Наблюдается доминирование субъектов политики над участниками образовательного дискурса (политик – просветитель). Благодаря составляющей «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» пересекаются пространства политического и образовательного дискурсов. Одни и те же участники становятся фигурантами нескольких дискурсов. Следует отметить, что составляющие образовательного дискурса, как и составляющие экономического дискурса, репрезентированы в документах различной смысловой направленности.

Далее рассмотрим включение элементов медицинского дискурса в англоязычную политическую коммуникацию. Медицинский дискурс,

несмотря на свою специфику, представлен в политических текстах довольно широко. Знаками медицинского дискурса, носящего институциональный характер, являются языковые единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «БОЛЕЗНИ», «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и др.

Проанализируем знаки медицинского дискурса в составе англоязычной политической коммуникации более подробно. Рассмотрим особенности репрезентации составляющей «УЧАСТНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (работники здравоохранения, медицинский персонал, волонтеры, а также различные категории граждан, нуждающиеся в медицинской помощи): *health care workers; Red Cross volunteers; individuals with eating disorders; mental health providers; the American Red Cross; nurses; doctors; newborns; patients; millions of Americans an average of 31 children; 75,000 children* и др. Данная составляющая выражается в тексте именами существительными во множественном числе (*workers, volunteers, individuals, providers, nurses; doctors; newborns; patients; Americans*), что указывает на обобщающий характер номинирования участников медицинского дискурса. Кроме того, участники могут быть репрезентированы при помощи словосочетаний (*health care workers, Red Cross volunteers, individuals with eating disorders, mental health providers*), числительных (*31; 75,000; millions*) и т.д.

В Прокламации, посвященной месяцу Американского Красного Креста, отмечается, что данная организация помогает простым людям в самых трудных ситуациях: “*Support from the American Red Cross has provided hope to people in their darkest hours – in the face of armed conflict, climate-related disasters, and the COVID-19 pandemic. Red Cross volunteers are on the front lines of recovery, providing emergency shelter to families impacted by devastating floods, tornadoes, fires, and other disasters; donating lifesaving blood to meet the rising demand of hospital patients; supporting our Nation’s service members,*

veterans, and their families; and providing medical care and essential resources to combat diseases worldwide.” [Red Cross Proclamation]. В приведенном фрагменте политик выступает в роли аналитика, он дает высокую оценку работе волонтеров Красного Креста. Знаки медицинского дискурса в рамках политического обозначают такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*the American Red Cross, Red Cross volunteers*) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА», включая конкретные действия участников (*donating lifesaving blood*) и общие действия участников (*providing medical care and essential resources to combat diseases*). Участники медицинского дискурса являются добровольцами и профессионально подготовленными экспертами в своей области. Таким образом, в данном фрагменте реализуется модель взаимодействия участников политического и медицинского дискурсов: «аналитик» – «эксперт».

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие действия участников медицинского дискурса (оказание медицинской помощи, вакцинирование, прохождение обследований и процедур, сдача крови и медицинских анализов, лечение заболеваний, пребывание в болезненных состояниях): *Medicare; support; providing medical care; get vaccinated; Getting regular screenings and identifying symptoms and risk factors; donating blood; the treatment; attempted suicide; risk of suicide; the treatment; mental health and substance use treatment; to combat diseases; were experiencing stress, trauma, anxiety, and heightened levels of depression, the prevention, detection, and treatment, die from unintended poisonings, take place* и др. Составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА», как правило, выражена в тексте глагольными конструкциями или отглагольными существительными со значениями: «лечить», «оказывать медицинскую помощь», «поддерживать», «выявлять», «предотвращать», «проводить профилактику», «бороться с болезнями», «вакцинировать», «донорство», «испытывать стресс, травму, тревогу, депрессию» и др. (*treatment, prevention,*

detection, to support, to provide, to get vaccinated, to get regular screenings, to donate, to treat, to attempt, to combat, to experience stress, trauma, anxiety, depression и др.). К примеру, отглагольное существительное *treatment* содержит сему *cure*, которая указывает на излечение от какой-либо болезни или травмы, в том числе посредством использования лекарств: *treatment – the use of drugs, exercises, etc. to cure a person of an illness or injury* [Cambridge Dictionary]. Рассмотрим Президентский акт, который направлен на решение проблем, связанных с осведомленностью о колоректальном раке. Здесь законодатель указывает на важность регулярных обследований и выявления симптомов и факторов риска для спасения жизней: **“Getting regular screenings and identifying symptoms and risk factors are both pivotal to saving lives.”** [Cancer Proclamation]. В данном фрагменте составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*Getting regular screenings and identifying symptoms and risk factors*) вступает во взаимодействие с составляющей «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*to saving lives*). Автор текста дает оценку важности действий участников медицинского дискурса (*pivotal*), выступая таким образом в роли аналитика. В документе перечисляются настораживающие симптомы, служащие маркерами медицинского дискурса, среди которых *blood in the stool* (кровь в стуле), *a change in bowel habits* (изменение характера стула), *stomach pain* (боль в животе), *bloating* (вздутие живота), *cramps that do not go away* (судороги, которые не проходят), *weight loss without a known cause* (потеря веса без известной причины). Отмечается, что профилактика (*the prevention, detection, and treatment of cancer and other deadly diseases*) и доступность медицинского страхования является одним из эффективных способов борьбы с раком: **“Ensuring that every American has access to quality, affordable health coverage is another critical way that we can win the fight against cancer.”** [Cancer Proclamation]. В данном фрагменте мы видим, что рядовые американцы (*every American*) становятся участниками медицинского дискурса в рамках политического благодаря включению

языковых единиц, обозначающих характеристики процесса оказания медицинских услуг (*has access to quality, affordable health coverage*). В рамках политического дискурса репрезентированы такие его составляющие, как «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*we*) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*can win the fight against cancer*). Здесь политик выстраивает идеологию того, что необходимо сделать, чтобы победить опасную болезнь. Простые американцы оказываются в данном случае зависимыми от решения политика. Таким образом, реализуется модель взаимодействия коммуникантов «идеолог» (участник политического дискурса) – «рядовые члены общества» (участники медицинского дискурса), при которой субъект политики находится в доминирующем положении.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие болезни (наименование болезней, болезненных состояний, вирусов, а также лекарств, помогающих бороться с болезнями и т.д.): *Covid-19; cancer; heart disease; Alzheimer's; shingles; whooping cough; tetanus; other diseases; cancer and other deadly diseases; depression; pandemic; insulin, prescription drug, lifesaving drugs* и др. Составляющая медицинского дискурса «БОЛЕЗНИ» включает в себя наименование различных болезней, в том числе рак, сердечные заболевания, болезнь Альцгеймера, опоясывающий лишай, кашель, столбняк и другие заболевания; а также лекарства и описание того, для лечения каких болезней они предназначаются, например, препараты, отпускаемые по рецепту, жизненно важные лекарства. Политик часто прибегает к использованию медицинской терминологии в аспекте фиксации цен на лекарства, что призвано помочь незащищенным слоям населения (пожилым людям, малообеспеченным американцам). В следующем фрагменте языковые единицы, обозначающие болезни, внедряются в политический дискурс одновременно с языковыми единицами, репрезентирующими составляющие «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*could save upwards of tens of thousands of dollars on lifesaving drugs*) и «ДЕЙСТВИЯ

УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*can get vaccinated*): “*That is one reason why I signed the Inflation Reduction Act. For those on Medicare, this law caps the cost of insulin at \$35 per month and will cap out-of-pocket prescription drug costs at \$2,000 per year. That means seniors could save upwards of tens of thousands of dollars on lifesaving drugs – including for cancer, heart disease, Alzheimer’s, and more. It also means Americans can get vaccinated for free against shingles, whooping cough, tetanus, and other diseases [Older Americans Proclamation].* Здесь политик выступает в роли управленца и интерпретатора происходящего (*I signed the Inflation Reduction Act; That means seniors could save upwards of tens of thousands of dollars on lifesaving drugs; It also means Americans can get vaccinated for free...*). Использование языковых единиц экономического дискурса, обозначающих составляющую «ФИНАНСОВЫЕ СРЕДСТВА» (*upwards of tens of thousands of dollars; the cost of insulin at \$35 per month; costs at \$2,000 per year*), позволяет политику добиться большей наглядности при решении социально значимого вопроса, касающегося здоровья граждан.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие проблемы со здоровьем (ментальные и физические проблемные состояния здоровья, симптомы болезней и т.д.): *mental health challenges; the rate of depression; stress, trauma, anxiety, and heightened levels of depression, an unprecedented mental health crisis, the COVID-19 pandemic, blood in the stool, a change in bowel habits, stomach pain, bloating, cramps that do not go away, weight loss without a known cause* и др. Прокламация о национальном месяце осведомленности о психическом здоровье содержит лексику, обозначающую такую составляющую медицинского дискурса, как «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» со значениями «стресс», «травмы», «беспокойство», «повышенный уровень депрессии», «пандемия». Отмечается, что подобные состояния усугубляют кризис психического здоровья американцев: “*Millions of Americans were experiencing stress, trauma, anxiety, and heightened levels of depression. The COVID-19 pandemic exacerbated those conditions, creating an*

unprecedented mental health crisis across our country.” [Mental Health Proclamation]. В данном фрагменте политик выступает в роли интерпретатора событий. Автор указывает на то, что участники внутривластного и одновременно медицинского дискурсов пострадали от *COVID-19*. В данном случае медицинский дискурс встраивается в англоязычную политическую коммуникацию посредством языковых единиц, обозначающих составляющую «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» (*stress, trauma, anxiety, and heightened levels of depression, mental health crisis*). Другими словами, тревожность и проблемы американцев объясняются автором внезапно возникшей пандемией. В этом присутствует элемент манипуляции сознанием, так как политик умалчивает обо всех других имеющихся в американском обществе проблемах.

Следует отметить, что медицинский дискурс, несмотря на свою специфику, довольно широко представлен в англоязычной политической коммуникации. Это связано в том числе с активным обсуждением в последние годы темы коронавируса *Covid-19*. Так, президентом подписан Меморандум о максимальном оказании помощи в ответ на ситуацию с *Covid-19 (the COVID-19 pandemic)* [Respond to COVID-19 Memorandum]. Отмечается необходимость борьбы с пандемией, а также оказания защиты и поддержки семьям, школам, предприятиям и т.д. В словосочетании “*the COVID-19 pandemic*”, являющимся маркером медицинского дискурса, сема *disease* является ключевой и содержит указание на болезнь: “*COVID-19 – an infectious disease caused by a coronavirus (= a type of virus), that usually causes fever, tiredness, a cough, and changes to the senses of smell and taste, and can lead to breathing problem and severe illness in some people; pandemic – a dangerous disease that infects many people at one time*” [Cambridge Dictionary]. Определения содержат обозначения значимых характеристик *infectious* и *dangerous*, отражающих такие свойства массового заболевания, как «заразный», «инфекционный», «опасный».

Проанализируем языковые единицы, обозначающие место

происходящего (больница, поликлиника, территория и т.п.): *hospitals, across our country, worldwide, in the United States, at home, in hospital emergency departments* и др. Составляющая «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» может выражаться в тексте именами существительными, словосочетаниями с использованием предлогов, указывающих на место (*across, in, at* и др.). Сложное слово *worldwide* подчеркивает масштаб повсеместного распространения болезни.

Следующий документ повествует о проблемах и рисках, связанных с непреднамеренными отравлениями: “*Each year, more than 2 million poisoning cases are reported in the United States – some of which are tragically fatal, but many of which are preventable.*” [Poison Proclamation]. В данном случае медицинский дискурс внедряется в англоязычную политическую коммуникацию посредством языковых единиц, обозначающих такие составляющие медицинского дискурса, как «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» (*poisoning cases*), «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» (*in the United States*). Субъект политики выступает в роли аналитика, дает оценку происходящему (*tragically fatal, but preventable*). Здесь наречие *tragically* относится к составляющей ситуации «ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМ СО ЗДОРОВЬЕМ», содержит семы *death* и *suffering*: *tragic – very sad, often involving death and suffering* [Cambridge Dictionary], усиливает прилагательное *fatal*, семантическое значение которого указывает на причину смертельного исхода: *fatal – fatal illness, accident, etc. causes death* [Cambridge Dictionary]. Одновременно в документе приводятся статистические показатели жертв непреднамеренных отравлений, среди которых оказывается большое количество детей: “*Each year, an average of 31 children die from unintended poisonings at home, and an estimated 75,000 children under the age of five end up in hospital emergency departments from poisoning. Approximately 85 percent of unintentional poisonings take place in the home where medicines and harmful chemicals are stored.*” [Poison Proclamation]. В данном фрагменте знаками медицинского дискурса в составе англоязычной политической

коммуникации являются языковые единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*an average of 31 children, 75,000 children*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*die from unintended poisonings, take place*) «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» (*at home, in hospital emergency departments, in the home*). Субъект политики в данном случае приводит статистические показатели. При этом реализуется модель взаимодействия политического и медицинского дискурсов «аналитик» – «рядовые члены общества».

В документе одновременно наблюдается присутствие языковых единиц, обозначающих составляющие различных дискурсов: «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*we raise awareness about the dangers posed by poisonous substances* – мы повышаем осведомленность об опасностях, связанных с ядовитыми веществами), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА» (*precautions people can take to prevent an incident* – меры предосторожности, которые люди могут предпринять, чтобы предотвратить инцидент; *how to respond in a poison emergency* – как реагировать в чрезвычайной ситуации с отравлением; *unintentionally ingesting poisonous household products* – непреднамеренное проглатывание ядовитых бытовых продуктов), составляющая медицинского дискурса «ОПАСНОСТИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ» (*hand sanitizer* – санитайзер для рук, *laundry detergent* – стиральный порошок, *medications* – лекарства, *coin cell batteries* – таблетки, *cleaning products* – чистящие средства, *liquid nicotine* – жидкий никотин, *harmful chemicals* – ядовитые вещества). Отмечается, что особую опасность для здоровья представляют предметы, которые следует хранить в недоступном для детей месте. Автор (участник политического дискурса) указывает на необходимость превентивных мер (*preventive measures*) и повышения осведомленности о яде (*poison awareness*) в борьбе с отравлениями, а в случае отравления призывает немедленно обращаться в справочную службу по борьбе с отравлениями (*the Poison Control Help line*) [Poison Proclamation]. В данном документе встречается ряд однокоренных

слов, связанных с отравлением: *poison – poisoning – poisonous*. Являясь маркером медицинского дискурса, единица *poison* содержит семы *ill* и *kill*, которые в сочетании с глаголом *make* указывают на процесс возникновения заболевания или смерти: *poison – a substance that can make people or animals ill or kill them if they eat or drink it* [Cambridge Dictionary].

Маркерами политического дискурса в следующем фрагменте выступают языковые единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*the United States Congress, the President*), а также «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*authorized and requested, to issue a proclamation*): “*To encourage Americans to learn more about the dangers of unintentional poisonings and to take appropriate preventive measures, on September 26, 1961, the United States Congress, by joint resolution (75 Stat. 681), authorized and requested the President to issue a proclamation designating the third week of March each year as “National Poison Prevention Week.”* [Poison Proclamation]. В данном случае участниками медицинского дискурса выступают обычные американцы – не медицинские специалисты (*Americans*). Конгресс совместно с президентом мотивируют их узнать больше об опасностях непреднамеренных отравлений и издают соответствующий нормативный документ. Роль участников политического дискурса в данном случае можно определить как «мотиватор», «законодатель». Реализуется модель взаимодействия участников политического и медицинского дискурсов «мотиватор», «законодатель» – «рядовые члены общества».

Таким образом, в Президентских актах затрагиваются различные вопросы медицинской направленности, включая вакцинацию, проблему отравлений, цены на рецептурные и иные препараты. Кроме того, отмечается важность осуществления превентивных профилактических мер по различным заболеваниям, а также вклад работников здравоохранения в решение проблем здоровья нации. В целом тексты Президентских актов довольно подробно освещают проблемы в области здоровья и медицины. При этом

автор часто выступает в роли аналитика, обозначает возможные причины заболеваний, факторы, способствующие возникновению и развитию патологий, предоставляет сведения о выделяемом финансировании и об информационных ресурсах.

В настоящем параграфе был проведен анализ взаимодействия составляющих политического дискурса с составляющими экономического, образовательного и медицинского дискурсов, которое происходит в результате включения знаков данных дискурсов в состав англоязычной политической коммуникации. Выделены наиболее часто встречающиеся в политических текстах языковые единицы, обозначающие такие составляющие дискурсов, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ И ПРОЦЕССОВ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», а также языковые единицы, обозначающие специфические составляющие для каждого конкретного дискурса, например, в экономическом дискурсе – «ФИНАНСОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ», «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ», «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ИСКОПАЕМЫЕ», в образовательном дискурсе – «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА», в медицинском дискурсе – «БОЛЕЗНИ», «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ». Была рассмотрена характерная для политических текстов лексика, касающаяся вопросов экономики, образования, медицины, а также приведены отдельные семы, на основе которых возможно выделение маркеров рассматриваемых дискурсов.

В ходе анализа социально-экономических аспектов взаимодействия дискурсов установлено, что участники экономического, образовательного и медицинского дискурсов внедряются в политическую коммуникацию преимущественно посредством нарицательных имён существительных во множественном числе, что указывает на обобщающий характер номинирования коммуникантов (*partners, workers, consumers, actors, farmers, families; people, generations, the parents, caregivers, educators, librarians,*

authors, children, friends, specialists; volunteers, individuals, providers, nurses, doctors, newborns, patients, Americans). При этом подразумеваются группы людей, объединенных по определенному критерию, связанному со сферами экономики, образования, медицины. В то же время в отдельных случаях может наблюдаться персонификация коммуникантов. Участники дискурсов также могут быть выражены в тексте словосочетаниями (*our trading partners, consumer protection agencies, the Federal Trade Commission, Consumer Financial Protection Bureau, Consumer Product Safety Commission, American families, American workers, community members, every child in America, young people and adults, health care workers, Red Cross volunteers, individuals with eating disorders, mental health providers*), местоимениями (*we, they, our*), числительными (*31; 75,000; millions*), аббревиатурами (*FTC*) и т.д.

Прослеживаются различные модели поведения и взаимодействия участников политического дискурса и участников экономического, образовательного и медицинского дискурсов. Как правило, субъект политики занимает доминирующую позицию и выполняет следующие роли: управленец (руководящая роль, позиция лидера), законодатель (нормотворческая роль), интерпретатор событий (интерпретирует происходящее), аналитик (анализирует, даёт оценку ситуации), манипулятор (влияет на восприятие событий реципиентом), просветитель (распространяет знания, информацию), идеолог (выстраивает идеологию поведения членов общества). Что касается социально ориентированных дискурсов, то были выявлены следующие модели поведения участников экономического, образовательного и медицинского дискурсов: исполнитель (тот, кто непосредственно выполняет некие действия в профессиональной сфере), эксперт (человек, который обладает системными знаниями и навыками в предметной области, заслуженный деятель в своей сфере), рядовые члены общества (зависят от политических решений). К категории простых членов общества можно отнести обычных американцев, в том числе потребителей товаров и услуг (участники экономического дискурса), семьи с детьми,

которые получают образование (участники образовательного дискурса), пациентов, посетителей больниц (участники медицинского дискурса). Таким образом, участники могут переходить из одного дискурса в другой, при этом происходит смена их социальных ролей: «больной» – «избиратель», «учитель» – «налогоплательщик» и т.д.

Составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» рассматриваемых дискурсов реализуется в тексте преимущественно за счет глагольных конструкций или отглагольных существительных со следующими значениями: «работать», «инвестировать», «кредитовать», «создавать», «укреплять», «защищать», «строить», «бороться» и др. в экономическом дискурсе (*to work, to invest, to credit, to establish, to make, to protect, to build, to strengthen, to fight* и др.); «изучать», «формировать», «поддерживать», «помогать», «прививать», «инвестировать», «осваивать», «читать», «обучать», «посещать», «вдохновлять» и др. в образовательном дискурсе (*to study, to invest, to build, to read, can help, to keep, to write, to inculcate, to support, to advance, to learn, to teach* и др.); «лечить», «оказывать медицинскую помощь», «поддерживать», «выявлять», «предотвращать», «бороться с болезнями», «вакцинировать», «становиться донором», «испытывать стресс, травму, тревогу, депрессию» и др. в медицинском дискурсе (*treatment, prevention, detection, to support, to provide, to get vaccinated, to donate, to treat, to attempt, to combat, to experience stress, trauma, anxiety, depression* и др.).

В результате анализа составляющей «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ И ПРОЦЕССОВ» установлено, что она, как правило, выражается словосочетаниями с активным использованием имен прилагательных, обозначающих профессиональные качества, временные факторы, оценку, профессиональную принадлежность и т.д. (*hardworking; crucial bilateral and multilateral economic; historic; bad; global; lifelong, young, free, actionable, educational; fatal, preventable, mental, lifesaving* и др.), сравнительных степеней прилагательных (*more stable, fair, and dependable;*

more durable, resilient, and sustainable; better results; more competitive, balanced, and equitable; fairer; more affordable, healthy и др.), что объясняется задачей автора присвоить качественные характеристики различным составляющим дискурсов, сравнить признаки, свойства. Кроме того, используются имена существительные, обозначающие знания, качества участников, основы процессов (*excellence, the foundation, education, resources, imagination, insight, inspiration, the path, literacy, humanity, respect, empathy*), наречия, дающие оценку процессам (*tragically, unintentionally*), сложные слова, обозначающие уровень и средства процессов (*the cornerstone, antidote, plain-language, high-quality*) и т.д.

Во включаемых в англоязычную политическую коммуникацию дискурсах выявлены такие составляющие, как «ПРОБЛЕМЫ», например, «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ» (*the threat of unfair competition; fraud, predatory practices; data exploitation by abusers; the potential risks; problems with credit bureaus, banks and lenders*), «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» (*mental health challenges; the rate of depression; stress, trauma, anxiety, and heightened levels of depression, an unprecedented mental health crisis, the COVID-19 pandemic, blood in the stool, a change in bowel habits, stomach pain, bloating, cramps that do not go away, weight loss without a known cause*). Данные составляющие репрезентированы негативно маркированными лексическими единицами, при этом их объединяет лексика со значением «проблема», «угроза», «испытание», «риск», «кризис», «опасность» и т.п. (*threat, risks, problems, challenges, crisis, dangers* и др.).

Благодаря внедрению в состав англоязычной политической коммуникации языковых единиц, репрезентирующих составляющую «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», происходит пересечение пространств политического и экономического, образовательного, медицинского дискурсов. Как правило, данная составляющая выражена в тексте словосочетаниями (*in the marketplace; economic arena; markets; to schools; impacts of missing school; school districts across the country; reopening schools,*

in the classroom, at local libraries; hospitals, across our country, worldwide, in the United States, at home, in hospital emergency departments), в составе которых преобладают имена существительные. Для указания на место происходящего используются предлоги *to, across, in, at*. Семантика слов *marketplace, arena, markets, school, classroom, library, hospitals, home, departments* подразумевает место, где осуществляется некий процесс (обмена товарами, получения образования, лечения и т.д.).

Как показал анализ Президентских актов, политический дискурс вступает во взаимодействие с экономическим, образовательным и медицинским дискурсами преимущественно посредством включения языковых единиц, обозначающих такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*I, we, the United States Congress, the President* и др.) и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*I signed; we raise awareness about the dangers; can win the fight; to protecting consumers, we are building an economy, to saving lives; to encourage Americans; to learn more; authorized and requested; to issue a proclamation; to determine; to eliminate discriminatory pay practices; I have proposed making 2 years of high-quality preschool available to every child; we celebrate the joy of learning and give thanks to the parents, caregivers, educators, librarians, authors, and community members; is also committed to supporting volunteer and literacy programs; to keep schools open* и др.). Семантика данных глаголов, обозначающих действия субъектов политики, связана с поддержкой, подписанием нормативных актов, способностью победить в борьбе, повышением осведомленности граждан, спасением жизни американцев, защитой, созданием, строительством, устранением дискриминации, определением степени важности процессов, внесением предложений, празднованием, благодарением и др. Политик дает оценку происходящему, присваивает характеристики участникам, процессам или действиям (*pivotal, lifesaving, tragically fatal* и др.).

Таким образом, выявлены особенности языковой репрезентации

составляющих экономического, образовательного и медицинского дискурсов в составе англоязычной политической коммуникации. Каждая составляющая отражает ту или иную специфику взаимодействующих дискурсов. Номинированы модели поведения и взаимодействия участников, при этом указываются их функциональные и социальные роли, которые могут изменяться. Политический дискурс преимущественно вступает во взаимодействие с дискурсами в социально-экономическом аспекте посредством включения языковых единиц, обозначающих составляющие «УЧАСТНИКИ» и «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ». Комбинирование знаков разных дискурсов в составе англоязычной политической коммуникации приводит к репрезентации в ней комбинированной ситуации. Вместе с тем политическая ситуация является основной, что подтверждается ведущей ролью субъектов политического дискурса, их решений и действий.

3.2 Взаимодействие дискурсов в военно-политической сфере

В настоящем параграфе рассматриваются аспекты, связанные с независимостью и суверенитетом, обороноспособностью государства, включая внутривнутриполитический и внешнеполитический дискурсы, а также военный дискурс, касающийся вопросов военно-стратегического и национального характера, безопасности.

Проанализируем особенности внутривнутриполитического дискурса. Знаками внутривнутриполитического дискурса в англоязычной политической коммуникации выступают лексические единицы, обозначающие такие составляющие, как: «УЧАСТНИКИ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ» и др.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие участников внутривнутриполитического дискурса (государственные служащие, представители различных политических сил, партий, должностные лица, служащие, органы государственной власти, органы местного самоуправления, граждане США):

over 20 million public servants, brave first responders, election workers, service members, the Democrats, Administration, my Administration, people, every American, Americans, our Nation, The President, “JOSEPH R. BIDEN JR.”, “The President of the United States of America”, “The Secretaries”, “The Secretary of State”, “The Secretary of Homeland Security”, “the Secretary of the Treasury”, “the Secretary of Commerce”, “the Secretary of the Interior”, “the Secretary of Agriculture”, “the Secretary of Housing and Urban Development”, “the Secretary of Transportation”, “the Secretary of Energy”, “the Administrator of the Small Business Administration”, “The Chair of the Council on Environmental Quality”, “the Director of the Office of Science and Technology Policy, and the Assistant to the President and National Climate Advisor”; “the Federal Government”, “government”, “the FAA (The Federal Aviation Administration)”, “the Congress”, “the Department of Defense”, “the United States Government”; “State, local, Tribal, and territorial governments”; “Federal, State, Tribal, and private-sector partners”; “the heads of other agencies”; “United States person”, “United States citizen” [The White House]. Участники, как правило, выражены в тексте такими языковыми единицами, как имена существительные, обозначающие органы государственной власти, должностных лиц, простых граждан (*Administration, people, the Congress, The President, Americans*), имена собственные, указывающие на конкретных участников внутривнутриполитического дискурса (*JOSEPH R. BIDEN JR.*), словосочетания, обозначающие должностных лиц конкретных ведомств, каждого американца и др. (*every American, the Secretary of State, the Secretary of the Treasury, the Secretary of Homeland Security, United States citizen, United States person* и т.д.). Для обозначения коммуникантов также могут использоваться личные местоимения (*I, we, they*), притяжательные местоимения (*my, our, their*). Следует отметить, что в данном случае участники политического дискурса и участники внутривнутриполитического дискурса во многом совпадают, так как эти два дискурса очень близки, их отличие заключается в том, что политический дискурс включает в себя составляющие как внутривнутриполитического дискурса,

так и внешнеполитического дискурса. В то же время президент в своих высказываниях разграничивает политику своей администрации и политику штатов, местных и территориальных правительств: *“It is the policy of my Administration, in consultation with State, local, Tribal, and territorial governments.”* [Nation’s Forests Executive Order]. Данный пример иллюстрирует, что политика администрации президента проходит этапы согласования на различных уровнях власти: федеральном, региональном, местном.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие место происходящих событий (включает территории, управляемые партийными лидерами, административно-территориальные единицы, указание на место происходящих событий, на города, штаты, регионы страны и т.д.): *cities, Portland, Oregon, New York City, Chicago, in Washington State, in the Virgin Islands, in Alaska, in Vermont, states and localities, on Federal lands* и др. Как правило, место происходящего выражено в тексте такими языковыми единицами, как нарицательные имена существительные (*cities, states, localities*), имена собственные (*Portland, Oregon, New York, Alaska, Vermont*), словосочетания (*on Federal lands*), при этом активно используются предлоги, указывающие на место происходящих событий (*in, on* и др.).

Проанализируем особенности репрезентации такой составляющей, как «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» (различные действия правительства, органов власти, граждан и т.п.): *to work hard; keep neighborhoods safe; the activities of United Nations missions; my Administration has helped people; by providing financial relief to help pay the mortgage or the rent; should be able to afford to rent or own a home of their own* и др. Действия участников внутривнутриполитического дискурса, как правило, выражены глагольными формами со значениями «работать», «помогать», «обеспечивать безопасность», «предоставлять финансовую поддержку», «давать возможность» (*to work hard, has helped, to keep safe; providing, to help, should be able to afford to rent* и др.). В качестве примера можно привести языковые

единицы, обозначающие действия администрации, направленные на помощь людям, оказавшимся по каким-либо причинам в бедственном положении. Так, в Прокламации о национальном месяце домовладения президент отмечает, что его администрация на протяжении всей пандемии помогала людям, предоставляя им финансовую поддержку для выплаты ипотеки или арендной платы: *“Throughout the pandemic, my Administration has helped people who have struggled, through no fault of their own, stay in their homes by providing financial relief to help pay the mortgage or the rent.”* [National Homeownership Proclamation]. Здесь, с одной стороны, участником политического дискурса является администрация (*Administration*), с другой стороны, проживающие в стране люди (*people*), что позволяет рассматривать коммуникантов одновременно как участников внутривнутриполитического дискурса. В то же время речь идет о предоставлении финансовой помощи, лексические единицы *financial* и *pay* служат маркерами экономического дискурса, следовательно, в приведенном примере говорится и об участниках экономического дискурса. «Это позволяет сделать вывод о том, что одни и те же представители становятся участниками различных дискурсов и могут переходить из одного типа дискурса в другой в зависимости от контекста высказывания. Следовательно, одновременно репрезентируются разные дискурсы, участники которых совпадают. При этом проявляется полидискурсивность политической коммуникации, которая выражается во взаимодействии политического дискурса с другими связанными с ним дискурсами (внутриполитического, экономического)» [Трибунская, Шевченко, 2021].

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие объекты инфраструктуры (объекты социальной инфраструктуры, дороги, мосты, транспортная система, аэропорты, дома и др.): *America’s transportation system, roads, bridges, waterways, airports, a home* и др. Данные объекты выражены в тексте нарицательными именами существительными, обозначающими объекты инфраструктуры, место проживания граждан

(*roads, bridges, waterways, airports, a home*) и словосочетаниями (*America's transportation system*). Например, в одном из документов отмечается, что каждый американец должен иметь возможность арендовать или владеть собственным домом: “*Every American should be able to afford to rent or own a home of their own.*” [National Homeownership Proclamation]. Здесь слово *American* указывает на национальную принадлежность благодаря семантическому значению “*someone who comes from the United States of America*” [Cambridge Dictionary].

Помимо жилья несомненную важность для любого государства представляет развитая транспортная развязка. Президент США подчеркивает, что транспортная система Америки объединяет отдаленные общины в единую нацию, делая экономику страны более конкурентоспособной на мировом рынке и формируя американский образ жизни: “*Today, America's transportation system weaves together distant communities into one Nation, making our economy more competitive in the global market and enabling our American way of life.*” [Transportation Proclamation]. Политик обозначает проблемы в данной сфере, связанные с тем, что многие объекты инфраструктуры пришли в упадок из-за запущенности и отсутствия инвестиций: “*In addition, many of our roads, bridges, waterways, and airports that were once ranked among the best in the world have fallen into disrepair due to neglect and lack of investment.*” [Transportation Proclamation]. В данных фрагментах идет речь о таких объектах, как *America's transportation system, roads, bridges, waterways, airports*, поддержание которых требует внимания и участия со стороны государства. Решение предлагается путем реализации двухпартийного закона об инфраструктуре (*the Bipartisan Infrastructure Law*), который позволит инвестировать значительные средства в экономику страны. Таким образом, субъект политического дискурса (президент), являясь в данном случае доминирующим участником политической коммуникации, посредством такой составляющей юридического дискурса, как законодательный акт, обращает внимание на решение проблем

избирателей (простых американцев), связанных с развитием объектов социально и экономически значимой инфраструктуры внутри государства. При этом составляющие различных дискурсов (политического, внутривластного, юридического, экономического) вступают во взаимодействие посредством комбинирования знаков этих дискурсов, что обеспечивает полидискурсивность англоязычной политической коммуникации. Реализуется модель взаимодействия дискурсов «законодатель» (участники политического дискурса) – «избиратель» (граждане).

Далее проанализируем маркеры внешнеполитического дискурса в составе политической коммуникации. Внешнеполитический дискурс тесно связан с деятельностью страны на международной арене и включает ситуации, связанные с вопросами внешней политики, взаимодействием с иностранными государствами и их представителями, деятельностью международных объединений и организаций, а также ведением международной деятельности. Знаками внешнеполитического дискурса выступают лексические единицы, обозначающие следующие его составляющие: «УЧАСТНИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩИХ СОБЫТИЙ», «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ» и др.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие участников внешнеполитического дискурса (главы и представители различных государств, иностранные государства и территории, международные объединения, агентства, организации и их представители; граждане, проживающие на отдельных территориях и др.): *President of Poland, international partners, the Democratic Republic of the Congo, Ireland, China, Iran, Russia, Syria, Turkey and others; the World Health Organization, the UN Security Council, The International Energy Agency; any agency of the United States Government, the Administrator of the United States Agency for International Development, the United States Trade Representative; the people of*

Hong Kong, thousands of innocent civilians in Idlib Province [The White House]. Участниками внешнеполитического дискурса могут становиться политики (*President of Poland*), органы власти (*any agency of the United States Government, The International Energy Agency*) и их представители (*the Administrator of the United States Agency, the United States Trade Representative*), международные организации и объединения (*the World Health Organization, the UN Security Council*), иностранные государства (*the Democratic Republic of the Congo*), жители государств и территорий (*the people of Hong Kong, thousands of innocent civilians in Idlib Province*). Участники выражены в тексте словосочетаниями (*international partners*) с обильным использованием имен собственных (*China, Iran, Russia, Syria, Turkey*), что указывает на вовлеченность в данный тип дискурса большого количества иностранных государств и политиков.

Обратимся к средствам репрезентации действий участников внешнеполитического дискурса (внешнеполитическая деятельность, санкции, заключение или расторжение международных договоров, проведение встреч, саммитов и т.д.): *United Nations sanctions; are prohibited the importation; to furnish up, to direct, to provide assistance, to intertwine, to link, to confront, proving, to push back*. Действия участников выражены в тексте глагольными формами или отглагольными существительными со значениями «направлять», «обеспечивать», «помогать», «запрещать», «связывать», «вступать в конфликт», «доказывать», «вытеснять». Как показывает анализ, тексты, в которых обозначаются действия участников внешнеполитического дискурса, характеризуются выраженной агрессивной риторикой, направленной на отстаивание национальных интересов государства на международной арене.

В ходе анализа также были выявлены составляющие внешнеполитического дискурса «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩИХ СОБЫТИЙ» и «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ». Языковые единицы, репрезентирующие составляющую «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩИХ

СОБЫТИЙ», указывают на территории и государства, с которыми осуществляется внешнеполитическое взаимодействие (*the situation in Sudan; in the Amazon, Congo Basin, and Southeast Asia*). Языковые единицы, обозначающие международные программы, включают договоры, соглашения, планы, нормы и т.д. (*The International Energy Program, the Plan to Conserve Global Forests, the United States Global Change Research Program*). Справедливо утверждение о том, что внешнеполитический дискурс является частью политического дискурса. При этом можно говорить о доминирующей роли участников политического дискурса, которые ставят перед собой коллективные глобальные цели (*collective global goals*) и пытаются подчинить своей воле вопросы внешней политики.

В ходе исследования был выявлен ряд документов об оказании помощи иностранным государствам. В документах посредством языковых единиц, обозначающих составляющую «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» внешнеполитического дискурса, закрепляется объем финансовой помощи иностранному государству, указываются конкретные суммы финансирования: “*to furnish up to \$250 million in assistance*” (предоставить до 250 миллионов долларов помощи) [Delegation Memorandum], “*to direct the drawdown of up to \$10 million ... to provide assistance to Ukraine*” [Delegation 4 Memorandum]. В данных фрагментах внешнеполитический дискурс пересекается с экономическим дискурсом. Маркером политического дискурса служит словосочетание *the United States Government*, при этом на внешний характер отношений указывает упоминание иностранного государства *assistance to Ukraine*. Здесь лексическая единица *assistance* имеет значение *help, especially money or resources that are given to people, countries, etc. when they have experienced a difficult situation* [Cambridge Dictionary]. Сема *countries* характеризует круг участников внешнеполитического дискурса.

В Президентских актах также встречается отсылка к международным организациям, например, в одном из документов значится, что продажа нефти из Стратегического нефтяного резерва осуществляется в рамках

Международной энергетической программы “*the International Energy Program*”, которая реализуется Международным энергетическим агентством “*Implemented by the International Energy Agency*” [Petroleum Memorandum]. Здесь слово *International* содержит семы *more* и *country*, которые подразумевают вовлечение в какой-либо процесс, организацию или программу более одной страны: *international – involving more than one country* [Cambridge Dictionary].

В другом документе вводится запрет на ввоз в США ряда природных ресурсов из иностранного государства: “*The following are prohibited: the importation into the United States of the following products of Russian Federation origin: crude oil; petroleum; petroleum fuels, oils, and products of their distillation; liquefied natural gas; coal; and coal products...*” [Imports Executive Order]. На внешнеполитический характер отношений указывает наименование двух государств *the United States, Russian Federation*. Действия участников внешнеполитического дискурса обозначаются безличной конструкцией *are prohibited*. При этом реализуется руководящая роль политика (управленец, лидер).

В Прокламации о месяце ирландско-американского наследия автор выступает в качестве аналитика и интерпретатора, он заявляет о тесной связи двух стран Соединенных Штатов и Ирландии: “*The United States and Ireland are deeply and forever intertwined: linked in memory and imagination – in joy, sorrow, and resilience – by our common love and common dreams.*” [Heritage Proclamation]. Связь участников внешнеполитического дискурса выражена в тексте словосочетаниями *deeply and forever intertwined, linked in memory*. Другой документ, посвященный национальному дню празднования греческой и американской демократии, содержит мысль о том, что Греция и Соединенные Штаты объединяются, чтобы противостоять вызовам времени: “*Greece and the United States are standing together to confront the challenges of our time, from meeting the climate crisis and diversifying the region’s energy resources to proving that democracies deliver for our people and*

pushing back against the growing threat of authoritarianism.” [Greek Independence Day]. В данном фрагменте составляющая «УЧАСТНИКИ» внешнеполитического дискурса выражена именами собственными, номинирующими названия стран (*Greece and the United States*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» – глаголами, обозначающими совместное противостояние (*to confront, to proving*). В обоих примерах на интернациональный характер отношений указывает наименование иностранных государств *The United States and Ireland, Greece and the United States* (участники).

Таким образом, внешнеполитический дискурс тесно связан с экономическими интересами США, деятельностью международных организаций, а также имеет сильную идеологическую составляющую, транслирующую ценности американского общества в мире.

Проанализируем включение элементов военного дискурса в англоязычную политическую коммуникацию. Данный тип дискурса включает в себя «ситуации, связанные с вопросами обороноспособности страны, поддержанием общественного и мирового порядка, предотвращением возможных угроз, включая правонарушения, беспорядки, террористические акты, освободительные и завоевательные кампании и др.» [Шевченко, Трибунская, 2021]. Знаками военного дискурса выступают лексические единицы, обозначающие следующие составляющие: «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ И ИХ ДЕЙСТВИЙ», «СОБЫТИЯ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и т.д. Рассмотрим данные составляющие более подробно.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие участников военного дискурса (войска, ветераны, военные, военнопленные, люди – участники конфликтов и военных столкновений, должностные лица, органы государственной власти): *troops, they; Union troops, prisoners of war, every service member, enslaved people, Major General Gordon Granger, President Lincoln, the Federal Government, the FAA (The Federal Aviation Administration),*

the Department of Defense и др. Участники военного дискурса выражены в тексте нарицательными именами существительными во множественном числе (*troops, prisoners, people*), словосочетаниями (*Union troops, every service member, prisoners of war, enslaved people, the Department of Defense, the Federal Government*), именами собственными (*Lincoln, Gordon Granger*), местоимениями (*they*), аббревиатурами (*the FAA*) и т.д. Автор прибегает к использованию комбинации имени собственного и имени нарицательного, указывающего на должность, статус деятеля (*Major General Gordon Granger* – генерал-майор Гордон Грейнджер, *President Lincoln* – президент Линкольн). Это необходимо для того, чтобы полно и точно охарактеризовать участников военного дискурса.

В одном из документов участник происходящего *the Federal Government* одновременно относится как к военному, так и к политическому дискурсам. Автор подчеркивает, что именно Федеральное Правительство управляло процессом освобождения порабощенных людей: “*The arrival of Major General Gordon Granger and his troops signaled that the Federal Government would not relent until the last enslaved people in America were free.*” [Juneteenth Day Proclamation]. Таким образом, выстраивается модель, в которой участник, благодаря своей принадлежности к политической власти, управляет процессом принятия военных решений. Другими словами, в данном фрагменте проявляется главенство политического дискурса над военным. Других участников военного дискурса можно отнести к следующим категориям: «исполнители – профессионалы» (*Major General Gordon Granger and his troops*), «порабощенные, зависимые люди» (*enslaved people in America*).

Далее рассмотрим особенности репрезентации такой составляющей, как «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ И ИХ ДЕЙСТВИЙ» (качественные характеристики, признаки и свойства действий коммуникантов): *people still held in bondage; former (prisoners of war); the bravest; the indomitable spirit of those prisoners; they are heroes; a credit to their*

character; the brave women and men in uniform; fought valiantly; served with honor; demonstrated incredible personal courage, love of country, and devotion to duty. Данная составляющая выражена в тексте словосочетаниями, в их составе можно выделить имена существительные (*heroes, courage, with honor, love, devotion, duty*), наречия (*valiantly*), имена прилагательные (*incredible, personal, brave, indomitable*), степени сравнения имен прилагательных (*former, the bravest*), которые наделяют участников военного дискурса такими качествами, как «храбрость», «неукротимость», «доблесть», «мужество», «честь», «любовь к родине», «долг» и т.д. Доминирование политического дискурса над военным заключается в том, что субъект политического дискурса (президент) присваивает характеристики участникам военного дискурса.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие действия участников (освобождение, завоевание, сражения, помощь и т.д.): *to free people; would not relent; to provide immediate military assistance; to honor courage; sacrificed their own freedom; helped ensure freedom for millions of people; fought (valiantly and served with honor)* и др. Данная составляющая выражена в тексте глагольными формами или отглагольными существительными со значением «освободить», «не сдаваться», «оказывать помощь», «читать», «жертвовать», «помогать», «обеспечивать», «бороться» (*to free, would not relent, to provide assistance, to honor, to sacrifice, to help, to ensure, fought* и др.). Например, глагол *fought* является формой прошедшего времени глагола *fight – to use physical force to try to defeat another person or group of people* [Cambridge Dictionary]. Семы *force* и *defeat* указывают на применение силы для того, чтобы одержать победу над кем-либо. Составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» содержит как утвердительные (*to free, to provide*), так и отрицательные глагольные конструкции (*would not relent*). Часто глаголы используются вместе с идеологически окрашенными существительными «мужество», «свобода» (*courage, freedom*), что говорит о связи военного дискурса с идеологическим в рамках англоязычной

политической коммуникации. Таким образом, проявляется полидискурсивность языка политики. Президент (участник политического дискурса) отмечает важность таких военных средств, как оборонные изделия и услуги при ведении военных действий (*defense articles and services*). Автор уделяет большое внимание военному образованию и обучению (*military education and training*), что говорит о значимости не только оборонительной и защитной функций государства, но и обучающей. В тот момент, когда президент (участник политического дискурса) принимает решение о выделении военной помощи иностранному государству, проявляется доминирующее положение политического дискурса по отношению к военному. При этом реализуется руководящая роль субъекта политики «управленец», «законодатель».

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие военные события и их характеристики (войны, вооруженные конфликты, столкновения, плен, смерть и др.): *the Civil War; the Bataan Death March; thousands died; captivity; our Nation's past wars; the hardships of captivity* и др. Данная составляющая выражена преимущественно словосочетаниями с семантикой «война», «плен», «смерть» (*War, Death, died, wars, captivity*), указывающими на военные события и их последствия. Автор использует имена собственные (*the Civil War; the Bataan Death March*), которые номинируют такие трагические события, связанные с военными действиями, как Гражданская война и Батаанский марш смерти. При упоминании о военных событиях автором часто используются средства репрезентации составляющей военного дискурса «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» (территории, населенные пункты, где разворачиваются вооруженные столкновения и военные действия): (*arrived*) *in Galveston, Texas, Africa, East Asia, Europe, Near East, Ukraine* и др.

В одном из Меморандумов содержится директива об оказании немедленной военной помощи иностранному государству: “*By the authority vested in me as President by the Constitution and the laws of the United States of America, including section 301 of title 3, United States Code, I hereby delegate to*

the Secretary of State the following authorities, subject to fulfilling the requirements of section 614(a)(3) and section 652 of the Foreign Assistance Act of 1961 (FAA), in order to provide immediate military assistance ...” [Delegation Memorandum 2]. Данный фрагмент демонстрирует полидискурсивность англоязычной политической коммуникации, так как одновременно включает элементы различных видов дискурсов, а именно дискурса безопасности, военного дискурса, внешнеполитического дискурса. Интердискурсивность проявлена при помощи средств юридического дискурса. Знаками политического дискурса в данном случае выступают языковые единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*President, me, I*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*delegate, to provide immediate military assistance*), «ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ» (*By the authority*). Военный дискурс внедряется в англоязычную политическую коммуникацию при помощи языковых единиц, обозначающих составляющую «ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ И ЕЁ ХАРАКТЕРИСТИКА» (*immediate military assistance*). Здесь прилагательное *military* служит маркером военного дискурса: *military – relating to or belonging to the armed forces* [Cambridge Dictionary]. Семы *relating* и *belonging* обозначают принадлежность, а словосочетание *armed forces* указывает на вооруженные силы страны, которые непосредственно обеспечивают боеспособность государства. В вышеупомянутом документе помимо президента участниками военного и политического дискурсов одновременно становятся органы государственной власти: *the FAA* (*The Federal Aviation Administration* – Федеральное управление гражданской авиации – крупнейшее транспортное агентство правительства США, регулирующее все аспекты гражданской авиации в стране, а также над прилегающими международными водами) и *the Department of Defense* (Министерство обороны), а также должностное лицо *the Secretary of State* (государственный секретарь). Таким образом, благодаря внедрению в англоязычную политическую коммуникацию языковых единиц,

обозначающих составляющую «ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ И ЕЁ ХАРАКТЕРИСТИКА» участники политического дискурса (государственные органы и должностные лица) становятся одновременно участниками военного дискурса.

В рамках анализа взаимодействия дискурсов в военно-политической сфере затронуты аспекты внутренней и внешней политики США, а также проблемы военной безопасности. Политический дискурс включает в себя знаки как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического дискурсов. Многие рассматриваемые вопросы имеют пересечения с иными видами дискурсов, включая экономический, медицинский, образовательный дискурс и другие. Участники внутривнутриполитического и внешнеполитического дискурсов могут быть выражены в тексте именами существительными как в единственном, так и во множественном числе (*Administration, the Congress, The President, The Secretaries, people, Americans*), именами собственными (*JOSEPH R. BIDEN JR., the FAA (The Federal Aviation Administration), World Health Organization, Ireland, China, Iran, Russia, Syria, Turkey*), что указывает на вовлеченность в данные типы дискурсов большого количества политиков, органов государственной власти, организаций и иностранных государств. Участники часто выражены словосочетаниями, обозначающими должность и статус субъекта коммуникации (*"The President of the United States of America", "every American", "The Secretary of State", "The Secretary of Homeland Security", "United States person", "our Nation", "the Secretary of the Treasury", "the Secretary of Commerce", "the Secretary of the Interior", "the Secretary of Agriculture", "the Secretary of Housing and Urban Development", "the Secretary of Transportation", "the Secretary of Energy", "the Administrator of the Small Business Administration", "The Chair of the Council on Environmental Quality", "the Director of the Office of Science and Technology Policy, and the Assistant to the President and National Climate Advisor"; "the Federal Government", "the UN Security Council", "the Administrator of the United States Agency for International Development"*) [The White House]. Как

видно из анализа материала, участниками внутриполитического и внешнеполитического дискурсов могут становиться политики (*The President of the United States of America, President of Poland*), органы власти (*the Federal Government, the Congress, any agency of the United States Government, The International Energy Agency*) и их представители (*the Secretary of Agriculture, the Administrator of the United States Agency for International Development, the United States Trade Representative*), международные организации и объединения (*the World Health Organization, the UN Security Council*), иностранные государства (*the Democratic Republic of the Congo, Russia, Syria, Turkey*), граждане и жители иностранных государств и территорий (*every American, Americans, United States person, United States citizen, people, the people of Hong Kong, thousands of innocent civilians in Idlib Province*). В текстах широко представлена составляющая «государственные должностные лица», которая включает в себя руководящие должности разного уровня, обозначаемые посредством следующих лексических единиц: *The President, The Secretary, the Administrator, The Chair, the Director, the Assistant*. Коммуниканты также могут обозначаться при помощи личных местоимений (*I, we, they*), а также с использованием притяжательных местоимений (*my, our, their*).

Особенность репрезентации участников военного дискурса заключается в том, что они, как и участники экономического, образовательного, медицинского дискурсов, активно выражены в тексте нарицательными именами существительными во множественном числе, указывающими на группы людей, объединенных по определенному критерию. Специфика репрезентации участников политического дискурса заключается в том, что они редко выражены подобным образом.

Анализ составляющей «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» рассматриваемых дискурсов выявил следующие особенности. Действия участников выражены в тексте глагольными конструкциями или отглагольными существительными со значениями «помогать»,

«предоставлять финансовую поддержку», «давать возможность», «обеспечивать» (*has helped, providing, to help, should be able to afford to rent*) во внутривнутриполитическом дискурсе; со значениями «направлять», «обеспечивать», «помогать», «запрещать», «связывать», «вступать в конфликт», «доказывать», «вытеснять» (*to provide assistance, to intertwine, to link, to direct, to confront, to proving, to prohibit, to furnish up, to push back, United Nations sanctions*) во внешнеполитическом дискурсе; со значениями «освободить», «не сдаваться», «оказывать помощь», «читать», «жертвовать», «помогать», «обеспечивать», «бороться» (*to free, would not relent, to provide assistance, to honor, to sacrifice, to help, to ensure, fought*) в военном дискурсе. Действия участников внутривнутриполитического дискурса направлены на помощь, поддержку, возможности, обеспечение. В то же время действия участников внешнеполитического дискурса характеризуются значительно более высокой степенью агрессивности по сравнению с действиями участников внутривнутриполитического дискурса. Помимо семантики помощи и определения направления действий, языковые единицы, обозначающие действия участников внешнеполитического дискурса, содержат семы угрожающей риторики, связанной с отстаиванием интересов государства на международной арене, что подтверждается такими глаголами, как “*to confront*”, “*to prove*”, “*to push back*”, “*to prohibit*”, “*to sanction*” (конфликтовать, доказывать, вытеснять, запрещать, накладывать санкции). Языковые единицы, обозначающие действия участников военного дискурса, содержат семы борьбы, освобождения, помощи, победы.

Были выявлены следующие модели поведения участников. Во внутривнутриполитическом дискурсе реализуется модель «законодатель» – «избиратель». В целом участники политического дискурса занимают доминирующее положение (роль лидера, управленца), пытаются подчинить своей воле вопросы внутренней, внешней и военной политики. В военном дискурсе политик занимает роль лидера, другие участники военного дискурса являются «исполнителями-профессионалами», «зависимыми или

рядовыми членами общества». Примечательно, что в документах системно не представлена характеристика участников внутриполитического и внешнеполитического дискурсов. В тоже время выявлена составляющая «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ И ДЕЙСТВИЙ ВОЕННОГО ДИСКУРСА»: участники военного дискурса наделяются такими качествами, как храбрость, неукротимость, доблесть, мужество, честь, любовь к родине, долг. В этом заключается еще одна особенность. Участники политического дискурса, являясь лидерами, присваивают характеристики участникам других дискурсов, входящих в политическую коммуникацию.

Таким образом, в ходе анализа взаимодействия дискурсов в военно-политической сфере выявлена специфика языковых единиц, репрезентирующих составляющие внутриполитического, внешнеполитического и военного дискурсов. Определены основные модели поведения участников. Отражены особенности номинирования коммуникантов политического дискурса, отмечена их доминирующая позиция, которая проявляется в том числе в способности присваивать характеристики участникам иных дискурсов. Составляющие различных дискурсов (внутриполитического, внешнеполитического, военного, экономического, юридического и др.) вступают во взаимодействие, обеспечивая полидискурсивность англоязычной политической коммуникации.

3.3 Экологический и спортивный дискурсы в составе англоязычной политической коммуникации

В настоящем параграфе рассмотрим экологический и спортивный виды дискурсов, конституирующие политическую коммуникацию. Оба эти дискурса объединяет влияние на здоровье человека и образ его жизни. Обращаясь к подобным вопросам, политики тем самым показывают заинтересованность государства в поддержании здоровья нации.

Проанализируем особенности экологического дискурса в составе политической коммуникации. В качестве знаков экологического дискурса, присутствующих в политической коммуникации, выступают языковые единицы, обозначающие такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ И РЕСУРСЫ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ», «КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ», «ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ», «ВОЗДЕЙСТВИЕ СТИХИИ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и др. Рассмотрим составляющие экологического дискурса более подробно.

Обратимся к средствам репрезентации участников экологического дискурса (люди, пострадавшие от стихийных бедствий, потребители воздуха, воды, экологические организации, американские семьи, племена и т.д.): *people, they, Americans, families, more 100 people, every individual and family, environmental non-profit organizations, the United States, the States of Oregon and Washington, the Nez Perce, Umatilla, Warm Springs, and Yakama Tribes, Pacific Northwest Tribes; John Podesta, Senior Advisor to the President for Clean Energy Innovation and Implementation*. Характерно, что участниками экологического дискурса помимо рядовых американских граждан становятся экологические некоммерческие организации, штаты, племена, населяющие отдельные территории. Данная составляющая выражена в тексте преимущественно именами существительными, номинирующими американцев, семьи, организации, планету в целом (*planet, people, Americans, families, individual, family, organizations*), а также именами собственными, обозначающими штаты, племена (*Oregon, Washington, the Nez Perce, Umatilla, Warm Springs, Yakama Tribes, Pacific Northwest Tribes*). В отдельных случаях, например, когда политик приводит в тексте слова эксперта, для усиления значения высказывания помимо имени собственного указывается нарицательное имя существительное, обозначающее занимаемую экспертом должность (*John Podesta, Senior Advisor to the President*). Это необходимо для

того, чтобы всесторонне охарактеризовать участника экологического дискурса, подчеркнуть его значимый статус.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие действия участников экологического дискурса (быть подготовленным к стихийным бедствиям, иметь страховой полис, аварийный комплект, план, документы и т.д.): *more prepared for these powerful storms; (every individual and family) has an important role to play; Staying informed; making sure your insurance policies are up to date; having an emergency kit and plan ready; efforts to restore salmon.* Данная составляющая выражена глагольными формами со значениями готовности, обладания, восстановления. Следует отметить, что составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» проявлена в Президентских актах минимально. Это связано с тем, что некие действия в данной сфере в основном предпринимают участники политического дискурса.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие природные объекты и ресурсы (планета, леса, горы, реки, океаны, нефть, газ, природный уголь и другие природные объекты и ресурсы): *our planet, forests, mountains, trails, rivers, ocean, green space, our lands and waters, parks, outdoor spaces, clean air and water, wildlife refuges; other natural treasures; national conservation lands; marine sanctuaries; our marine environments; waters, crude oil; petroleum; petroleum fuels, oils, and products of their distillation; liquefied natural gas; coal; and coal products; marine wildlife; The Columbia River, the Columbia River System, the four Lower Snake River dams.* Автором текстов используются словосочетания, в составе которых нарицательные имена существительные во множественном числе, обозначающие такие природные географические объекты, как леса, горы, моря, реки, озера, равнины, земли, обустроенные парки и пространства, а также топливо (*forests, mountains, trails, rivers, lands, waters, parks, spaces, treasures, lands, sanctuaries, environments, waters, fuels, products*), имена существительные в единственном числе (*planet, river*), неисчисляемые существительные (*air, waters, oil, coal,*

gas), имена собственные, указывающие на названия рек (*The Columbia River, the Lower Snake River*). Именно с языковыми единицами, обозначающими данную составляющую, вступают в активное взаимодействие языковые единицы, репрезентирующие составляющие политического дискурса, что связано с действиями участников политического дискурса, направленными на защиту и восстановление природных объектов и ресурсов.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие характеристики природных объектов (качественные и сравнительные характеристики природных объектов): *old-growth (forests), Terrestrial carbon sinks (forests), the most biodiverse parts of our planet (forests), our magnificent (forests); the beauty of our magnificent outdoor spaces; our magnificent ocean; a place for exploration, commerce, and recreation (ocean); the beauty and bounty of our ocean; the beauty and power of our ocean; (the Columbia River System) is the lifeblood of the Pacific Northwest*. Данная составляющая выражена в тексте словосочетаниями, с активным использованием имен прилагательных (*old-growth, magnificent*), степеней сравнения прилагательных (*the most biodiverse*), а также имен существительных (*the beauty, bounty, power, recreation, the lifeblood*). Используются лексические единицы, характеризующие природные объекты, со значениями «великолепные», «старовозрастные», «биоразнообразие», «красота», «щедрость», «сила», «отдых», «жизненная сила» и др. Подчеркивается важная роль природных объектов, дающих жизненную силу, отдых и красоту окружающим.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие количественные и статистические экологические показатели (количественные показатели природных объектов, процентное соотношение состава воздуха, парниковых газов, углекислого газа, количество пострадавших от стихии, даты): “*vast array of parks*”; “*reducing greenhouse gas emissions by up to 52 percent by 2030, reaching 100 percent carbon pollution-free electricity by 2035, and achieving net-zero emissions economy-wide by 2050*”; “*Terrestrial carbon sinks absorb around 30 percent of the carbon dioxide*”; “*America’s forests absorb more than*

10 percent of annual United States economy-wide greenhouse gas emissions”; *“Hurricane Henri, the first hurricane to hit the northeast in 30 years, killed more than a 100 people and caused billions of dollars in damages”* [The White House]. Данная составляющая выражена словосочетаниями с преимущественным использованием количественных числительных, обозначающих проценты, процентное соотношение показателей, годы, количество (52, 2030, 100, 2035, 30, 10), также встречаются порядковые числительные, указывающие на очередность наступления события (*the first*).

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие экологические проблемы и угрозы (загрязнение воды, воздуха, стихийные бедствия): *gas emissions; the world’s forests are quickly disappearing; climate impacts, catastrophic wildfires, insect infestation, and disease; the climate crisis; the global climate and biodiversity crises, the threat of catastrophic wildfires; hurricanes, typhoons, and tropical storms; climate change; ongoing climate change; ocean warming, sea level rise, ocean acidification, stratospheric ozone depletion, pollution, threats to biodiversity, and the risk of reaching tipping points such as the collapse of the West Antarctic ice sheet*. Основные экологические угрозы связаны с такими проблемами, как газовые выбросы, исчезновение лесов, изменения климата, лесные пожары, штормы, тайфуны, потепление океана, истощение стратосферного озона, загрязнение окружающей среды, угрозы биоразнообразию, разрушение ледникового покрова Западной Антарктики. Обращают на себя внимание лексические единицы со значением опасности, исчезновения, загрязнения, катастрофических изменений (*threats, risk, collapse, pollution, emissions, disappearing, catastrophic*).

Обратимся к средствам репрезентации составляющей экологического дискурса «ВОЗДЕЙСТВИЕ СТИХИИ» (стихийные бедствия, последствия стихийных бедствий): *Hurricane Ida; Hurricane Henri; (severe winds and flooding) have cost lives, damaged homes, caused financial setbacks for families; Hurricanes also take an emotional toll; the aftermath of these storms; the impact of climate-related catastrophes; (hurricane) killed more than a 100 people and*

caused billions of dollars in damages; Hurricanes also take an emotional toll. Следует отметить наличие существительных с негативной коннотацией (*Hurricane, damage, toll, catastrophes, setbacks*), имеющих семантику «ураганы», «штормы», «урон», «катастрофы», «неудачи» и др. Ураганам присваиваются имена собственные (*Hurricane Ida, Hurricane Henri*), что позволяет различать их между собой и подчеркивает масштаб происходящих стихийных бедствий.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие место происходящего (территории, бассейны рек, города, штаты и т.д.): *on Federal lands; in the Atlantic basin; in Louisiana and moved northeast; across Pennsylvania and New York; to hit the northeast; in Louisiana, New Jersey, and New York; through their devastated communities; From the Gulf Coast and Caribbean Territories to New England, Hawaii, and the Pacific Territories; across the United States; in the Columbia River Basin; in the Pacific Northwest.* Языковые единицы, репрезентирующие данную составляющую, обозначают географические и административно-территориальные названия, выраженные в тексте именами собственными (*Atlantic basin, Louisiana, New Jersey, New England, the Pacific Northwest, the Gulf Coast* и другие). Это связано с необходимостью локализовать происходящее, точно указав место стихийного бедствия или географический объект.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие нормативно-правовые документы, посвященные вопросам экологии, экологическим программам (*the Clean Water Act, the Coastal Zone Management Act, the Marine Mammal Protection Act, and the National Marine Sanctuaries Act, the United States Global Change Research Program, strong scientific programs*). Языковые единицы, репрезентирующие данную составляющую, указывают на значимость вопросов экологии и окружающей среды. Документы содержат в своих названиях лексические единицы с семантикой «защиты», «чистой воды», «морских заповедников», «научных исследований» (*the Clean Water, Protection, strong scientific programs*).

Языковые единицы, репрезентирующие составляющие экологического дискурса, могут быть выражены в тексте словосочетаниями (*gas emissions, wildlife refuges*), нарицательными именами существительными во множественном числе (*people, Americans, families, forests, mountains, trails, rivers, parks, lands, waters, parks, spaces, treasures, lands, sanctuaries, environments, waters, fuels, products, typhoons, storms, monuments*), именами существительными в единственном числе (*planet, river, family*), неисчисляемыми существительными (*air, waters, oil, coal, gas*), именами собственными (*Hurricane Ida; Hurricane Henri, Oregon, Washington, the Nez Perce, Umatilla, Warm Springs, Yakama Tribes, Pacific Northwest Tribes, The Columbia River, the Lower Snake River, Atlantic basin, Louisiana, New Jersey, New England, the Pacific Northwest, the Gulf Coast*), именами прилагательными (*old-growth, magnificent, tropical*), степенями сравнения прилагательных (*the most biodiverse*), сложными словами (*old-growth*), притяжательными местоимениями (*our*), числительными (*52; 100; 30*), сочетанием имени собственного и нарицательного имени существительного (*John Podesta, Senior Advisor to the President*). Обращают на себя внимание существительные с негативной коннотацией (*threats, risk, collapse, pollution, emissions, disappearing, Hurricane, typhoons, storms, damage, toll, catastrophes, setbacks*), имеющие значение опасности, исчезновения, загрязнения, катастрофических изменений и др.

Примечательно, что в рамках англоязычной политической коммуникации языковые единицы, обозначающие такие составляющие экологического дискурса, как «ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ И РЕСУРСЫ», «ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ», «СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ» вступают во взаимодействие с языковыми единицами, обозначающими составляющие политического дискурса «УЧАСТНИКИ» (*I, President, my Administration, we, State and local governments, Government, the Federal government, Biden-Harris Administration,*

JOSEPH R. BIDEN JR.), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*Strengthening America's forests; Conserving old-growth and mature forests; supporting and advancing climate-smart forestry and sustainable forest products; We can and must take action to conserve, restore, reforest, and manage our forests; to safeguard and preserve; my Administration's efforts; to ensuring that everyone can access and enjoy America's great outdoors; expand trails, conserve rivers, and restore green space; environmental protections; ecological treatments; we have protected our coastlines, safeguarded marine wildlife, sustained fisheries, and improved water quality, to strengthen and adopt building codes; I witnessed, I was proud to sign; We are working; let us recommit to working together so that we can save lives; reduce damage to our homes, communities, and infrastructure; recover more quickly when hurricanes and tropical storms strike; to Restore Wild Salmon, Expand Clean Energy Production, Increase Resilience, and Provide Energy Stability; President Biden's direction to Federal agencies, to fulfill our goal*). Составляющая «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» репрезентирована в тексте личными, притяжательными, неопределенными местоимениями (*I, we, my, us, our, everyone*), именами существительными (*President, Administration, governments*), именами собственными (*JOSEPH R. BIDEN JR., Biden-Harris Administration*). Сложное имя собственное *Biden-Harris* отражает участие в решении экологических вопросов сразу двух политиков – президента Байдена и вице-президента Харрис. Действия участников политического дискурса выражены преимущественно глагольными формами и имеют значения «достигать целей», «укреплять», «поддерживать», «восстанавливать», «сохранять», «защищать», «обеспечивать», «расширять производство», «улучшать», «подписывать», «подтверждать», «уменьшать ущерб», «повышать устойчивость», «указывать» и другие. Языковые единицы, репрезентирующие составляющую политического дискурса «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО», вступают во взаимодействие с языковыми единицами, обозначающими составляющие экологического дискурса (*forests*

play an irreplaceable role in reaching net-zero greenhouse gas emissions; is critical to protecting these and other ecosystem services provided by those forests; only a small fraction of the world's mature and old-growth forests remains; causing tremendous destruction; our lands and waters face unprecedented threats from climate change that require historic action; my Administration is setting ambitious environmental standards and making bold climate commitments; the United States is a global leader in protecting and using precious marine resources in a responsible and sustainable way). Данная оценка выражена в тексте словосочетаниями с использованием имен существительных (*role, forests, destruction, change, action, standards, way*) и качественных имен прилагательных (*irreplaceable, mature, old-growth, tremendous, responsible, sustainable, environmental, magnificent*) со значениями: «незаменимый», «зрелый», «старый», «огромный», «ответственный», «устойчивый», «великолепный». Оцениваются в первую очередь природные объекты, а также разрушительные последствия стихийных бедствий, климатические изменения и т.д.

Приведем в качестве примера фрагмент из документа, посвященного национальным лесам: “*Section 1. Policy. Strengthening America’s forests, which are home to cherished expanses of mature and old-growth forests on Federal lands, is critical to the health, prosperity, and resilience of our communities – particularly in light of the threat of catastrophic wildfires. Forests provide clean air and water, sustain the plant and animal life fundamental to combating the global climate and biodiversity crises, and hold special importance to Tribal Nations.*” [Nation’s Forests Executive Order]. В данном случае участник политического дискурса (президент) включает в раздел, посвященный политике, языковые единицы, обозначающие такие составляющие экологического дискурса, как «НАИМЕНОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ» (*forests*), «ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ» (*home to cherished expanses of mature and old-growth forests*), «ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ» (*the threat of catastrophic*

wildfires). При этом автор политического документа дает оценку данным природным объектам (*Forests provide clean air and water, sustain the plant and animal life fundamental to combating the global climate and biodiversity crises, and hold special importance to Tribal Nations.*). Действия участников политического дискурса (*Strengthening America's forests*) оцениваются политиком (участником политического дискурса) как основа для здоровья, процветания и устойчивости. Это достигается благодаря включению языковых единиц, репрезентирующих составляющую политического дискурса «ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*Strengthening America's forests ... is critical to the health, prosperity, and resilience of our communities*). Таким образом, фрагменты экологического дискурса используются в политической коммуникации для того, чтобы сформулировать действия, которые необходимо предпринять для решения возникающих экологических проблем и угроз, а также для создания положительного имиджа политика и увеличения его рейтинга благодаря высокой оценке эффективности данных действий.

В ходе анализа установлено, что чаще всего во взаимодействие с языковыми единицами, репрезентирующими знаки экологического дискурса, вступают языковые единицы, обозначающие такие составляющие политического дискурса, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» и «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО», что объясняется необходимостью принятия решений и совершения действий со стороны субъектов политики по предотвращению экологических и климатических изменений, устранению разрушительных последствий стихийных бедствий, а также потребностью оценить данные последствия и влияние климата на жизнь людей. Таким образом, политик выступает в роли «защитника» природных объектов и ресурсов, «распорядителя» ими, что укладывается в модель взаимодействия участников дискурсов «управленец» – «объекты управления». Особенностью интеракции политического и экологического дискурсов является то, что в рамках политической коммуникации

взаимодействие осуществляется преимущественно между языковыми единицами, обозначающими субъектов политического дискурса и объекты экологического дискурса, то есть реализуется субъектно-объектный тип отношений между дискурсами. В иных случаях, например, когда речь идет о помощи гражданам, пострадавшим от стихийных бедствий, реализуется модель «управленец» – «рядовые граждане общества» и «руководитель» – «эксперт».

Далее рассмотрим знаки спортивного дискурса в составе политической коммуникации. Он также перекликается с темой здорового образа жизни и активного отдыха. В ходе анализа политической коммуникации были выявлены следующие составляющие спортивного дискурса: «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ», «РЕЗУЛЬТАТ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО».

Проанализируем языковые единицы, обозначающие участников спортивного дискурса (американцы, различные категории граждан, профессионалы, спортивные команды, атлеты и т.д.): *all Americans, people, children, adults, professionals, millions of Americans, fans, sports teams, athletes*. Участники, как правило, выражены в тексте именами существительными во множественном числе, обозначающими различные категории граждан американского общества, любительски и профессионально связанных со спортом (*Americans, people, children, adults, professionals, fans, teams, athletes*).

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие действия участников спортивного дискурса (иметь здоровые привычки, вести здоровый образ жизни, кататься на велосипеде, на роликах, гулять, поддерживать физическую форму, рыбалка, охота, туризм и др.): *to adopt healthy habits, leading a healthy lifestyle, to walk, bike, roll; to maintain their physical fitness through sports or other forms of physical activity; to participate in activities that improve their well-being and lead to healthier lifestyles; to participate in sports and fitness programs; can live a more active, healthier lifestyle, can participate in*

healthy, active outdoor recreation and enjoy the physical and spiritual nourishment; to hike, camp, hunt, fish, engage in recreation; hiking, fishing, canoeing, hunting. Действия участников выражены словосочетаниями с использованием глагольных форм, имеющих значения «приобретать здоровые привычки», «вести здоровый образ жизни», «кататься на велосипеде», «заниматься спортом», «участвовать в спортивных мероприятиях» и др. Языковые единицы, обозначающие действия участников спортивного дискурса, могут быть выражены герундием (*hiking, fishing, canoeing, hunting*) со значением «пешие прогулки», «туризм», «рыбалка», «катание на каноэ», «охота», что указывает на наличие некого процесса [Outdoors Proclamation]. Например, слово *fishing* указывает на процесс ловли рыбы и имеет значение *the sport or job of catching fish* [Cambridge Dictionary], а слово *hunting* подразумевает процесс погони и убийства животных: *the sport of chasing and killing animals* [Cambridge Dictionary]. В составе обоих слов присутствует сема *sport*, указывающая на принадлежность названных активностей к спортивному дискурсу.

Тему спорта и здорового образа жизни в действиях участников помогают раскрыть лексические единицы *healthy, healthier, lifestyle, physical activity, well-being, sports, fitness*, которые могут быть объединены в отдельную составляющую спортивного дискурса «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» (спорт, физическая активность, здоровые привычки, фитнес, регулярные упражнения, здоровье): *physical activity, healthy habits, fitness, regular exercise, our health, their physical fitness, sports, regular physical activity; more active, healthier lifestyle.* Словосочетания содержат повторяющиеся элементы, в том числе однокоренные слова и формы слов: *physical, regular, health – healthy – healthier, active – activity* и другие. Слово *healthy* содержит в своем значении указание на пользу для здоровья: *healthy – good for your health* [Cambridge Dictionary], а сема *health* характеризует состояние тела: *health – the condition of your body* [Cambridge Dictionary]. Прилагательное *physical* указывает на некий параметр, относящийся к

физическому телу человека: *physical – relating to the body* [Cambridge Dictionary]. Таким образом, раскрывается тема здорового образа жизни в политической коммуникации.

Проанализируем языковые единицы, обозначающие результат здорового образа жизни (улучшение психического здоровья, снижение риска заболеваний, приобретение новых социальных связей, огромное влияние на здоровье, снижение вероятности сердечных заболеваний, инсульта, диабета второго типа, рака, улучшение памяти и сна, повышение способности концентрироваться, уменьшение симптомов депрессии и тревоги, развитие лидерских качеств): *physical activity can improve mental health, reduce the risk of disease, and foster social connection; regular exercise can have a dramatic impact on our health, lowering the likelihood of heart disease, stroke, type 2 diabetes, and some types of cancer; improves memory and sleep, increases our ability to focus, and reduces symptoms of depression and anxiety; a great way to build leadership skills*. Составляющая «РЕЗУЛЬТАТ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ» преимущественно репрезентирована глагольными формами, с использованием модального глагола *can*, указывающего на возможность наступления результата (*can improve, reduce, can have a dramatic impact, improves, increases, reduces, to build*). Результат здорового образа жизни проявлен в текстах лексическими единицами со значениями «улучшение психического здоровья», «снижение риска заболеваний», «укрепление социальных связей», «снижение вероятности сердечно-сосудистых и других заболеваний», «улучшение памяти и сна», «повышение способности концентрироваться», «уменьшение симптомов депрессии и тревоги», «развитие лидерских качеств». Отмечается, что здоровый образ жизни положительно сказывается как на физическом, так и на психическом состоянии людей.

Рассмотрим языковые единицы, обозначающие место происходящего (открытые площадки, спортзалы, стадионы и т.д.): *outdoor spaces, gyms, stadiums, schools, and businesses, across the country*. Данная составляющая

выражена в тексте нарицательными именами существительными во множественном числе и указывает на место занятия спортом. Здесь осуществляется пересечение пространств различных дискурсов, например, политический дискурс пересекается со спортивным (*gyms*), со спортивным и образовательным (*schools*), со спортивным и экологическим (*outdoor spaces*) и т.д.

Примечательно, что в рамках англоязычной политической коммуникации языковые единицы, обозначающие такие составляющие спортивного дискурса, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ», «РЕЗУЛЬТАТ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», вступают во взаимодействие с языковыми единицами, репрезентирующими составляющие политического дискурса «УЧАСТНИКИ» со значениями «политики», «американцы», «государственные, местные, племенные и территориальные органы власти» (*I, we, State, local, Tribal, and territorial governments, my Administration, Congress*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» со значениями «работать», «делать больше», «расширять возможности», «искать справедливые решения», «сотрудничать», «призывать», «брать обязательство», «делать фитнес и открытые пространства доступными», «принятие программ и стратегий по развитию спорта», «сотрудничество с органами власти», «расширение возможностей физического воспитания» (*we recommit to making fitness accessible, we encourage all Americans to adopt healthy habits that strengthen our bodies and minds and increase the prospect of a long and healthy life; I released a National Strategy on Hunger, Nutrition, and Health to make America a stronger, healthier Nation; I am also working with the Congress to make outdoor spaces more accessible by increasing the number of parks around our country and expanding opportunities for people to travel to national parks and other public lands; We have partnered with State, local, Tribal, and territorial governments to improve community access to parks and spaces within our communities where people can be physically active; my Administration*

has been working to expand physical education opportunities; we must do more; We must seek out equitable solutions to ensure a more active, healthier lifestyle).

Рассмотрим пример взаимодействия языковых единиц, репрезентирующих составляющие политического и спортивного дискурсов в рамках политической коммуникации: *“Fitness and sports are not only good for our physical health; they also improve the quality of our lives overall. Experts agree that even small amounts of physical activity can make a significant difference in a person’s physical and mental health. For example, it can reduce the risk of chronic diseases, blood pressure, and anxiety while improving sleep – among other health benefits.”* [Fitness and Sports Proclamation]. В данном фрагменте участник политического дискурса (автор текста) дает оценку (*good for our physical health, improve the quality of our lives overall*) языковым средствам репрезентации составляющей спортивного дискурса «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» (*Fitness and sports, physical activity*), указывает на результат здорового образа жизни (*improve the quality of our lives overall, can reduce the risk of chronic diseases, blood pressure, and anxiety while improving sleep – among other health benefits*). При этом участниками спортивного дискурса выступают эксперты (*experts*) и обычные люди (*person’s*). Таким образом, реализуются модели взаимодействия участников политического и спортивного дискурсов: «аналитик» – «эксперт», «аналитик» – «обычный гражданин». Следует отметить, что в рамках использования знаков спортивного дискурса политик, как правило, выступает в роли аналитика и интерпретатора, а также управленца. Участники спортивного дискурса могут играть роли «обычных граждан», «любителей спорта», «экспертов», «профессионалов».

Анализ спортивного дискурса в политической коммуникации показал, что участники спортивного дискурса, как правило, выражены в тексте именами существительными во множественном числе. Они представляют различные категории граждан американского общества, в том числе любительски и профессионально связанных со спортом (*all Americans,*

people, children, adults, professionals, millions of Americans, fans, sports teams, athletes). Действия участников спортивного дискурса выражены словосочетаниями с использованием глагольных форм, имеющих значения «приобретать здоровые привычки», «вести здоровый образ жизни», «кататься на велосипеде», «заниматься спортом», «участвовать в спортивных мероприятиях» и др. Языковые единицы, репрезентирующие составляющую «РЕЗУЛЬТАТ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ», имеют значения «улучшение психического здоровья», «снижение риска заболеваний», «укрепление социальных связей», «снижение вероятности сердечно-сосудистых и других заболеваний», «улучшение памяти и сна», «повышение способности концентрироваться», «уменьшение симптомов депрессии и тревоги», «развитие лидерских качеств». Благодаря указанию на место происходящего пересекаются пространства разных дискурсов.

Следует отметить, что спортивный и экологический дискурсы тесно связаны, так как напрямую влияют на здоровье человека. Правильные физические нагрузки, спорт, закаливание, свежий воздух, чистая вода и другие факторы внешней среды в совокупности составляют основу здорового образа жизни человека. Особенностью взаимодействия политического и экологического дискурсов является реализация субъектно-объектного типа отношений между дискурсами. В иных случаях репрезентированы модели взаимодействия участников дискурсов «управленец» – «рядовые граждане общества» и «руководитель» – «эксперт». При анализе составляющих спортивного и политического дискурсов выявлены следующие модели взаимодействия участников: политик выступает в роли аналитика, интерпретатора, управленца; участники спортивного дискурса являются «обычными гражданами», «любителями спорта», «экспертами», «профессионалами».

При взаимодействии с элементами экологического и спортивного дискурсов активнее всего проявлены языковые единицы, обозначающие такие составляющие политического дискурса, как «УЧАСТНИКИ

ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*I, President, JOSEPH R. BIDEN JR., my Administration, Biden-Harris Administration, we, Government, the Federal government, State, local, Tribal, and territorial governments, Congress*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*to fulfill our goal, recommit, encourage, strengthen, increase, working, to make, increasing, expanding opportunities, improve, to expand, must do more, must seek; strengthening, conserving, supporting, advancing, can and must take action to conserve, restore, reforest, to safeguard, to ensuring, can access and enjoy, expand, restore, have protected, safeguarded, sustained, improved, can save, reduce damage, recover, restore, to provide*). Действия участников политического дискурса имеют значения «достигать целей», «работать», «делать больше», «расширять возможности», «искать справедливые решения», «сотрудничать», «призывать», «брать обязательство», «укреплять», «сохранять», «поддерживать», «восстанавливать», «охранять», «уменьшать вред», «обеспечивать» и др. Акцент делается на достижении политических целей, работе, укреплении, поддержании, восстановлении, обеспечении. Часто политик даёт оценку происходящему (*good for our physical health, improve the quality of our lives overall, forests play an irreplaceable role in reaching net-zero greenhouse gas emissions; is critical to protecting these and other ecosystem services provided by those forests; only a small fraction of the world's mature and old-growth forests remains; causing tremendous destruction; our lands and waters face unprecedented threats from climate change that require historic action; my Administration is setting ambitious environmental standards and making bold climate commitments; the United States is a global leader in protecting and using precious marine resources in a responsible and sustainable way*). Данная оценка может быть выражена в тексте словосочетаниями с использованием имен существительных (*role, forests, destruction, change, action, standards, way*) и качественных имен прилагательных (*irreplaceable, mature, old-growth, tremendous, responsible, sustainable, environmental, magnificent*) со значениями: «незаменимый»,

«зрелый», «старый», «огромный», «ответственный», «устойчивый», «великолепный».

Подводя итоги, следует отметить, что в данном параграфе были выявлены особенности языковых единиц, репрезентирующих составляющие экологического и спортивного дискурсов, а также отражена специфика их взаимодействия с составляющими политического дискурса. Во взаимодействие обычно вступают такие составляющие политического дискурса, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО». Активная роль принадлежит субъектам политического дискурса, отмечается их доминирование над другими коммуникантами.

3.4 Типы взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации

Политическая коммуникация по своей сути разнородна и представляет собой открытое множество взаимосвязанных дискурсов. Помимо рассмотренных в данной главе типов дискурсов, включая экономический, образовательный, медицинский, внутривполитический, внешнеполитический, военный, экологический, спортивный, в англоязычной политической коммуникации также можно выделить идеологический, религиозный, юридический дискурсы, дискурс культуры, интернет-дискурс и другие. Включение в состав политической коммуникации знаков различных дискурсов приводит к взаимодействию этих дискурсов. Проанализируем подробно такие виды взаимодействия дискурсов, как полидискурсивность и интердискурсивность.

Рассмотрим в качестве примеров проявления полидискурсивности политической коммуникации фрагменты внедрения в политический дискурс идеологического и других видов дискурсов. Идеологический дискурс является одной из важнейших составляющих политики любого государства.

Идеологическая направленность широко представлена в документах, связанных с военной тематикой, вопросами образования, культуры, ценностными ориентирами, историей, экологией и т.д.

Проанализируем пример взаимодействия идеологического, военного, религиозного дискурсов, которое осуществляется в пространстве политического дискурса: “*Today, our brave men and women in uniform carry on the rich legacy of our former prisoners of war – unrelenting in battle, unwavering in loyalty, unmatched in decency, and prepared to make the ultimate sacrifice on behalf of our Nation. May God bless our former prisoners of war and their families, and may God protect our troops.*” [Prisoner of War Proclamation]. В данном фрагменте переплетаются знаки различных дискурсов: «УЧАСТНИКИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА» (*our brave men and women in uniform, our former prisoners of war and their families, our troops*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО ДИСКУРСА» (*carry on the rich legacy*), «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО ДИСКУРСА» (*unrelenting in battle, unwavering in loyalty, unmatched in decency, and prepared to make the ultimate sacrifice on behalf of our Nation*), «УЧАСТНИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА» (*God*), «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА» (*bless our former prisoners of war, protect our troops*). При помощи определений *unrelenting, unwavering, unmatched* проявляется аксиологическая доминанта, характеризующая отношение автора политического дискурса к военнослужащим, при этом семантика данных слов подчеркивает их решительность, непревзойденность, отсутствие слабости, что указывает на присутствие в тексте идеологической составляющей. Обращение к Богу участника политического дискурса (автора текста) выражается при помощи модального глагола (*may*), который подчеркивает просьбу, пожелание по благословлению участников военного дискурса. Таким образом, мы становимся свидетелями комбинированной ситуации, в которой взаимодействуют фрагменты разных дискурсов и действительностей. При этом в пространство политического дискурса

внедряются знаки военного, идеологического, религиозного дискурсов. Примечательно, что при взаимодействии политического и религиозного дискурсов иерархия дискурсов выстраивается по-иному, чем в остальных дискурсах. Здесь участник политического дискурса теряет роль лидера, доминирующее положение занимают участники религиозного дискурса (*God*). При этом реализуется модель взаимодействия участников политического дискурса и участников религиозного дискурса «просящий» – «дающий». Следует отметить, что государство и религия находятся во взаимозависимом положении. С одной стороны, политик имеет рычаги влияния на религиозные организации и трактовку религии, с другой стороны, Бог занимает более высокое положение в иерархии данного взаимодействия.

Следующий фрагмент демонстрирует связь идеологического дискурса и дискурса культуры в пространстве политического дискурса: *“Black music is a staple of American art and a powerhouse of our culture – that is why we must continue to open doors for the next generation of Black artists. Since I came into office, I have had the honor of bestowing some of our Nation’s highest awards to some of our most important Black performers and producers like Gladys Knight, Berry Gordy, Tania León, Queen Latifah, Dionne Warwick, and more – uplifting their talent and inspiring others to follow their example.”* [Black Music Proclamation]. Знаками дискурса культуры выступают в данном случае такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ» (*the next generation of Black artists, some of our most important Black performers and producers like Gladys Knight, Berry Gordy, Tania León, Queen Latifah, Dionne Warwick*), «ВИД ИСКУССТВА» (*Black music, American art*), «ХАРАКТЕРИСТИКА ИСКУССТВА» (*a powerhouse of our culture*). Они вступают во взаимодействие с составляющей идеологического дискурса «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА» (*I have had the **honor** of bestowing some of our Nation’s highest awards, uplifting their talent and **inspiring** others to follow their example*), которая совпадает с составляющей «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА». Таким образом, мы

наблюдаем переплетение, соединение нескольких ситуаций — политической, идеологической, культурной. Включение знаков идеологического дискурса и дискурса культуры в состав политической коммуникации приводит к полидискурсивности — одновременному присутствию в тексте фрагментов нескольких дискурсов.

Отметим, что при рассмотрении различных видов дискурсов в составе политической коммуникации в рамках настоящей главы были рассмотрены и иные примеры проявления полидискурсивности. Еще одним типом дискурсивного взаимодействия в политической коммуникации является интердискурсивность. В этом случае политический дискурс строится по законам иного дискурса. Проанализируем случаи включения в состав политического дискурса адреса сайта или гиперссылки, то есть примеры построения фрагмента политического дискурса по законам интернет-дискурса: *“I encourage all Americans to visit organdonor.gov to learn more about organ, eye, and tissue donation or bloodstemcell.hrsa.gov for more information on donating bone marrow.”* [Donate Life Proclamation 2022], [Donate Life Proclamation 2023]. В данном случае политик для достижения прагматических целей (информирование реципиентов о возможности донорства и формирование отношения к нему) использует интернет-ссылки (*organdonor.gov, bloodstemcell.hrsa.gov*) на соответствующие интернет-сайты медицинской направленности, благодаря чему участники политического дискурса имеют возможность мгновенно переключиться с одного информационного ресурса на другой, став коммуникантами как политического, так и медицинского дискурсов. Свойство интердискурсивности реализуется благодаря размещению политических текстов в пространстве медиадискурса. При этом фрагменты политического дискурса начинают строиться по законам интернет-дискурса, что обусловлено спецификой открытого информационного пространства медиасреды.

Рассмотрим другой пример построения фрагмента политического текста по законам интернет-дискурса: “*Residents and business owners who sustained losses in the designated areas can begin applying for assistance at www.DisasterAssistance.gov, by calling 800-621-FEMA (3362), or by using the [FEMA App](#). Anyone using a relay service, such as video relay service (VRS), captioned telephone service or others, can give FEMA the number for that service. FOR FURTHER INFORMATION MEDIA SHOULD CONTACT THE FEMA NEWS DESK AT (202) 646-3272 OR FEMA-NEWS-DESK@FEMA.DHS.GOV.” [Arkansas Disaster Declaration]. Следует отметить, что знаки интернет-дискурса выделены в тексте синим цветом и подчеркиванием (авторские знаки сохранены в полном соответствии с оригиналом). К маркерам Интернет-дискурса в данном случае относятся гиперссылки (www.DisasterAssistance.gov, FEMA-NEWS-DESK@FEMA.DHS.GOV), приложения, мессенджеры ([FEMA App](#)), графические средства выражения (символ @). Обращает на себя внимание использование прописных букв (*FOR FURTHER INFORMATION MEDIA SHOULD CONTACT THE FEMA NEWS DESK AT*), что также характерно для интернет-пространства и медиа среды. Это придает письменной речи эмоциональную окраску и определенную неформальность, тем самым повышая выразительность и облегчая восприятие текста. В подобном использовании элементов интернет-дискурса наблюдается тенденция к упрощению политических документов, предназначенных для широкой аудитории.*

Далее проанализируем знаки юридического дискурса в составе политической коммуникации, так как он занимает особое место в исследовании политических текстов. Прежде всего, Президентские акты написаны юридическим языком, что актуализирует интердискурсивность политической коммуникации. Использование элементов юридического дискурса отражается на структурировании документов, синтаксисе, наличии в текстах специфической лексики и юридической терминологии, формальных

атрибутов, таких как дата, заголовок документа, подпись должностного лица и др. Рассмотрим пример проявления интердискурсивности, когда политический дискурс строится по законам юридического дискурса: “*Article 7. To the extent authorized by law, and consistent with any Donation Acceptance Agreements (DAAs) already executed with the permittee under the Donation Acceptance Authority found in 6 U.S.C. 301a and section 559 of title V of division F of the Consolidated Appropriations Act, 2014 (Public Law 113-76), as amended, as continued by 6 U.S.C. 301b, the permittee shall provide to the Commissioner of U.S. Customs and Border Protection (Commissioner) of the Department of Homeland Security and the heads of any other relevant agencies, at no cost to the United States, suitable inspection facilities, infrastructure improvements, equipment, and maintenance, as set forth in the DAAs.*” [CROSSING PASS PRESIDENTIAL PERMIT]. Специфика интердискурсивности в данном случае заключается в том, что юридическая ситуация становится частью политической ситуации, при этом участник политического дискурса (политик) одновременно выполняет роль и функцию участника юридического дискурса (законодателя). В данном фрагменте на построение политического текста по законам юридического дискурса указывают следующие знаки: постатейное построение текста по подобию законодательного акта (*Article 7*), сложные синтаксические конструкции (наличие большого количества запятых, уточнений, причастных оборотов), ссылки на статьи, разделы, нормативно-правовые документы (*found in 6 U.S.C., 301a and section 559 of title V of division F of the Consolidated Appropriations Act, 2014 (Public Law 113-76), as continued by 6 U.S.C. 301b, as set forth in the DAAs*), использование лексики и терминологии с юридической семантикой (*authorized by law, executed with the permittee, act, the permittee shall provide, Commissioner*).

Еще одним доказательством взаимодействия дискурсов служит одновременное выполнение ими ряда следующих функций:

- прескриптивной (предписания по совершению действий или отказу от них),
- информативной (констатация фактов, сообщение о положении дел),
- воздействующей (оказание влияния на восприятие информации),
- аргументирующей (обоснование позиции),
- интерпретационной (объяснение смысла высказываний),
- регулятивной (задаются правила поведения и контроля участников),
- презентационной (формирование образа политика и должностных лиц),
- декларативной (установление определенных социальных и правовых ценностей, идей),
- стратегической (выбор стратегий, тактик и моделей поведения),
- кодовой («шифрование» языка нормативно-правовых актов делает его доступным для определенного круга читателей) и других функции [Новикова, Поляков, Хаусманн-Ушкова, 2020: 33].

Политический документ, как правило, создается на основе стандартов и является стилистически нейтральным. Вместе с тем в отдельных случаях политик прибегает к использованию разговорной лексики. Рассмотрим пример внедрения бытового дискурса в официальную политическую коммуникацию: *“From local “mom and pop” shops to innovative start-ups, small businesses are pillars of our communities and the engine of our economy.”* [Small Business Proclamation]. В данном фрагменте автором использовано выражение *“mom and pop” shops*, которое принадлежит к неформальным выражениям: *mom-and-pop – adjective [before noun] – US informal* и имеет значение: *«used to describe a small business that is owned and operated by members of the same family: a mom-and-pop business/store»* [Cambridge Dictionary]. Используемое политиком словосочетание относится к бытовому дискурсу и актуализирует в сознании реципиента знания о повседневной ситуации, которые оказываются соположенными со знаниями о формальной ситуации, обозначаемой формальными языковыми единицами. Здесь реализуется

интердискурсивность, при которой политический дискурс строится с использованием элементов бытового дискурса.

Нередко в англоязычной политической коммуникации мы можем встретить такое взаимодействие дискурсов, при котором наблюдается масштабная интердискурсивность и множественный тип взаимодействия дискурсов. Например, текст Президентского акта *A Proclamation on National Poison Prevention Week, 2022*, с одной стороны, строится по законам юридического дискурса (“*NOW, THEREFORE, I, JOSEPH R. BIDEN JR., President of the United States of America, do hereby proclaim March 20 through March 26, 2022, to be National Poison Prevention Week.*”), на что указывает составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» (*do hereby proclaim*), а также стилистические и синтаксические особенности текста. С другой стороны, в документе используется построение текста по закону интернет-дискурса, о чем свидетельствуют такие элементы, относящиеся к интернет-дискурсу, как гиперссылка, ссылка на сайт (*For more information, go to poisonhelp.hrsa.gov*) [Poison Proclamation]. Соответственно, пример демонстрирует реализацию масштабной интердискурсивности. Одновременно на полидискурсивность фрагмента указывает присутствие в тексте языковых единиц, репрезентирующих составляющие медицинского дискурса (*National Poison Prevention* и др.). Актуализируются черты множественного типа взаимодействия (интердискурсивность + интердискурсивность + полидискурсивность).

Таким образом, англоязычная политическая коммуникация характеризуется сложными дискурсивными связями, одновременным присутствием в текстах черт полидискурсивности и интердискурсивности, либо разных видов интердискурсивности, реализацией множественного типа взаимодействия дискурсов. Полидискурсивность представлена в текстах различными тематическими дискурсами. Интердискурсивность репрезентирована средствами юридического дискурса, интернет-дискурса, бытового дискурса.

Выводы по Главе 3

В настоящей главе диссертационного исследования проводится анализ включения в состав англоязычной политической коммуникации составляющих различных дискурсов, отражающих важнейшие аспекты социально-экономической, военно-политической, экологической, спортивной, идеологической, правовой и иной действительности, а также типов дискурсивных взаимодействий, включая полидискурсивность, интердискурсивность, множественный тип взаимодействия дискурсов.

Дискурсы и их составляющие выделяются на основе специфической лексики, семантики, а также синтаксических структур. Осуществляется номинирование составляющих, посредством которых элементы того или иного дискурса включаются в принимающий текст. В англоязычной политической коммуникации присутствуют фрагменты различной смысловой направленности, включая экономику, образование, безопасность, медицину, внешнюю, внутреннюю политику и другие сферы общественной жизни. Соответственно, происходит процесс комбинирования реальностей и взаимодействия дискурсов.

В ходе анализа удалось выявить ряд особенностей дискурсов, входящих в англоязычную политическую коммуникацию, что позволяет сформулировать следующие выводы.

1. На основе специфики языковых средств, репрезентирующих дискурсы, были номинированы значимые составляющие дискурсов, на которых строится англоязычное дискурсивное взаимодействие политического дискурса и иных видов дискурсов. Среди них «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ, СОБЫТИЙ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и другие. Помимо основных выявлены также специфические для отдельных дискурсов составляющие, например, «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ» в экономическом дискурсе,

«БОЛЕЗНИ» и «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» в медицинском дискурсе, «НАИМЕНОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ» в экологическом дискурсе, «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» в спортивном дискурсе, «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО» в политическом дискурсе и др.

2. Политический дискурс вступает во взаимодействие с другими дискурсами в англоязычной политической коммуникации посредством включения языковых единиц, обозначающих такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ, ДЕЙСТВИЙ». Существует специфика взаимодействия участников отдельных дискурсов. Особенность интеракции политического и экологического дискурсов заключается в реализации субъектно-объектного типа отношений между дискурсами. При взаимодействии политического и религиозного дискурсов доминирующее положение занимают участники религиозного дискурса.

3. В англоязычной политической коммуникации выявлены различные модели поведения и взаимодействия участников политического дискурса и участников иных дискурсов. В большинстве случаев можно говорить о доминировании субъекта политики, который берет на себя следующие роли: управленец, законодатель, интерпретатор событий, аналитик, манипулятор, просветитель, идеолог и др. Для участников иных видов дискурсов, входящих в англоязычную политическую коммуникацию, характерны модели поведения: исполнители, профессионалы, любители, избиратели, эксперты, рядовые члены общества, зависимые категории граждан. Участники переходят из дискурса в дискурс, при этом осуществляется изменение их социальных ролей, например, «больной» – «избиратель» – «военнослужащий», «учитель» – «налогоплательщик» и т.д.

4. Установлено, что участники экономического, образовательного, медицинского, военного, экологического, спортивного и других дискурсов активно включаются в англоязычную политическую коммуникацию

посредством нарицательных имён существительных во множественном числе, что указывает на обобщающий характер номинирования коммуникантов. Участники политического дискурса, если речь идет о политиках, органах государственной власти, должностных лицах, выражены в тексте существительными в единственном числе, именами собственными, местоимениями, словосочетаниями. Когда говорится о простых гражданах, участники внутривнутриполитического и внешнеполитического дискурсов могут быть выражены нарицательными именами существительными во множественном числе. Чтобы продемонстрировать единство власти и народа, политик прибегает к употреблению местоимения первого лица множественного числа *we*. Может использоваться комбинация имени собственного и имени нарицательного, указывающего на должность, статус деятеля, чтобы более полно охарактеризовать участников, подчеркнуть их социальную значимость.

5. Составляющая «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» различных дискурсов реализуется в тексте преимущественно за счет глагольных конструкций или отглагольных существительных различной семантики. Что касается составляющей «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ», она, как правило, выражена в тексте словосочетаниями с активным использованием имен прилагательных, сравнительных степеней прилагательных, что объясняется задачей автора присвоить качественные характеристики участникам, выявить и сравнить некие признаки, качества, свойства, а также имен существительных, наречий, сложных слов. Составляющая «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» выражена в тексте словосочетаниями, в составе которых содержатся имена существительные и предлоги. При помощи составляющей «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» пересекаются пространства политического, экономического, образовательного, медицинского, военного, экологического, спортивного и иных дискурсов.

6. Дискурсы, конституирующие англоязычную политическую коммуникацию, включая экономический, образовательный, медицинский, внешнеполитический, внутривполитический, военный, экологический, спортивный, идеологический, религиозный и другие дискурсы, являются неотъемлемыми составными частями ее институционального пространства, что демонстрирует полидискурсивность текстов Президентских актов США. Следует отметить, что перечень дискурсов не является исчерпывающим, он может быть расширен и дополнен при осуществлении дальнейших исследований. Специфика политического текста заключается в том, что в нем моделируются реально происходящие невымышленные события. Здесь также важно отметить роль автора, который, с одной стороны, оперативно решает возникающие проблемы и задачи, с другой стороны, выступает в роли интерпретатора происходящего, способного влиять на восприятие действительности. Англоязычная политическая коммуникация носит гетерогенный в дискурсивном отношении характер, обладает множественными разносторонними дискурсивными связями. Интердискурсивность проявлена при помощи средств юридического дискурса, интернет-дискурса, а в отдельных случаях – посредством средств бытового дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI веке активно развивается Интернет-коммуникация и медиа среда, благодаря чему увеличивается влияние англоязычной политической коммуникации на все стороны общественной жизни, включая экономику, медицину, образование, внешнюю и внутреннюю политику, безопасность и многие другие. Новые информационные технологии повышают открытость политической системы и предоставляют широкий доступ к ранее относительно закрытым текстам документов большому кругу людей. Возникает двухфокусная адресность текстов: с одной стороны, ориентированность на профессиональное сообщество, с другой стороны, на запросы населения.

Англоязычная политическая коммуникация представляет уникальное семиотическое пространство, в рамках которого происходит взаимодействие различных реальностей и пересечение множества институциональных видов дискурсов. В Президентских актах автором текстов является президент США, закрепляющий особый порядок вещей, формирующий некую модель действительности. В зависимости от авторской воли и интенции происходит выдвигание определенных дискурсивных доминант. Фрагменты дискурсов, встраиваясь в англоязычную политическую коммуникацию, участвуют в формировании её содержания, а также влияют на осмысление происходящего воспринимающим сознанием реципиента.

Тексты Президентских актов относятся к жанру официальных документов. Одновременно они тяготеют к информационному стилю, что обусловлено присутствием в текстах элементов интернет-жанра, а также наблюдается родство с жанром аналитической статьи, дающим оценку происходящего. Структура Президентских актов включает название документа, вводную, основную и заключительную части, подпись президента США. В текстах используются лексические повторы, однокоренные слова, эвфемизмы, расшифровка терминов и др.

Анализ англоязычного языкового материала указывает на наличие основных дискурсивных доминант, среди которых необходимо отметить акциональную и аксиологическую доминанты. Также в текстах активно проявлены характерологическая, пространственная и субъектная доминанты. Дискурсивные доминанты изменяются в зависимости от видов официальных документов. В Президентских актах, ориентированных на профессионального читателя, выдвигается акциональная доминанта, связанная с действиями участников, что объясняется регламентирующим характером данных документов. В документах, предназначенных для массовой аудитории, присутствует аксиологическая доминанта, представленная языковыми единицами, включающими оценочный компонент коннотативного значения, а также характерологическая доминанта, репрезентирующая определенные характеристики участников. Такая особенность объясняется желанием политика вызвать реакцию со стороны читателя, убедить собеседника, что указывает на наличие субъективного прагматического аспекта.

Основными языковыми средствами выдвижения акциональной доминанты являются глаголы со значениями «продвигать», «укреплять», «учреждать», «развивать», «обеспечивать», «приказывать», «делегировать», «провозглашать», «подписывать», «призывать» и др.; отглагольные существительные, обозначающие «создание», «консультирование», «эффективность», «сотрудничество», «требования», «делегирование», «расширение», «пересмотр» и др.; модальные глаголы, выражающие запрет, разрешение, возможность, необходимость совершения действий. Средствами выдвижения аксиологической доминанты выступают прилагательные, существительные, глагольные формы, содержащие положительный или отрицательный оценочный компонент коннотативного значения, словосочетания и устойчивые выражения, способные вызвать эмоциональный отклик со стороны читателя. Субъектная доминанта репрезентирована местоимениями, существительными с указанием на

должность и статус субъекта, нарицательными именами существительными, показывающими принадлежность к определенной группе людей или профессии, именами собственными, словосочетаниями. Характерологическая доминанта выражена такими языковыми средствами, как имена прилагательные (включая сравнительные и превосходные степени прилагательных), имена существительные, словосочетания. В передаче пространственной доминанты активно участвуют имена существительные, в том числе имена собственные, а также служебные части речи (предлоги).

В ходе анализа Президентских актов удалось установить, что каждый дискурс, присутствующий в англоязычной политической коммуникации, внедряет свои доминантные составляющие. В текстах содержатся фрагменты экономического, экологического, образовательного, медицинского и других дискурсов, демонстрирующие эффективность работы политической системы. При этом экономические, экологические, образовательные, медицинские и другие показатели наделяются большими смыслами, чем они имели бы вне политической коммуникации. Таким образом, англоязычная политическая коммуникация является сложной целостной синергетической системой, обладающей свойствами, не присущими её отдельным элементам.

Значимыми составляющими дискурсов, на основе которых строится англоязычное дискурсивное взаимодействие политического дискурса и иных видов дискурсов, являются «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ, СОБЫТИЙ», «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО» и другие. Помимо основных следует отметить такие специфические составляющие дискурсов, как «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ» в экономическом дискурсе, «БОЛЕЗНИ» и «ПРОБЛЕМЫ СО ЗДОРОВЬЕМ» в медицинском дискурсе, «НАИМЕНОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ» в экологическом дискурсе, «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» в спортивном дискурсе, «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО» в политическом дискурсе и др.

Участники экономического, образовательного, медицинского,

военного, экологического, спортивного и других дискурсов активно включаются в англоязычную политическую коммуникацию посредством нарицательных имён существительных во множественном числе, что указывает на обобщающий характер номинирования коммуникантов. При этом обозначение участников политического дискурса, если речь идет о политиках, органах государственной власти, должностных лицах, как правило, носит персонифицированный характер (они выражены существительными в единственном числе, именами собственными, местоимениями, словосочетаниями). Автор использует комбинацию имени собственного и имени нарицательного, когда необходимо дополнительно охарактеризовать участников, подчеркнуть их социальную значимость.

Выявлены различные модели поведения и взаимодействия участников англоязычной политической коммуникации. Политик, как правило, доминирует, выполняя роли управленца, законодателя, интерпретатора, аналитика, манипулятора, просветителя, идеолога и др. Участники иных видов дискурсов могут относиться к следующим категориям: исполнители, профессионалы, любители, избиратели, эксперты, рядовые члены общества, зависимые категории граждан и др. Одни и те же участники способны переходить из дискурса в дискурс, при этом происходит смена их социальных ролей.

Взаимодействие участников отдельных дискурсов обладает своей спецификой. В большинстве случаев реализуется субъектный тип отношений. При взаимодействии политического и экологического дискурсов реализуется субъектно-объектный тип отношений между дискурсами. Примечательно, что при интеракции политического и религиозного дискурсов иерархия дискурсов выстраивается по-иному, чем в остальных дискурсах. Здесь участник политического дискурса теряет свое доминирующее положение, лидирующая роль принадлежит участникам религиозного дискурса.

В репрезентации составляющей «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ» различных дискурсов участвуют глагольные конструкции и отглагольные существительные разной семантики. Составляющая «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ» выражена в тексте словосочетаниями, в составе которых преобладают имена прилагательные, сравнительные степени имен прилагательных, а также содержатся имена существительные, наречия, сложные слова, присваивающие качественные характеристики участникам, процессам. Посредством внедрения в состав англоязычной политической коммуникации такой составляющей, как «МЕСТО ПРОИСХОДЯЩЕГО», происходит пересечение пространств политического, экономического, образовательного, медицинского, военного, экологического, спортивного и иных дискурсов. Данная составляющая репрезентирована в тексте словосочетаниями, в составе которых преобладают имена существительные и предлоги, указывающие на место происходящего.

Политический дискурс вступает во взаимодействие с другими видами дискурсов посредством включения языковых единиц, обозначающих такие составляющие, как «УЧАСТНИКИ», «ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ», «ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО», «ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ, ПРОЦЕССОВ, ДЕЙСТВИЙ». Субъект политики активно проявлен, когда говорится о положительных изменениях. Если же речь идет об ограничениях, запретах, сложностях, как правило, используются безличные конструкции, информация подается как некая данность.

Ввиду многофакторности политических задач возникают множественные разносторонние дискурсивные связи и разные типы взаимодействия дискурсов. Полидискурсивность проявлена в тексте при помощи различных институциональных дискурсов, включая экономический, образовательный, медицинский, внутривнутриполитический, внешнеполитический, военный, дискурс безопасности, экологический, спортивный, идеологический, дискурс культуры, религиозный и другие дискурсы. Интердискурсивность представлена средствами юридического дискурса,

интернет-дискурса, в отдельных случаях – бытового дискурса. В использовании маркеров интернет-дискурса и бытового дискурса проявляется тенденция к упрощению политических документов США, ориентированных на массового читателя. Для англоязычной политической коммуникации характерно усложнение дискурсивных связей, одновременное присутствие в текстах черт полидискурсивности и интердискурсивности, а также двух разных видов интердискурсивности, что обеспечивает реализацию множественного типа взаимодействия дискурсов.

Дальнейшие перспективы изучения особенностей взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации связаны с:

- 1) проведением компаративного анализа особенностей политической коммуникации различных государств;
- 2) исследованием других видов и жанров англоязычной политической коммуникации;
- 3) анализом иных институциональных дискурсов, конституирующих англоязычную политическую коммуникацию;
- 4) рассмотрением иной коммуникации на основе изложенных в работе принципов;
- 5) междисциплинарными подходами к изучению политической коммуникации и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А) Теоретическая литература

1. Александрова Г.Н. Роль текстовых доминант при переводе аналитических отчётов МВФ (на материале русского и английского языков) / Г.Н. Александрова, М.В. Черкунова, Ю.С. Старостина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 1799-1804.
2. Александрова Е.Н. Речевая коммуникация в рамках ситуации (на материале спортивного телерепортажа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Александровна Елена Николаевна. – Уфа, 2011. – 26 с.
3. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества / О.В. Александрова // Язык средств массовой информации. – М.: 2008 – С. 210-220.
4. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах. – Ставрополь, Краснодар, 2008. – № 6. – С. 9-31.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2014. – 288 с.
6. Алешина Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса / Е.Ю. Алешина // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5 – № 3 – С. 293-301.
7. Алешина Е.Ю. Публичное политическое выступление в конфликтной ситуации (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – М., 2021. – 351 с.
8. Амирова О.Г. К вопросу о содержании понятия семантической роли / О.Г. Амирова // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа: БашГУ, 2001. – С. 16-25.
9. Амирова О.Г. Семантическая модель английских глаголов управления (на материале английских глаголов govern, rule, manage, run): автореф. дис.

- ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Амирова Оксана Георгиевна. – Уфа, 2002. – 26 с.
10. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
11. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: АСТ, 2019. – 384 с.
12. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
14. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. – М.: Юрид. Лит, 1997. – 400 с.
15. Ахренова Н.А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета / Н.А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 3. – С. 8-14.
16. Батюшкина М.В. Дискурсивные доминанты законотворчества: монография / М.В. Батюшкина; под ред. М.В. Горбаневского. – М.: РОО ГЛЭДИС, 2022. – 160 с.
17. Батюшкина М.В. Законодательный текст: его адресант и адресат / М.В. Батюшкина // Гуманитарный вектор. – 2017(6). – Т. 12. – № 2. – С. 70-78.
18. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
19. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
21. Белоглазова Е.В. Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Белоглазова Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 2010. – 253 с.

22. Белоглазова Е.В. О вариативности проявления дискурсной гетерогенности / Е.В. Белоглазова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 332. – С. 15-19.
23. Белоглазова Е.В. Полидискурсность как особый исследовательский фокус / Е.В. Белоглазова // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2009. – № 3 (59). – С. 66-71.
24. Береснева Ю.В. Становление понятия «коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации / Ю.В. Береснева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 4 – С. 6-20.
25. Блох М.Я. Текст-дискурс в замысле и развитии / М.Я. Блох // Язык: категории, функции, речевое действие. – 2019. – Т.12. – Ч. 1. – С. 8-12.
26. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка / М.Я. Блох. – М. – Высш. Школа, 1983. – 383 с.
27. Блох М.Я. Текст официального документа (на материале британских и российских документов социальных министерств) / М.Я. Блох, А.С. Костина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 3. – С. 47-59.
28. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
29. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007 – 2008 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бочарова Эмилия Александровна. – Белгород, 2013. – 232 с.
30. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография / Э.В. Будаев. – СПб.: Научные технологии, 2020. – 446 с.
31. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
32. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка): монография / А.И. Варшавская. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1984. – 135 с.

33. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.
34. Галичкина Е.Н. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / Е.Н. Галичкина, науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
35. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Галичкина Елена Николаевна. – Астрахань, 2001. – 18 с.
36. Гатина А.Э. Введение в теорию коммуникации / А.Э. Гатина. – Бишкек: КРСУ, 2017. – 104 с.
37. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н.А. Герасименко // Политический дискурс в России. – М.: Москва, 1998. – С. 20-23.
38. Гусева Е.В. Дискурсивный анализ как средство интерпретации заглавия англоязычного художественного текста / Е.В. Гусева, Е.В. Стрельцова // Казанская наука. — 2021. — № 6. — С. 61-65.
39. Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе / Н.К. Данилова. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 228 с.
40. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
41. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 31-44.
42. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: Наука, 2008. – 264 с.
43. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М. – 2019. – 264 с.

44. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т.Г. Добросклонская // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – № 13 (22). – С. 181-187.
45. Желтухина М.Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации / М.Р. Желтухина // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2011. – № 3. – С. 7-12.
46. Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика / М. Р. Желтухина // Медиатекст: стратегии - функции - стиль. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2010. – С. 19-31.
47. Желтухина М.Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация / М.Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 23. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2003. – С. 38-51.
48. Забело Т.В. Лингвистическая специфика политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Забело Татьяна Вячеславовна. – М., 2012. – 199 с.
49. Ивин А.А. Оценки в процессах коммуникации / И.И. Ивин // Философия науки. – 2012. – № 1. – Т. 17. – С. 203-213.
50. Карасик В.И. Тенденции развития современного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14-31.
51. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
52. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 437 с.
53. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Под. ред. П. Сериро. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.

63. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Костяшина Екатерина Аркадьевна. – Томск, 2009. – 30 с.
64. Костяшина Е.А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского, научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е.А. Костяшина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306. – С 7-11.
65. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Кубрякова Е.С. // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С.7-25.
66. Кушнерук С.П. Документная лингвистика / С.П. Кушнерук. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 1999. – 96 с.
67. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика / Г.Д. Лассуэлл. – М.: Издательство РАГС, 2005. – 352 с.
68. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с.
69. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман; сост. М.Ю. Лопшан. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
70. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 303 с.
71. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. – 139 с.
72. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/vvedenie-v-kognitivnuyu-lingvistiku/> (дата обращения 01.02.2022).
73. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1 (24). – С. 43-48.

74. Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография / В. В. Антропова, А. В. Грошева, М. В. Загидуллина и др.; науч. ред. М. В. Загидуллина. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. – 340 с.
75. Миры дискурса: монография / С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко, Н.К. Данилова, Г.В. Кучумова; под общ. ред. Н.К. Даниловой. – М.: Изд-во «Самарский университет», 2015. – 240 с.
76. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Михалёва Ольга Леонидовна. – Иркутск, 2004. – 289 с.
77. Морозова А.Н. Дискурс как объект лингвистического исследования и как единица метаязыка / А.Н. Морозова // Эволюция и трансформация дискурсов. Сборник научных статей. – Самара, 2016. – С. 42-48.
78. Новикова Е.Р. Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специальности / Е.Р. Новикова, О.Г. Поляков, Н.В. Хаусманн-Ушкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. – 2020. – Т. 25. – № 189. – С. 31-38.
79. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П. Б. Паршин // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. – М.: Международный институт рекламы; Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
80. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё; под ред. Ю.С. Степанова // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 266-270.
81. Писарева А.Г. Доминантный компонент «участники» в составе когнитивной модели спортивного события / А.Г. Писарева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2022. – № 1. – С. 131-139.

82. Писарева А.Г. Когнитивно-прагматические аспекты языковой репрезентации события в англоязычном спортивном Интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Писарева Анастасия Григорьевна. – Самара, 2022. – 192 с.
83. Плотницкий Ю.Е. Реализация категории «интердискурсивность» в англоязычном песенном дискурсе / Ю.Е. Плотницкий // Эволюция и трансформация дискурсов: Сборник научных статей. – 2020. – Вып 5. – С. 125-139.
84. Пономаренко Е.В. Английский дискурс в свете функциональной лингвосинергетики / Е.В. Пономаренко // НДВШ. Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 100-110.
85. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е.В. Пономаренко // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – №13 (156). – С. 131-140.
86. Пыж А.М. Функционально-прагматические особенности использования юридической терминологии в юридическом документе / А.М. Пыж // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты. – 2015. – С. 114-120.
87. Роот О.В. Содержание, особенности и функции феномена коммуникации / О.В. Роот // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 1 (34). – С. 235-239.
88. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания / О.Ф. Русакова // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 61. – С. 114-122.
89. Русанов Е.К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме / Е.К. Русанов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 1. – С. 214-217.

90. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
91. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сидорова Ирина Геннадьевна. – Волгоград, 2014. – 249 с.
92. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 263 с.
93. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Издательский дом «Дискурс-Пи». – Екатеринбург, 2006. – 177 с.
94. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
95. Старостина Ю.С. Англоязычный драматургический дискурс в лингвоаксиологическом освещении: монография / Ю. С. Старостина. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 240 с.
96. Старостина Ю.С. К вопросу о категориальном аппарате лингвоаксиологического исследования дискурса / Ю.С. Старостина // Русский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 2 (26). – С. 64-70.
97. Степанов Ю.С. В мире семиотики / Ю.С. Степанова // Семиотика: Антология. – М., 2001. – С. 5-42.
98. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М.: Слово, 2008. – 345 с.
99. Трибунская Н.А. Взаимодействие дискурсов в англоязычной политической коммуникации / Н.А. Трибунская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2026. – Том 19. Выпуск 4. – С. 1494-1502.
100. Трибунская Н.А. Дискурсивные доминанты в политической коммуникации / Н.А. Трибунская // Филологическая проблематика в системе вузовского образования: Аспекты субстанциональности языка. – Самара, 2023. – Выпуск 9. – С. 48-52.

101. Трибунская Н.А. Особенности процесса взаимодействия дискурсов в политической коммуникации / Н.А. Трибунская // Филология и культура. *Philology and Culture*. – Казань, 2022. – № 2 (68). – С. 65-70.
102. Трибунская Н.А. Особенности проявления дискурсивных доминант в процессе политической коммуникации / Н.А. Трибунская, А.А. Пустарнакова // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. – Самара, 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 72-78.
103. Трибунская Н.А. Дискурсивные структуры в политической коммуникации / Н.А. Трибунская, В.Д. Шевченко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – Самара, 2021. – Т. 27. – № 3. – С. 118-127.
104. Фомин И.В. Зачем семиотика политологам? / И.В. Фомин, М.В. Ильин // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 12-26.
105. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. – 2008. – № 2 (65). – URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/07.pdf (дата обращения: 05.05.2021).
106. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М.: Academia, 1995. – 252 с.
107. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб: Наука, 2001. – 380 с.
108. Харьковская А.А. Дискурсивный мир малоформатных интернет-текстов на сайтах британских и американских университетов / А.А. Харьковская // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. – М., 2016. – С. 244-247.
109. Харьковская А.А. Малоформатные тексты в американском медиадискурсе (на материале названий видеороликов о Дональде Трампе на платформе youtube.com) / А.А. Харьковская, М.В. Черкунова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 4. – С. 44-51.

110. Хлопотунов Я.Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. / Хлопотунов Ярослав Юрьевич. – М., 2022. – 231 с.
111. Чекунова М.А. Политические Интернет-коммуникации в современном общественном дискурсе: проблема контекстуализации / М.А. Чекунова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 4. – С. 1-13.
112. Черкунова М.В. Функциональный синергизм малоформатных текстов в современном английском дискурсе: дис. ... докт. филол. наук: 5.9.6 / Черкунова Марина Владимировна. – М.: 2023. – 446 с.
113. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса / В.Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 134 с.
114. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб., 2001. – С. 11-22.
115. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. / В.Е. Чернявская. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 267 с.
116. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Стиль, 2007. – С. 11-26.
117. Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие / В.Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стиль: сб. статей. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004. – С. 33-42.
118. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – 193 с.
119. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53-59

120. Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шапочкин Дмитрий Владимирович. – Тюмень. – 2005. – 19 с.
121. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография / Д. В. Шапочкин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. – 2018. – 292 с.
122. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. / Р.-Ж. Шварценберг. – М., 1992. – 174 с.
123. Шевченко В.Д. Аксиологическая доминанта в дискурсе / В.Д. Шевченко, Е.С. Шевченко // Вестник ОГУ. – 2016. – № 5 (193). – С. 27-30.
124. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография / В.Д. Шевченко. – Самара: СамГУПС, 2008. – 203 с.
125. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов / В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. – 60 с.
126. Шевченко В.Д. Специфика коммуникации в спортивном Интернет-дискурсе / В.Д. Шевченко, А.Г. Писарева // Самара: Вестник Самарского университета, 2019. – № 2. – С. 109-115.
127. Шевченко В.Д. Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики): монография / В.Д. Шевченко. – Самара: Самарский университет, 2010. – 212 с.
128. Шевченко В.Д. Особенности дискурсивных структур в политической коммуникации / В.Д. Шевченко, Н.А. Трибунская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2021. – № 4. – С. 38-50.
129. Шейгал Е.И. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 34 (72). – С. 145-148.

130. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 5.9.6 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 440 с.
131. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. – Москва: Гнозис, 2004. – 324 с.
132. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» / С.Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 795-799.
133. Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова Е.А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с.
134. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / отв. редактор М.И. Панов – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. – 960 с.
135. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Юдина Татьяна Владимировна. – М. – 2001. – 233 с.
136. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 102-117.
137. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-229.
138. Benveniste E. Problems in General Linguistics / E. Benveniste. – Florida: University of Miami Press, 1971. – 317 p.
139. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. – London: Routledge, 2004. – 241 p.
140. Chilton P. Discourse and Politics / P. Chilton, C. Schäffner // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. I; ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks. – New Delhi: Sage Publications, 1998. – P. 206-229.
141. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. / D. Crystal. – NY: Routledge, 2011. – 192 p.

142. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2004. – 272 p.
143. Dijk T.A. van. Discourse and Context. A sociocognitive approach / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2008. – 267 p.
144. Dijk T.A., van. Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk. – New York: Academic Press, 1983. – 302 p.
145. Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis? – URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf> (дата обращения 03.03.2022).
146. Dijk T.A. van. Discourse as Interaction in Society / T.A. van Dijk // Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. II; ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks. – New Delhi: Sage Publications, 2003. – P. 1-37.
147. Dijk T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. van Dijk. – London: Sage, 1998. – 384 p.
148. Dijk T.A. van. The Study of Discourse / T.A. van Dijk // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction; ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks. – New Delhi: Sage Publications, 1998. – Vol. I – P. 1-34.
149. Drabkina I.V. Discursive markers of webinars on teaching/learning English / I.V. Drabkina, A.S. Tanchuk // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – Vol. 83. – P. 105-117.
150. Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail / M. Edelman. – New York: Academic Press, 1977. – 164 p.
151. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics / M. Edelman. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 164 p.
152. Edwards D. Discourse and Cognition / D. Edwards. L.: Sage, 1996. – 368 p.
153. Geis M. L. The Language of Politics / M. L. Geis. – New York: Springer-Verlag, 1987. – 189 p.

154. Goffman E. *Forms of Talk* / E. Goffman. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981. – 335 p.
155. Goffman E. *Frame analysis* / E. Goffman. – N.Y., 1974. – 586 p.
156. Green D. *The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan* / D. Green. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987. – 277 p.
157. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis* / N. Fairclough, R. Wodak // *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Discourse as Social Interaction*. L., 1996. – Vol.2. – 279 p.
158. Fairclough N. *Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis* / N. Fairclough // *Discourse and Society*. – 1992. – P. 192-217.
159. Fairclough N. *Genres in political discourse* / N. Fairclough // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Oxford, Elsevier, 2005. – P. 33-38.
160. Fairclough N. *Media discourse* / N. Fairclough. – London: Edward Arnold, 1995. – 275 p.
161. Habermas J. *The Theory of Communicative Action* / J. Habermas. – Vol.1. – London: Heinemann, 1984. – 465 p.
162. Hudson K. *The Language of Modern Politics* / K. Hudson. – London: Macmillan, 1978. – 167 p.
163. Hymes D. *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach* / D. Hymes. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. – 260 p.
164. Hymes D. *Models of the Interaction of Language and Social Life* / D. Hymes // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – P. 35-71.
165. Hymes D. *The concept of communicative competence revisited* / D. Hymes // *Thirty years of linguistic evolution*. – 1992. – P. 31-57.
166. Kress G. *Ideological Structures in Discourse* / G. Kress // *Handbook of Discourse Analysis. Discourse Analysis in Society*. – L.: Academic Press, 1985. – Vol. 4. – P. 27-42.

167. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / H.D. Lasswell, B. Berelson, M. Janowitz // Reader in Public Opinion and Communication. – New York: The Free Press, 1966. – P. 178-189.
168. Mills S. Discourse / S. Mills. – L; N. Y.: Routledge, 1997. – 177 p.
169. Ponton D.M. Discourse analysis in the 21st century: theory and practice / D.M. Ponton, T.V. Larina // Russian Journal of Linguistics. 2016. – N 20 (4). – P. 7-25.
170. Riker W. H. The Art of Political Manipulation / W. H. Riker. – New Haven: Yale Univ. Press, 1986. – 152 p.
171. Sacks H. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson // Language. – 1974. – Vol. 50 (4). – Part I. – P. 696-735.
172. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Cambridge: Blackwell Publishers Inc, 1995. – 470 p.
173. Shevchenko V.D. Realization of “FOOD AS A SOURCE OF DANGER” Cognitive Model in the Russian Media Discourse. Aktual’nye problemy filologii i pedagogiceskoj lingvistiki / V.D. Shevchenko, P. Mamet // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. – 2020. – № 2. – P. 53-60.
174. Simpson P. Language, Ideology and Point of View / P. Simpson. – London and New York: Routledge, 1993. – 198 p.
175. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – L: Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
176. Watts D. Political Communication Today / D. Watts. – Manchester and New York: Manchester Univ. Press, 1997. – 228 p.
177. Wodak R. Disorders of discourse / R. Wodak. – L.; N.Y.: Longman, 1996. – 200 p.
178. Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse / R. Wodak. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1989. – 288 p.
179. Wodak R. Qualitative Discourse Analysis in the Social Sciences / R. Wodak, M. Krzyzanowski. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. – 232 p.

Словари и справочники

180. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
181. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 685 с.
182. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – Минск: Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2008. – 624 с.
183. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. – URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Kontekst-12898.html> (дата обращения: 07.05.2019)
184. Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Pearson Longman, 2006. – URL: [Longman Dictionary of Contemporary English | LDOCE \(ldoceonline.com\)](http://www.ldoceonline.com/), <https://www.ldoceonline.com/dictionary/soil> (дата обращения 07.08.2020).
185. Oxford English Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – URL: [Oxford Languages | The Home of Language Data \(oup.com\)](http://www.oup.com/) (дата обращения 20.10.2023).
186. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – [Cambridge Dictionary] – URL: [Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus](http://www.cambridge.org/) (дата обращения 01.11.2024).
187. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan, 2002. – URL: [Macmillan Dictionary | Free English Dictionary and Thesaurus](http://www.macmillan.com/) (дата обращения 10.05.2023).
188. Collins Dictionary – URL: [Collins English Dictionary | Definitions, Translations, Example Sentences and Pronunciations \(collinsdictionary.com\)](http://www.collinsdictionary.com/) (дата обращения 20.03.2024).

Б) Источники выборки

189. [The White House](https://www.whitehouse.gov/). [Электронный ресурс]. – [The White House] – URL: <https://www.whitehouse.gov/>.

190. Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 506(a)(1) and Section 614(a)(1) of the Foreign Assistance Act of 1961 (FEBRUARY 25, 2022) [Электронный ресурс]. – [Delegation Memorandum] – URL: [Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 506\(a\)\(1\) and Section 614\(a\)\(1\) of the Foreign Assistance Act of 1961 | The White House](#)
191. A Proclamation on Irish-American Heritage Month, 2022 (FEBRUARY 28, 2022) [Электронный ресурс]. – [Heritage Proclamation] – URL: [A Proclamation on Irish-American Heritage Month, 2022 | The White House](#)
192. A Proclamation on National Colorectal Cancer Awareness Month, 2022 (FEBRUARY 28, 2022) [Электронный ресурс]. – [Cancer Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Colorectal Cancer Awareness Month, 2022 | The White House](#)
193. A Proclamation on Women’s History Month, 2022 (FEBRUARY 28, 2022) [Электронный ресурс]. – [Women’s History Proclamation] – URL: [A Proclamation on Women's History Month, 2022 | The White House](#)
194. A Proclamation on Read Across America Day, 2022 (MARCH 01, 2022) [Электронный ресурс]. – [Read Proclamation] – URL: [A Proclamation on Read Across America Day, 2022 | The White House](#)
195. Memorandum on Maximizing Assistance to Respond to COVID-19 (MARCH 01, 2022) [Электронный ресурс]. – [Respond to COVID-19 Memorandum] – URL: [Memorandum on Maximizing Assistance to Respond to COVID-19 | The White House](#)
196. Memorandum on the Finding that a Drawdown and Sale of Petroleum from the Strategic Petroleum Reserve is Required by U.S. Obligations Under the International Energy Program Implemented by the International Energy Agency (MARCH 01, 2022) [Электронный ресурс]. – [Petroleum Memorandum] – URL: [Memorandum on the Finding that a Drawdown and Sale of Petroleum from the Strategic Petroleum Reserve is Required by U.S. Obligations Under the International Energy Program Implemented by the International Energy Agency | The White House](#)

197. National Consumer Protection Week, 2022 (MARCH 04, 2022) [Электронный ресурс]. – [Consumer Protection Week] – URL: [National Consumer Protection Week, 2022 | The White House](#)
198. Executive Order on Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine (MARCH 08, 2022) [Электронный ресурс]. – [Imports Executive Order] – URL: [Executive Order on Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine | The White House](#)
199. Executive Order on Ensuring Responsible Development of Digital Assets (MARCH 09, 2022) [Электронный ресурс]. – [Digital Assets Executive Order] – URL: [Executive Order on Ensuring Responsible Development of Digital Assets | The White House](#)
200. Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 552(c)(2) of the Foreign Assistance Act of 1961 (MARCH 16, 2022) [Электронный ресурс]. – [Delegation 4 Memorandum] – URL: [Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 552\(c\)\(2\) of the Foreign Assistance Act of 1961 | The White House](#)
201. A Proclamation on National Poison Prevention Week, 2022 (MARCH 18, 2022) [Электронный ресурс]. – [Poison Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Poison Prevention Week, 2022 | The White House](#)
202. A Proclamation on National Agriculture Day, 2022 (MARCH 21, 2022) [Электронный ресурс]. – [Agriculture Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Agriculture Day, 2022 | The White House](#)
203. Greek Independence Day: A National Day of Celebration of Greek and American Democracy, 2022 (MARCH 24, 2022) [Электронный ресурс]. – [Greek Independence Day] – URL: [Greek Independence Day: A National Day of Celebration of Greek and American Democracy, 2022 | The White House](#)
204. A Proclamation on César Chávez Day, 2022 (MARCH 30, 2022) [Электронный ресурс]. – [Chávez Day Proclamation] – URL: [A Proclamation on César Chávez Day, 2022 | The White House](#)

205. A Proclamation on National Donate Life Month, 2022 (MARCH 31, 2022) [Электронный ресурс]. – [Donate Life Proclamation 2022] – URL: [A Proclamation on National Donate Life Month, 2022 | The White House](#)
206. A Proclamation on National Donate Life Month, 2023 (MARCH 31, 2023) [Электронный ресурс]. – [Donate Life Proclamation 2023] – URL: [A Proclamation on National Donate Life Month, 2023 | The White House](#)
207. A Proclamation on National Former Prisoner Of War Recognition Day, 2022 (APRIL 08, 2022) [Электронный ресурс]. – [Prisoner Of War Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Former Prisoner Of War Recognition Day, 2022 | The White House](#)
208. Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 506(a)(1) of the Foreign Assistance Act of 1961 (APRIL 13, 2022) [Электронный ресурс]. – [Delegation Memorandum 2] – URL: [Memorandum on the Delegation of Authority Under Section 506\(a\)\(1\) of the Foreign Assistance Act of 1961 | The White House](#)
209. Executive Order on Strengthening the Nation’s Forests, Communities, and Local Economies (APRIL 22, 2022) [Электронный ресурс]. – [Nation’s Forests Executive Order] – URL: [Executive Order on Strengthening the Nation's Forests, Communities, and Local Economies | The White House](#)
210. A Proclamation on National Physical Fitness and Sports Month, 2022 (APRIL 29, 2022) [Электронный ресурс]. – [Fitness and Sports Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Physical Fitness and Sports Month, 2022 | The White House](#)
211. A Proclamation on National Mental Health Awareness Month, 2022 (APRIL 29, 2022) [Электронный ресурс]. – [Mental Health Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Mental Health Awareness Month, 2022 | The White House](#)
212. A Proclamation on National Small Business Week, 2022 (APRIL 29, 2022) [Электронный ресурс]. – [Small Business Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Small Business Week, 2022 | The White House](#)

213. A Proclamation on World Trade Week, 2022 (MAY 13, 2022) [Электронный ресурс]. – [World Trade Proclamation] – URL: [A Proclamation on World Trade Week, 2022 | The White House](#)
214. A Proclamation on National Defense Transportation Day And National Transportation Week, 2022 (MAY 13, 2022) [Электронный ресурс]. – [Transportation Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Defense Transportation Day And National Transportation Week, 2022 | The White House](#)
215. A Proclamation on Great Outdoors Month, 2022 (MAY 31, 2022) [Электронный ресурс]. – [Outdoors Proclamation] – URL: [A Proclamation on Great Outdoors Month, 2022 | The White House](#)
216. A Proclamation on National Homeownership Month, 2022 (MAY 31, 2022) [Электронный ресурс]. – [National Homeownership Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Homeownership Month, 2022 | The White House](#)
217. A Proclamation on National Apprenticeship Week, 2022 (NOVEMBER 10, 2022) [Электронный ресурс]. – [National Apprenticeship Proclamation] – URL: [A Proclamation on National Apprenticeship Week, 2022 | The White House](#)
218. Notice on the Continuation of the National Emergency with Respect to the Widespread Humanitarian Crisis in Afghanistan and the Potential for a Deepening Economic Collapse in Afghanistan (FEBRUARY 03, 2023) [Электронный ресурс]. – [Crisis in Afghanistan Notice] – URL: [Notice on the Continuation of the National Emergency with Respect to the Widespread Humanitarian Crisis in Afghanistan and the Potential for a Deepening Economic Collapse in Afghanistan | The White House](#)
219. Memorandum on Fourteenth Quadrennial Review of Military Compensation (JANUARY 31, 2023) [Электронный ресурс]. – [Military Compensation Memorandum] – URL: [Memorandum on Fourteenth Quadrennial Review of Military Compensation | The White House](#)
220. Executive Order on Protecting Access to Reproductive Healthcare Services (July 08, 2022) [Электронный ресурс]. – [Reproductive Healthcare Executive

Order] – URL: [Executive Order on Protecting Access to Reproductive Healthcare Services | The White House](#)

221. Executive Order on Interagency Security Committee (NOVEMBER 27, 2023) [Электронный ресурс]. – [Security Executive Order] – URL: [Executive Order on Interagency Security Committee | The White House](#)].

222. A Proclamation on Juneteenth Day of Observance, 2023 (June 16, 2023) [Электронный ресурс]. – [Juneteenth Day Proclamation] – URL: [A Proclamation on Juneteenth Day of Observance, 2023 | The White House](#)

223. PRESIDENTIAL PERMIT AUTHORIZING MAVERICK COUNTY, TEXAS, TO CONSTRUCT, MAINTAIN, AND OPERATE A VEHICULAR, PEDESTRIAN, AND RAIL BORDER CROSSING NEAR EAGLE PASS, TEXAS, AT THE INTERNATIONAL BOUNDARY BETWEEN THE UNITED STATES AND MEXICO (May 31, 2024) [Электронный ресурс]. – [CROSSING PASS PRESIDENTIAL PERMIT] – URL: [PRESIDENTIAL PERMIT AUTHORIZING MAVERICK COUNTY, TEXAS, TO CONSTRUCT, MAINTAIN, AND OPERATE A VEHICULAR, PEDESTRIAN, AND RAIL BORDER CROSSING NEAR EAGLE PASS, TEXAS, AT THE INTERNATIONAL BOUNDARY BETWEEN THE UNITED STATES AND MEXICO | The White House](#)

224. Memorandum on the Delegation of Certain Functions and Authorities Under the Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 and Public Law 117-78 (December 07, 2023) [Электронный ресурс]. – [Uyghur Human Rights Memorandum] – URL: [Memorandum on the Delegation of Certain Functions and Authorities Under the Uyghur Human Rights Policy Act of 2020 and Public Law 117-78 | The White House](#)

225. A Proclamation on Black Music Month, 2024 (May 31, 2024) [Электронный ресурс]. – [Black Music Proclamation] – URL: [A Proclamation on Black Music Month, 2024 | The White House](#)

226. President Joseph R. Biden, Jr. Approves Arkansas Disaster Declaration (May 30, 2024) [Электронный ресурс]. – [Arkansas Disaster Declaration] – URL:

[President Joseph R. Biden, Jr. Approves Arkansas Disaster Declaration | The White House](#)

227. A Proclamation on Older Americans Month, 2023 (APRIL 28, 2023) [Электронный ресурс]. – [Older Americans Proclamation] – URL: [A Proclamation on Older Americans Month, 2023 | The White House](#)

228. Executive Order Providing an Order of Succession Within the Department of Justice (JANUARY 03, 2025) [Электронный ресурс]. – [Executive Order of Succession] – URL: [Executive Order Providing an Order of Succession Within the Department of Justice | The White House](#)